

18+

АРТЁМ КРАСНОВ

БЛИЗЕРИДЫ

Артем Краснов

Блабериды

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=39826649

ISBN 9785449399793

Аннотация

Что за этой дверью? Не той дверью, что скрывает хранилища радиоактивных отходов, а за дверью, которая ведёт внутрь нас самих? Журналист Максим Грязин расследует причины смертности людей, живущих возле охраняемого объекта. Но чем больше узнаёт Максим, тем больше превращается в подозреваемого для самого себя и всё чаще спрашивает – кто я? А начало истории безобидно: предприниматель с дурной репутацией предлагает Максиму деньги за использование в статьях нелепого слова – блабериды... Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

Часть 1. Братерский	5
Часть 2. «Заря»	59
Конец ознакомительного фрагмента.	187

Блабериды

Артем Краснов

Фотограф Ultraone/Dreamstime.com (лицензия)

Редактор Надежда Сухова

© Артем Краснов, 2020

© Ultraone/Dreamstime.com (лицензия), фотографии, 2020

ISBN 978-5-4493-9979-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Часть 1. Братерский

Около года назад один человек с неважной репутацией назначил мне встречу. Человека звали Сергей Братерский.

Как любого журналиста меня интригует, если человек из деловой среды назначает встречу. Это может быть слив информации или заманчивое предложение; а в конце концов от всего можно отказаться.

В случае с Братерским за уколom любопытства наступило предчувствие, будто меня втягивают во что-то против моей воли. На доли секунды его неторопливый голос сбил меня с толку, разбудив азарт, но скоро я почувствовал себя человеком, которому настойчивый торговец продал ненужное.

Братерский был управляющим страховой компанией «Ариадна», совсем небольшой и малоизвестной. О таких компаниях всегда думаешь: переживёт ли она полисы, которые выписывает? На её логотипе буквы сплетались в узор настолько дикий, словно дизайнер загадывал ребус. Главный офис «Ариадны» находился в семиэтажном здании советской задумки, прямоугольном и сером, на крыльце которого бело-зелёная вывеска «Ариадны» терялась в пестроте других фирм.

Иногда владельцы подобных компаний заказывали у нас рекламу, но брали всегда самый дешёвый вариант, а потом изводили бесконечными согласованиями. Работать с ними

было сложно из-за особой чванливости, которая свойственна бизнесменам средней руки. Мы звали их мозготрахами (но грубее).

Братерский не был медийной личностью и приобрёл странную известность из-за нелепого инцидента трёхлетней давности. В то время область сотрясали коррупционные скандалы. Пойманных чиновников сажали под домашний арест и даже в следственный изолятор, крепили к ним устройства спутникового слежения и замораживали счета.

На волне коллективного бесогонства люди почувствовали кратковременное родство с властью. Народ требовал беспощадного правосудия, и власть не скупилась на публичные обещания. Журналисты соревновались в знании уголовного кодекса. Общественники распяляли друг друга на пресс-конференциях и круглых столах. Чиновники втайне мечтали прикрыть дверцу, из которой тянуло сквозняком новых скандалов, но вслух соглашались с необходимостью самых отчаянных мер. За пару месяцев маховик разогнался до такой степени, что угрожал стереть в порошок любого.

Потом информационную бурю сменило странное затишье, когда любое неосторожное слово могло быть интерпретировано, искажено, использовано против.

В эти дни Братерский дал интервью небольшой полурекламной газете, где в числе прочего иронично высказался насчёт местных шишек, которые требовали наиболее суровых наказаний бывшим коллегам и партнёрам. Братерский

выразил симпатию некоторым подследственным, один из которых якобы дал городу больше, чем украл. Наконец, Братерский проехался по депутату Христову, который проходил свидетелем по двум делам, и непрозрачно намекнул, что с таким рвением тот может оказаться по другую сторону решётки.

Братерский явно не ожидал, что его откровения в не самой популярной газете растащат соцсети, а за ними спохватятся СМИ. Информационный вакуум последних недель всосал комментарии Братерского с неожиданной силой, и его цитаты оказались на первых полосах изданий, словно он был прокурором или медийной персоной.

Общественный резонанс потребовал ответа Христова. Тот, вероятно, опасался сболтнуть лишнего, но боялся и потерять лицо. Он занял позицию справедливого патриарха, который смотрит на возню под ним с добродушной иронией. Выступая перед журналистами после какого-то заседания, он ещё раз осудил коррупцию и намекнул на отдельных личностей, которые мешают процессу.

– Есть тут у нас один, так сказать, червячок, который так долго выедал яблоко, что когда вылез из дырки на свет божий, не понял, куда ветер дует, – сказал Христов под смешки журналистов. – А потом этот червячок, не разобравшись в сути вопроса, стал делать умозаключения, да всё как-то невпопад.

Уже к вечеру Братерский стал человеком-мемом, который

в образе червяка в кепке разошёлся по Сети.

Братерский не ответил на удачный пиар-ход Христова и временно исчез с радаров. Потом незаметно, как полагаётся «червячку», материализовался вновь и зажил прежней, незаметной жизнью.

Журналисты хотели скандала, поэтому мягкотелость Братерского разочаровала их. Его записали в терпилы и некоторое время склоняли в статьях, провоцируя на новые репризы. Но Братерский молчал и существовал в виде картинки с удивлённым червячком в коричневой кепке, которую снабжали нелепыми подписями, вроде «Брат, а горячую воду уже дали?».

В период всеобщего увлечения Братерским-мемом я тоже пару раз проехался по нему в своих статьях, хотя и не имел в виду ничего личного. Топтать червяка-Братерского в то время было естественно.

Хочет ли он свести со мной счёты? Эта параноидальная мысль примешивалась к сомнениям насчёт грядущей встречи. Я настраивал себя воинственно и готовился припомнить Братерскому его опрометчивые высказывания, если тот пойдёт в лобовую атаку.

Братерский... Кто он? Типичный бизнесмен без удачи. Вечный посетитель тренингов личностного роста. Человек, заражённый историями чужих успехов и глупыми мотиваторами. Для чего мне встречаться с ним? Разговор может оказаться таким пустым, что я до Рождества буду жалеть о по-

траченном часе или полутора.

Встречу Братерский назначил в кафе «Мария» – заведении с трудной судьбой. Оно находилось почти в центре города на пересечении двух старинных улиц в доме, который сохранил номер с дробной частью. Удачное расположение превратило «Марию» в переходящий приз для банд 90-х, и за последние двадцать лет кафе видело больше капитальных ремонтов, чем посетителей. Его превращали то в казино, то в ресторан, то в клуб, но хозяин менялся раньше, чем новый статус успевал прижиться, поэтому оно так и оставалось советским кафе «Мария». В моем детстве здесь продавали мороженное с шоколадной крошкой и жёлтый лимонад.

Сделав затейливый крюк, заведение устало от приключений и снова превратилось в кафе «Мария». Здесь, как и раньше, можно было заказать мороженное с шоколадной крошкой, но, конечно, не такое вкусное.

* * *

Стояла осень. На улице было сухо, а со стороны сквера тянуло дымом. Лет двадцать назад я ходил по этим же улицам подростком, вдыхал этот дым и предавался мечтам, которые не сбылись.

Мне не хотелось в «Марию», не хотелось обсуждать работу и состояние страхового рынка. Перспектива спорить с Братерским об уместности мемов-червячков казалась не менее тщетной.

Я потянул массивную ручку входной двери. В помещении

был полумрак. К запаху салатов примешивался едва уловимый дух вечернего кальяна. Из колонок звучали гитарные переборы. Музыка не имела ни первого аккорда, ни последнего.

На входе меня перехватила девушка-администратор. Мне показалось, она ждала меня. Уточнив имя, она улыбнулась, слегка поклонилась и вручила белый конверт.

– Спасибо. Что это?

Она склонилась сильнее и проговорила мягким шёпотом:

– Сергей Михайлович передал вам. Не открывайте пока.

«Сергей Михайлович». Забавно. Даже с подобострастием.

Похоже, Сергей Михайлович берет с места в карьер. Взятка это или что?

Я с сомнением повертел конверт. Он был лёгким и казался пустым.

Девушка показала мне направление: по залу мимо бара и там правее.

Внутри «Мария» была типичным кафе, где утром вам предложат завтрак с кофе и сырниками, а днём бизнес-ланч. Вечером здесь сновали официантки, половина столиков была занята, публика сидела небогатая, пила кофе и казалась самой себе вполне успешной. От перекрестий взглядов было тесновато.

Братерский сидел в дальнем конце зала у самого окна, и мне понравилась уединённость места. Он изучал что-то в смартфоне. Когда я подошёл и поздоровался, Братерский

удостоил меня лишь коротким приветствием и снова уткнулся в экран, словно мы какие-то старые приятели.

Братерскому было за сорок. Для своих лет выглядел он неплохо. Тёмные чуть вьющиеся волосы почти без седины были зачёсаны назад. Ухоженное лицо с выбритым подбородком подошло бы слегка переросшему студенту. У него бы быстрый взгляд-репейник, от которого ещё несколько секунд чувствуешь колкость.

Не отрываясь от смартфона, он показал на вешалку. Я повесил куртку. Музыка всё играла по кругу.

Словно понимая неловкость, Братерский жестом попросил ещё минуту. Что-то важное держало его внимание. Я разглядывал белые манжеты, торчащие из-под рукавов дорогого, должно быть, пиджака. До сих пор я представлял Братерского по нечётким газетным снимкам и карикатурам с червячком, на которые он оказался не похож.

Официантка с прямоугольными ногтями цвета жилетки ДПС приняла мой заказ. Братерский кивнул ей неопределённо – видимо, она знала его предпочтения.

Он смотрел на смартфон с тревожным вниманием. Так пожилые родственники ждут, когда спустит манжета аппарата для измерения давления. Что-то менялось на экране, и это что-то гипнотизировало Братерского. Скоро он увидел результат, бровь его дёрнулась, но очень быстро он спохватился и ожил, словно получил хорошее известие.

Братерский демонстративно перевернул смартфон экра-

ном вниз и энергично встал. Я тоже встал, менее энергично, и чуть не уронил стул. С лёгким поклоном Братерский протянул мне руку и крепко сжал ладонь, чуть притягивая к себе. Он смотрел прямо в глаза, и одна половина его лица, более молодая, чуть улыбалась, а вторая была серьёзна и внимательна.

– Благодарю, что откликнулись на моё приглашение, – сказал он с подкупающим прямодушием, словно назначить встречу со мной в самом деле было непросто.

Я знаю, что значат преувеличенно тёплые приветствия. Я писал статью про сектантов. С такими надо быть аккуратнее.

Мы сели. Пока я размышлял, как солиднее начать разговор, Братерский спросил:

– Бывает так, что вы ненавидите толпу?

У него были голубые глаза; в глухом свете кафе зрачки казались большими, тонкий нимб радужной оболочки светился по окружности. Он смотрел на меня так, словно ему в самом деле было интересно.

– В каком смысле?

– В прямом. Толпа вас раздражает? Выводит из равновесия?

Когда Братерский говорил, он сдержанно жестикулировал, утяжеляя слова.

Раздражает ли меня толпа? Я вспомнил, как здорово в школе поздним вечером, когда кругом никого, и шаги звучат с приятным длинным эхом. И как плохо без десяти

восемь утра, когда толпа старшеклассников оттесняет тебя от гардероба.

– Я думаю, это у всех так, – ответил я неопределённо.

– Не у всех.

Официантка с кислотными ногтями принесла мой капучино и бутылку воды Братерскому. Он сказал:

– Максим, у меня к вам предложение. Деловое предложение. Я имею в виду, что оно будет оплачиваться. И оплата уже у вас.

Он кивнул на куртку позади меня, в карман которой я положил согнутый пополам конверт. Этот аванс нервировал, будто я уже на что-то согласился. Надо кончать этот театр.

– Сергей Михайлович, чтобы не было недопонимания, давайте я сразу верну конверт, – сказал я, вставая.

– Да вы не паникуйте, Максим, – ответил он чуть насмешливо. – В конверте именно то, на что вы согласитесь. В каком-то смысле это уже решено.

– В каком это?

– Давайте я расскажу о своём предложении, а вы решите. Вернуть конверт можно всегда. Смотрите: мне нужно, чтобы в своих статьях вы периодически, без какого-либо принуждения, употребляли слово, которое я вам назову.

– И что это за слово?

– Блабериды.

Я не стал скрывать удивления. Братерский ждал ответа. Его взгляд стал жёстче, почти чёрным.

– Что оно значит? – спросил я.

– Посмотрите в интернете.

– А... пфф.... Как я его должен употреблять?

– С негативными коннотациями. На самом деле, это вопрос технический. Пока мне нужно ваше принципиальное согласие.

– А...

Он не дал мне договорить, вытащил авторучку и написал на салфетке сумму. Ручка писала плохо, салфетка изорвалась.

– За каждое упоминание, – подтолкнул он салфетку ко мне. – Меня интересует примерно 5—10 упоминаний в месяц в статьях и около 30 упоминаний в ваших блогах. В конверте сумма за первый месяц.

Предложение было достаточно щедрым, я бы сказал, абсурдно щедрым, если учесть ничтожность просьбы. Я достал смартфон и набрал слово «блабериды», которое слышал впервые.

Поисковик выдал: «Блабериды – крупное семейство тараканов, представленное в основном тропическими видами». На фотографии блабериды выглядели чешуйчатыми жуками, вид которых не вызывал желания углубляться в вопрос.

– Сергей Михайлович, – сказал я, неспешно откладывая смартфон. – Мне пока не хватает фантазии представить, как использовать в статьях название сорта... или рода... или... не знаю, семейства, что ли, тараканов, потому что я пишу

в основном про людей.

– А какая разница? – Братерский смотрел серьёзно.

– Я не очень улавливаю, к чему вы клоните, но разница есть, – ответил я твердо.

– Я прошу вас использовать его, как слова «лопух», «рептилоид», «ватник», «козёл», «ублюдок» или что-то в этом роде. У вас есть свобода выбора. Представьте, что это обычное ругательство.

– Я должен назвать кого-то блаберидом?

– Строго говоря, она женского рода, блаберида, но это не принципиально. Можете говорить блаберид.

– Я не понимаю, как я могу обозвать кого-то блаберидом?

Кого и зачем?

– Есть же люди, которые называют других, например, червячком.

Я усмехнулся. Вот, значит, в чём дело. Его до сих пор нервирует эта кличка. Неужели он и впрямь такой злопамятный? Вся эта хитроумная канитель нужна лишь для того, чтобы обозвать блаберидом одного ненавистного депутата. Я пошёл в контратаку:

– Окей. Допустим, я назову блаберидом господина Христова, – я произвольно понизил голос. – Вы к этому клоните?

– Христова не надо, – ответил Братерский. – Какой же он блаберид? Христов уважаемый человек и депутат.

Братерский произнёс это спокойно и абсолютно серьёзно,

что невозможно было понять, подначивает он меня или в самом деле признает авторитет Христова. Боится его? Христова многие боятся.

– Тогда можно пример блабериды, чтобы я лучше понял задачу.

– Да вы так не напрягайтесь, Максим. Вам сама жизнь подскажет, кто блаберид, а кто нет.

– Так вы сами и называйте кого хотите блаберидами. Я не понимаю, для чего вам я.

– У вас есть доступ к аудитории.

– Стоп, – я отставил чашку. – Вот именно. Я журналист. Есть законы. Я не могу согласиться на то, чего не понимаю. Я назову кого-нибудь блаберидом, и мне прилетит иск за клевету, оскорбление, не знаю... подрыв деловой репутации. Может быть, на тюремном арго это слово значит что-то очень плохое, а я буду совать его в дело и не в дело... Нет, так не пойдёт.

Я помолчал, глядя на остатки капучино в чашке. Дать ему отлуп? Но всё-таки любопытно...

– Давайте по-другому, – сказал я. – Вы расскажите мне смысл затеи, и если она не противоречит моим собственным убеждениям, я сделаю работу бесплатно. Вот так.

– Хорошо, – Братерский медленно водил трубочкой для питья в стакане. – У слова «блабериды» нет значения, кроме того, что вы только что прочитали – это семейство африканских тараканов. Если мои предположения верны, че-

рез некоторое время регулярного употребления слово приживётся в языке, и у него появится альтернативная семантика, расшифровав которую, может будет сделать некоторые выводы.

– О чем?

– О нас с вами. О людях.

– То есть это некий лингвистический эксперимент?

– Что-то вроде того. Так вы согласны?

– Мне надо подумать.

Братерский кивнул.

Я хотел расплатиться за капучино, но Братерский быстро перехватил мою руку.

– Не мелочитесь, – сказал он. – Откройте лучше конверт.

Я сунул руку в карман куртки и достал конверт. Внутри был свёрнутый пополам листок. На листке было написано от руки «Вы отказались от денег».

Сектант чертов.

* * *

По утрам стояли туманы, моросил мелкий дождь, стекла редакционного офиса потели изнутри. Мрачные утра переходили в молочные дни, мы тратили летние витамины и жили, как будто не просыпаясь.

Задание Братерского оказалось проще, чем я предполагал. Через пару дней я научился вплетать «блаберидов» в текст так, чтобы звучало более-менее органично и в то же время без оскорбительной конкретики. Я набил руку в бло-

гах и комментариях, а затем аккуратно перенёс «блаберидов» в тексты статей.

«Те, кто по жизни блаберид...»

«Послушать блаберидов, всегда всё просто».

«Но отдельные блабериды продолжают настаивать...»

«Не будем уподобляться блаберидам...»

«Типичная мантра блаберидов...»

У блаберидов было важное достоинство – они не входили ни в один справочник ругательств, а значит, формально никого не задевали. И всё же слово было обценным, и когда полемический накал требовал перца, блабериды приходили на помощь.

Иногда читатели возмущались таким словоупотреблением, советуя мне «писать по-русски», но у меня была заготовлена ссылка на статью в энтомологической энциклопедии, которая вполне по-русски расшифровывала слово «блаберида». Иногда меня подначивали: «Максим, да у вас одни тараканы в голове» или «Вы, как я погляжу, становитесь специалистом по членистоногим». Я не обижался.

Ещё до первого снега блабериды прижились в русской речи, как и подобает тараканам. Первый раз я заметил «чужого» блаберида в сообщении друга, который использовал слово, будто понимал его смысл. В запале он обозвал блаберидами некоторых своих френдов. «Мне сложно говорить о таких вещах, когда концентрация блаберидов в комментариях перешла грань разумного», – написал он.

Это неожиданное открытие воодушевило меня, как первое слово, сказанное ребёнком. Я стал не единственным дис-трибьютором блаберидов в сети.

Я несколько раз перечитал тот короткий пост и выучил его наизусть. В проходной фразе, какими пестрит интернет, был ключ к загадке, которую загадал Братерский. Я как будто был в одном шаге от правильного ответа. Я спросил товарища, что он имел в виду под этим словом, но он тут же закипел и принялся обвинять оппонентов в скудоумии и передергивании его мыслей.

– Слушай, скажи мне честно, а я – блаберид? – спросил я в личке.

– Нет, конечно, – прислал он мне короткий ответ.

Блабериды вошли в интернет-сленг, вытесняя привычные сочетания, вроде диванный аналитик, борзописец, умник и так далее. Блаберидами называли оппонентов в политических спорах, офисных эрудитов, неявных алкоголиков (бутылка пива в день), покупателей чересчур дорогих машин в кредит, поэтов-графоманов и почти всех, кто заслуживал упрёка с высоты авторской позиции.

Однажды я увидел «блаберида» в заголовке серьёзной газеты. «Власть и блабериды: мир эпохи декаданса» – было напечатано крупным шрифтом на верху страницы. В киоске не было безналичного расчёта, мне пришлось разменивать крупную купюру, и пока вялая, как гостиничный фен, продавщица отсчитывала мне мелкие банкноты, казалось, по-

следний экземпляр газеты продадут.

Я так спешил, что разочарование было особенно горьким. Статья оказалась скучной, пространной и высокомерной; автор изобличал современников и приводил в пример иные времена, а потом рассуждал об Анне Ахматовой, Андрее Миронове и Владимире Высоцком. Какой именно смысл он вкладывал в слово блабериды, я не понял. Блаберид, кроме заголовка, встречался единожды в обтекаемой фразе, что, дескать, те «кого на сленге зовут блаберидами», не имеют ни идеологии, ни ценностей.

Чем резвее блаберид осеменял русскоязычный интернет, тем острее была моя ревность. Пусть каждый успех записывался на мой счёт, меня мучила необходимость делить дивиденды тщеславия с истинным автором этого слова.

Слово внедрилось в язык, как жук-короед, не нуждаясь больше ни во мне, ни в Братерском. Слово зажило своей жизнью. Я был доволен собой, но также понимал, что лишь раскручиваю пружину, затянутую Братерским.

* * *

В одно утро, когда снег уже покрыл землю рваной простыней, по пути на работу, глядя на мельтешение дворников по стеклу, я задумался над тем, какая может быть связь между управляющим мелкой страховой компанией и лингвистическими экспериментами.

Приехав в офис, я стал искать информацию о Братерском. Он дал несколько скучных интервью, в которых объяснял

состояние рынка, сетовал на законы и предлагал какие-то улучшения, в общем сам выглядел как блаберид. Его газетный образ удивительно расходился с человеком, которого я встретил в кафе «Мария».

Но потом, почти случайно, я обнаружил кое-что действительно любопытное. Я обнаружил, что двадцать пять лет назад Братерский считался чрезвычайно одаренным подростком. Он окончил престижную школу и завоевал несколько золотых медалей на математических олимпиадах. В старых газетах, черно-белых и криво отсканированных, учителя и одноклассники аттестовали Братерского как будущего гения.

Но в его биографии был разрыв. Годы информационного вакуума, в течение которых бабочка окуклилась и превратилась обратно в гусеницу. Может быть, его талант имел гормональную основу и закончился вместе с переходным возрастом?

Почему с кончиной печатных СМИ кончился и гений-Братерский? Почему в интернете он стал червячком-Братерским, мальчиком для битья? Почему никто, даже он сам, не упомянул ни разу выдающихся способностей 15-летнего Серёжи Братерского? Были ли эти способности?

В конце концов я заподозрил, что речь о разных людях. Но тщательная проверка и запрос в школу подтвердили, что с фотографии начала 90-х улыбался тот самый Серёжа.

Эту фотографию я сохранил себе на компьютер. Чем-то

она меня привлекла. Молодой Братерский был снят крупным планом, кудри выбивались из-под квадратной академической шапочки, глаза смотрели придирчиво. Я долго изучал снимок. Лицо Братерского выражало радость, но была в нём скрытая дерзость, даже свирепость, которую может позволить тот, кто привык считать себя выше остальных.

Не такое ли впечатление возникло у меня от его энергичного рукопожатия?

* * *

Примерно через полгода, в конце марта 2016 года, Братерский позвонил мне вновь и предложил встретиться в «Марии». Мне потребовалось некоторое самообладание, чтобы скрыть восторг, потому что интерес к Братерскому продолжал тлеть. Груз открытий копился и требовал генеральной уборки.

– Полагаю, по условиям нашего соглашения вы должны знать о результатах эксперимента, – сказал Братерский, когда мы расположились за столиками «Марии».

Наши отношения потеплели. Я понял это по особой доверительности его речи.

Братерский пролистал что-то на смартфоне и протянул мне. Это была статья из энциклопедии новояза, где довольно остроумные авторы без обиняков толковали понятия, которых избегали энциклопедии потяжелее.

«Блабериды – второй после быдла вид хомо сапиенс деградантус, который населяет планету Земля на всех пяти

континентах, являясь самым распространенным видом человекоподобных в развитых обществах эпохи материального благополучия. Внешне блабериды похожи на людей, и отличия являются более поведенческими, чем физиологическими.

В некоторых трактовках блабериды являются образованным и более претенциозным вариантом быдла, часто смешиваясь с ним до степени неразличения.

В основе поведения блаберидов двоичная логика, основанная на принципе «тепло/холодно». Жизнь блабериды подчиняется температурному градиенту: он всегда бежит от холода к теплу.

Блабериды – стайные животные, которые чувствуют себя неуверенно без себе подобных. Они шумны и подвижны, в стаях проявляют агрессию ко всем, кто не является блаберидом, не отдавая себе отчёт в причинах агрессии. Укусы блаберидов, особенно в массе, заразны.

Внутри стай блабериды как правило делятся на враждующие классы, которые формально отрицают друг друга, но одинаковы по своей сути.

Блабериды любопытны, но не способны долго идти в одном направлении. Они часто бывают энергичными, но всегда ходят по кругу. Блабериды не способны выйти за круг; всё выходящее за круг они высмеивают.

Блабериды очень чувствительны, хотя не показывают этого; они толкаются локтями, провоцируя великое брожение

блаберидов, альтернативным названием которому является кипение говн.

В отличие от быдла, блабериды стараются выглядеть культурными людьми и повышают уровень образованности в течение жизни, чтобы на фоне других блаберидов казаться блаберидами другой касты. Любят цитаты великих и чужие мысли. Сложные смыслы редуцируют к простым, как правило, связанным непосредственно с бытом блаберидов. Предпочитают фрагментарные знания и любое значимое явление дробят на мелкие, не признавая ничего великого.

Блабериды, поставленные в критическую ситуацию, имеют повадки быдла, которое в остальное время презируют.

Блабериды испытывают суррогаты чувств, предпочитая их зримые проявления. Для них характерен принцип: не вижу – не чувствую.

Траекторию жизни блаберида можно описать как нисходящую спираль самоупрощения, которое маскируется обрывочными знаниями, значимость которых блаберидами преувеличивается».

Я читал и, видимо, незаметно для себя улыбался. Братерский спросил:

– Вы не ожидали такого, верно?

– Это очень забавно. А я был единственным, кто вбросил слово в медийную плоскость?

– Да.

– То есть это определение никем не придумано? Как го-

ворили в старину: автор – народ?

– Да. Вы сами это почувствовали. Значение слова выкристаллизовалось из контекста его употреблений.

– А как вы до этого додумались?

Братерский некоторое время молчал.

– Существуют понятия, для которых нет слов. Если у человека нет слова, он считает, что понятия не существует, точнее, не распознает его. Если придать незнакомому слову импульс, окраску, намагниченность, человек приспособит его для обозначения того, что ранее никак называлось.

– А для чего вам это нужно?

– Мы привыкли задавать вопросы людям, но как задать вопрос целому обществу? Как спросить его, если общество не есть арифметическая сумма людей? Если социологические опросы говорят лишь то, что хотят услышать их авторы? Общество – это процесс, отдельные носители которого не знают о цели процесса и своей роли, не знают даже самих себя. Общество можно спросить только целиком. И я спрашиваю.

Я сказал:

– Это интересно. Ну а какой практический смысл?

– Вы играете в бильярд? – спросил вдруг Братерский.

Приятный озноб побежал по телу – я немного играл в бильярд и на любительском чемпионате среди СМИ занял третье место, потренировавшись лишь день. Опытные люди сказали, что у меня есть задатки.

– Чуть-чуть, – ответил я скромно.

– Прекрасно.

Я заметил, что он не просит счёт и ничего не платит: тогда я в первый раз сообразил, что заведение «Мария» принадлежало ему.

Мы миновали барную стойку и пожарные выходы, прошли по коридору и попали в заднюю часть здания, а точнее, в пристрой, сложенный из бурого кирпича. Он заполнял пространство между «Марией» и соседним домом. Окна выходили на тесный задний двор, образованный косым многоугольником старых построек.

В комнате с низкими подоконниками и деревянными полами косой свет бил на шесть бильярдных столов. Двое посетителей, глянув на нас, продолжили играть без азарта. Цокал кий, и шары глухо бились по стенам. Скрипел старый пол.

Один из столов был закрыт чехлом, и Братерский направился к нему, скинул покрывало и выставил шары. Он снял пиджак. Движения его были уверенными, как у человека, который проделывал это много раз.

– Я не умею играть, – зачем-то доложил он.

В белой рубашке с ослабленным воротом он двигался, как фехтовальщик. Сложно было поверить, что он не умеет.

Разбивал я. Удар получился неточным, и треугольник шаров вяло разъехался в стороны. Братерский прицелился по шару, который я бы не выбрал в качестве отправной точки; и всё же он рассчитал правильно – шары бешено замета-

лись по столу, и два тут же угодили в лузы. Я не успел разобраться, как ему это удалось.

Следующие три удара принесли ему ещё пять шаров. Я смотрел с недоумением, потому что Братерский в самом деле не был похож на игрока в бильярд, даже на тех двух, что сражались за соседним столом. Хороший игрок не спешит, когда выбирает позицию, но стоит ему почувствовать вкус, изготавиться, задержать дыхание, как он превращается в оружейный затвор. Удар выходит звонким и отчётливым.

Братерский играл не так. Он торопливо и небрежно выбирал позицию, зато потом долго искал устойчивую позу, стараясь не задеть другие шары. Пальцы его не отличались твёрдостью, кий гулял. Ехидный тренер, с которым я занимался перед чемпионатом СМИ, назвал бы его пальцы «макаронами», а насчёт позы высказался бы так: кто бочком, кто рачком.

Но бил Братерский хитро. Удары получались смазанными и шли как бы вскользь, но шары ложились в лузы на самом излёте, как соглашаются мягкотелые, но нерешительные собеседники.

Один раз он всё же промахнулся, и я попытался перехватить инициативу, но закатил лишь один шар. Братерский добил партию.

Он лукавил насчёт своего неумения. Я распознал в его манере игры нечто новое, быть может, другую школу бильярда, в которой полагаются не столько на силу удара, сколько

на мягкость и точность, отмеряя ему энергии ровно столько, чтобы он свалился в лузу на последних вздохах.

– Партия, – произнёс Братерский. – Что скажете?

– Я, похоже, мало понимаю в бильярде. У вас интересная техника. Вы здорово играете.

Двое за соседним столом глядели на нас и о чем-то переговаривались. Судачили о моем почти сухом поражении.

– А я неважно играю, – продолжал я. – Да и пробовал всего несколько раз, если не считать компьютерного бильярда...

– Я вам советую поразмышлять об этом, – заявил он. – Очевидная причина не всегда самая правильная.

В тот вечер я ушёл из «Марии» в смятении. Вместо ответа я получил ещё больше вопросов.

* * *

Период жизни, когда я встретил Братерского, был сложным. Чёрная полоса? Нет, скорее, слишком резкое чередование чёрных и белых полос. Жизнь была контрастным душем, и воодушевление сменялось апатией с такой быстротой, что не было удовольствия и от воодушевления.

Каждый шаг был шагом не туда. Стояние на месте было ещё хуже. Я что-то делал, что-то писал, с кем-то спорил, пытался направить жизнь в новое русло, но от каждой попытки был привкус разочарования. «Лучше бы не делал», – часто размышлял я задним умом.

Редакцию сотрясали кадровые землетрясения. Сайт «Дирижабль» вместе с одноимённой газетой и радиостанцией

«Пять плюс» принадлежали бизнесмену Марселю Ветлугину. Мы не были в фокусе интересов строительного магната, и, может быть, поэтому не сразу стало заметно, как медийное крыло прогрызло в карманах Марселя Яковлевича изрядную дыру.

Поэтому в прошлом году все три СМИ были объединены в единый холдинг «Дирижабль плюс», генеральным директором которого назначили Алика Ветлугина, среднего сына Марселя Яковлевича.

Алик явился нам жарким летним днём в джинсах и майке, растянутой объёмом его живота. Потный и решительный он стоял перед коллективом редакции, засунув руки в карманы и раскачиваясь с носка на пятку. Слова приходили к нему постепенно, как крупницы в песочных часах, он выдавал их короткими самоуверенными очередями, глядя куда-то в пол. Он обещал встряхнуть, разбудить, привести в чувство и в конечном итоге вывести медийную часть бизнеса отца на прибыль ко второму кварталу следующего года.

Мы с любопытством следили за Григорием Мостовым, нашим Гришей, к которому вдруг прониклись коллективным сочувствием, как ко всем, кого ведут на плаху. До прихода Алика именно главред считался руководителем сайта и газеты. Это под него девять лет назад Ветлугин-старший создал новостное издание, ему он дал почти неограниченную свободу. И теперь его ошибки пришёл исправлять Алик, затылок которого искрился потом, потому что кондиционер в ре-

дакции работал с перебойями.

Григорий Мостовой – внук советского дипломата и разведчика. Человек, закончивший московский вуз с красным дипломом. Большой знаток военной истории. Вероятно, самый суровый публицист города. Главный редактор по умолчанию. Главный, который не сблизился с коллективом настолько, чтобы потерять право читать сухие отповеди любому и за что угодно. Он был старше меня на шесть лет, но казалось, нас разделяет поколение.

Вдруг его безграничная свобода творчества оказалась урезана требованием закрыть редакторские колонки, сократить объем материалов до 3000 символов и уделять больше внимания событийной повестке. Вдруг в кабинете Григория произошла перестановка, и его стол вместе с массивным креслом переехали в угол, а в другом углу поселился человек-контраст. Гриша был высок, носил очки и аккуратную причёску; его новый босс предпочитал кеды, майку и стрижку полубокс. Григорий всегда держал дистанцию; он хвалил и ругал как будто через стекло; он никого не подпускал на расстояние душевного разговора. Алик давал смелые обещания, был склонен к вспышкам гнева, а в остальное время – к панибратству, любил неудобные вопросы и юмор уровня КВН.

Мы с любопытством наблюдали, как уживутся в стеклянной клетке эти двое, столь разные и всё же имевшие почти равные права на трон: один по рождению, другой по заслу-

гам. Мы ждали взрыва, скандала, ухода Гриши, раскола редакции, громких разоблачений.

Из редакции действительно ушли несколько ключевых сотрудников, остальные жили на пороховой бочке ожидания. Постучаться могли к любому и предложить тройную зарплату за расставание без скандала. Мы ждали, когда тройную зарплату предложат Грише.

Но он остался. Стало ясно, что между Гришей и Аликом установились странные отношения, похожие на молчаливый сговор. Гриша не подвергал сомнению авторитет Алика. Алик избегал прямого противоречия Грише. Алик, отвечавший за финансовое состояние компании, встал на ступень выше. Он бесцеремонно перекраивал редакционный контент, бурля идеями, заимствованными у кого-то ещё. Гриша не оказывал сопротивления и, напротив, держался так, словно все изменения были ему на руку и он сам размышлял о чем-то подобном. Слоноподобную поступь нового босса Гриша слышал вдруг ритмом маршевых барабанов.

Я был уверен, что хитрый Гриша, внук советского дипломата и знаток военной истории, чувствовал себя героем-разведчиком в тылу врага, который ждёт своего часа. Образованный, демократичный и всё же высокомерный, почти надменный, Гриша вряд ли добровольно смирился с тем, что кто-то бесцеремонно рушит то, что он создавал годами. Не в самих изменениях, а в их спонтанном характере виделась мне главная проблема; мне сложно было предста-

вить, что Гриша, годами пестовавший рубрику «День в истории», вдруг безропотно согласился закрыть её из-за неважного трафика.

Тектонические сдвиги сказывались и на нас, прежде всего изматывающим чувством неопределённости. Мы ждали звонка или вызова в кабинет, боялись увольнения. Мы боялись изменений, потому что не видели вдохновляющей цели. Нам предложили несколько целей на выбор, но все они казались миражами.

Когда-то мы были чопорны, писали длинные статьи, следили за грамотностью и тщательно проверяли факты. У нас была довольно качественная и образованная аудитория наподобие самого главреда.

Но мы не приносили прибыли. Мы были убыточны. Это страшный грех. Это непростительная ошибка. Теперь мы учились быть быстрыми, злободневными и «раскованными» (так называл это Алик), и те, кто не мог приспособиться мгновенно, подыскивали альтернативные варианты трудоустройства, к сожалению, крайне дефицитные. Оказаться ненужным можно было по объективным причинам или потому, что во время очередного судьбоносного заседания Алик второпях поставит минус напротив твоей фамилии или раздраконит последнюю статью, которой ты сам недоволен.

Меня рвало на части. Я размышлял, нужен ли я этой компании, этому обществу и этому миру вообще. То я впадал в нездоровую эйфорию, то погружался в безразличие. Я

знал, что часы тикают, и подспудно хотел, чтобы мои тикали быстрее. Не важно, что ждёт за их последним ударом – там есть определённость. Или хотя бы отсутствие глупых надежд.

В это время меня и нашёл Братерский. Наш эксперимент лишь добавил забот, и дело не только в том, что однажды меня вызвал Гриша и спросил, что значит слово «блабериды». Он спросил это с брезгливостью борца за чистоту русского языка, который считает любой жаргон заигрыванием с толпой и стремлением низвести себя до их уровня. Вероятно, мои аргументы о живости и переменчивости языка не нашли бы понимания у прежнего Гриши, но под тяжёлой пятой Алика он не стал пускаться в длинные рассуждения. Блабериды остались.

Но не это главное. Главное, я стал видеть их повсюду. Тошнотворность моего состояния словно обрела центр кипения, и то, что раньше проходило через меня волнами, вдруг окончательно прояснилось. Блабериды. Они везде.

Алик Ветлугин блаберид, это очевидно. А Гриша Мостовой – разве он не блаберид? Эта мысль искушала меня, волновала и мучила. Говорила ли во мне зависть? Гриша отличался от нас педантичностью и образованностью, он был интеллектуалом, продолжателем дела своих предков. Но...

Но чем больше я смотрел на него, тем больше он казался мне блаберидом. Брезгливость, с которой он произносил слово «блаберид», заставила задуматься – может быть, попа-

дание оказалось чересчур точным?

Мысль окрепла, когда Братерский показал мне определение блаберидов. Примеряя его на Гришу, я вдруг осознал, что его интеллектуальность была лишь формой доминирования над нами, полуобразованными журналистами, которые выбрали профессию за её непыльность. Гриша не породил новых мыслей. «Хождение по кругу» хорошо определяло способ его мышления, потому что всё прочитанное и обдуманное им не приводило к смещению фокуса мысли, а лишь вызывало круговорот одних и тех же аргументов из статьи в статью.

Великие события, участниками которых были его предки, он низводил до каких-то пуговиц на мундирах, форму и материал которых он готов был обсуждать часами, лично и в соцсетях.

Я вдруг отчётливо увидел причины непротивления Гриши тому, что низкорослый человек, вроде Алика, который младше его лет на восемь, указывает ему дорогу и насмехается, пусть беззлобно, над его монументальным творчеством. Не хитрость и не отсутствие гордости делали Гришу лояльным. Увеличение зарплаты и грядущее расширение бизнеса мотивировало Гришу, который вдруг понял, что с Аликом он способен монетизировать свою эрудицию в два раза лучше.

Эту гипотезу я слышал несколько раз от других, но пропускал мимо ушей, поскольку всё же считал Гришу человеком высокого полёта. Но взятое с потолка слово вдруг

расставило всё на свои места: Гриша – блаберид, он ходит по кругу и стремится от холода к теплу, он хочет весёлой толкотни вокруг и хочет возвышаться над этой толкотней, потому что он внук советского дипломата, наследие которого он дробит, делит и продаёт. Он готов на компромиссы.

Как-то я встретил в кафе давнего товарища, Ваню, друга детства, с которым виделся лишь изредка. В молодости он слыл одаренным человеком, хорошо рисовал, имел твёрдую руку и абсолютный слух. Одно время я был покорен им, точнее, той лёгкостью, с которой ему удавалось нарисовать шарж на учителя физики; две-три линии окурком на серой стене туалета – и сходство было пугающим. Теперь Ваня раздался вширь, стал насмешлив, неприятно деловит и напо-рист; теперь он был агентом компании, которая продавала холодильное оборудование. Расставаясь, я понял, что если наша дружба и существовала, это было слишком давно. Нас уже не было, вместо нас пришло что-то другое, чему ещё недавно не было названия.

Блабериды были везде. Шуршание их чешуек звучало угрожающе. Хуже того, блабериды словно поняли, что я знаю их маленькие секреты. Всё чаще я слышал упрёки в том, что я изменился, стал злее, что я даже высокомерен.

Но и это было не самое плохое. Хуже всего, что однажды я посмотрел в зеркало и увидел там блаберида. Он смотрел на меня и хищно водил усами. Почему я не замечал его раньше?

* * *

С той игры в бильярд я не видел Братерского много месяцев, и порой само его существование казалось призрачным. Случившееся было лишь вспышкой маразма, которая иногда предваряет сон.

Но слово Братерского продолжало жить своей жизнью, а значит, он всё же существовал. Я боролся с искушением поинтересоваться его личностью ещё раз, но запрещал себе. Даже безобидные слои его биографии почему-то отзывались во мне скрытой тревогой, и было также предчувствие, что если копнуть глубже, случится непоправимое.

Как-то, оказавшись в районе офиса «Ариадны» по делам, я решил заглянуть в семиэтажное здание, вход в которое закрывал турникет и дремлющий охранник, который спросил о нужном мне кабинете не просыпаясь.

Офис «Ариадны» состоял из нескольких комнат и находился в дальнем конце здания на шестом этаже. В соседних кабинетах располагались торговцы металлопрокатом, юристы, турфирма и даже кабинет мануальной терапии.

Коридор напомнил мне времена, когда я, ещё студентом, ходил по таким же отвратительным офисам в поисках работы; я вспомнил, как мне отказывали худые и толстые бизнес-нули, от одного вида которых хотелось забрать резюме и устроиться на госслужбу.

В офисе «Ариадны» меня встретила рыжеволосая девушка, безразличная к моему появлению. Одной рукой она пуд-

рила веснушки, второй набирала текст на клавиатуре, то и дело сверяя движения рук с результатом на экране. Она ответила, что полисов ОСАГО компания не продаёт, и посоветовала конкурентов.

– А у вас директор ведь Сергей Братерский? – спросил я.

– Да, – ответила она равнодушно. – Он после обеда будет.

Это вам к секретарю.

Я ушёл, так и не поняв, для чего мне нужен был этот визит.

Моё собственное состояние ухудшалось день ото дня, и хотя я не связывал это напрямую с лингвистическими изысканиями Братерского, он запустил во мне механизм саморазрушения.

Блабериды мерещились мне везде. В каждом человеке я видел чешуйчатое существо, которое жмётся к себе подобным, колет их роговыми иглами и участвует в бессмысленном круговороте белка в природе. До сих пор мы оскорбляли друг друга понятиями вроде «быдло», «офисный планктон», «потребляй», «ватник» или «либераст», но «блаберид» оказался живучее их всех, потому что блаберид был в каждом. Он не имел чёткой политической окраски, не принадлежал к определённому слою, не занимался только лишь физическим или умственным трудом; его описание не исчерпывалось лишь страстью к бессмысленным покупкам, чрезмерным патриотизмом или, напротив, желанием идти наперекор. Блаберид был гением маскировки, проникая во все

слои и профессии. Коричневая масса блаберидов давила.

Это отвращение к людям, которое я старался не проявлять слишком явно, было абсолютно ненормальным. Поиск нормального доводил до исступления. Стоило подумать о человеке и поискать в нём что-то настоящее, как вдруг появлялась характерная симптоматика, проступали усы и хищный рот...

Бесконечный водоворот мыслей говорил о том, что я, как и любой блаберид, не способен выйти за пределы круга.

Я стал ненавидеть окружающих, но не той ненавистью, которой мы ненавидим врагов, считая её благородной. Я ненавидел их ненавистью, которой мы ненавидим близких родственников.

Человек не может испытывать отвращения к себе подобным. Не имеет права. Отвращение нужно давить, рвать с корнем, выжигать. С таким отвращением ты не жилец.

Я старался быть подчёркнуто доброжелательным или напротив высокомерно-отчуждённым, но всё равно отдалялся от людей, даже от близких.

– Привет. Как дела?

– Нормально.

Вялая улыбка. Взгляд наискосок. Нитевидный пульс уходящих шагов.

В конце концов желание встретиться с Братерским пересилило ноющий страх стать жертвой его новых уловок. В этом человеке жил дьявол – и я уже продался ему. И всё же

если кто-то способен меня понять, то он.

Я позвонил, и он охотно согласился встретиться. Место изменилось: теперь он выбрал ресторан «Миссия», расположенный на крыше торгово-развлекательного комплекса «Салют».

Мне сложно было начать разговор, а сам Братерский находился в приподнятом настроении, встретил меня по-приятельски и организовал богатый стол. Пока мы ели, он вёл необременительную беседу обо всем, что приходило в голову. Он говорил много, и в какой-то момент я понял, что Братерский обладает поразительным искусством создания дымовых завес. Ничего из сказанного им о бизнесе, о дорогах, погоде и рыбалке не выдавало ни его собственных убеждений, ни его пристрастий, ни фактов его биографии. Братерский походил на человека, который пересказывает содержание увлекательного фильма про чужую жизнь.

Его хорошее расположение ко мне вселяло неустойчивую надежду. Я говорил мало и лишь о тех пустых темах, которые поднимал Братерский.

После ужина мы вышли на террасу «Миссии», которая располагалась над входом в торговый центр. Каскадом вниз уходили два яруса, на одном из которых была стоянка, на другом – парковая зона. Новостройки на горизонте выглядели хищными, как акулья пасть.

Братерский курил сигару и пил воду, потому что он всегда пил только воду.

– Сергей Михайлович, я на самом деле хотел с вами поговорить о другом, – начал я, и Братерский одобрительно кивнул. – Может, это глупо? Нет, я сам не уверен, что правильно всё понимаю. Так совпало, что когда мы начали этот эксперимент... С блаберидами... Это стало влиять на меня.

Братерский показал рукой вниз. Там, несмотря на вечерний час, толпа людей стремилась ко входу в торговый комплекс, смешиваясь с толпой, выходящей из соседних проёмов; эти два разнонаправленных движения создавали кшшение.

– Что вы видите? Если без обиняков?

– Гнойник, – ответил я и закрыл лицо руками. Стыд опалил меня изнутри. Но я продолжил. – Я вижу гнойник, бессмысленную массу...

– Вам неприятно? – его голос стал жёстче.

– Дело не в том, что неприятно. Это становится опасно. Отсюда уже один шаг до... знаете, так можно далеко зайти. Они мне противны, и сам я противен себе. Я испытываю...

– Конечно, испытываете, – прервал мучительный монолог Братерский. – Вы типичный блаберид, который осознал это.

– Я – блаберид?

Да, я знал это. Но Братерский мог бы сформулировать помягче.

– Вы журналист. Пожалуй, один из худших представителей семейства. Современные журналисты представляют собой смесь гонора, болезненного самолюбия и дилетантства,

в общем, все качества блаберидов у них в избытке. Хуже только интеллектуалы и борцы за равенство.

Меня вдруг одолела обида за профессию, за своих коллег и особенно за себя.

Что знает обо мне этот чёрт Братерский? Что знает о людях, которым мои статьи помогли добиться справедливости? Что знает он о ночёвках в неотопливаемых гостиницах? О дежурствах на морозе? Об угрозах, которые я получаю? Обо всём негативе, что пропускаю через себя каждый день?

Он мне не помощник. Обычная гнида.

– Вы слышите, сколько презрения в ваших словах? – сказал я с вызовом. – Ну а вы кто? Вот стоите тут и поплёвывайте сверху на весь мир, клеите ярлыки, проводите эксперименты. А себя, я так понимаю, выводите за скобки? Не боитесь? Нет, я не угрожаю, упаси бог связываться. Но так можно далеко зайти. Очень далеко. Пусть мы не соответствуем вашим идеалам, плевать. Мне лично плевать. Но не нужно тыкать меня носом.

Братерский стоял, облокотившись на перила, и шурился на красный закат. Мои слова не вывели его из равновесия, и это было оскорбительно.

– Перестаньте ныть, Максим. Вы как-то спрашивали, в чём практический смысл этого эксперимента? Вот вам практический смысл: блабериды начали осознавать себя, и некоторым из них – как вам – не понравилось их состояние. Они захотели выйти из него. Проблема в том, что они

ещё не знают куда. То, что в вас появилось отвращение, – это неплохо.

– Отвращение к людям – это неплохо?

– Это пройдёт. Точнее, вы можете это преодолеть. Отвращение – это ваш шанс преодолеть гравитацию общества. Ребёнку, чтобы уйти из родительского дома, нужен скандал. Самые кровавые войны ведут страны, имеющие общие границы. Самыми жестокими мы бываем с теми, кто близок. Вы – блаберид, продукт своего окружения, и если в вас ожила потребность преодолеть это окружение, не думайте, что процесс будет безболезненным. Это лишь первая стадия. Социопатия.

– А вторая?

– Вторая – психоз.

– А третья?

– Третья? – он задумался. – Я называю её танглибе.

– Что это значит?

– Это сложно объяснить. Когда-нибудь вы поймёте.

– Сергей Михайлович, а существуют не-блабериды?

– Конечно. Но даже те, что существуют, скорее всего, вынуждены маскироваться под блаберидов.

– Меня это пугает. Пусть люди не совершенны. Пусть. Да, мы блабериды. А что предлагаете вы? Оставить всё человеческое и кроить мир по каким-то вашим идеалам? А что это значит на практике? Бойни, чистки, расстрелы, так? Хотите стать следующим усатым?

Братерский усмехнулся:

– Бойни, чистки и расстрелы – удел тех, кто не справился даже с первой стадией. Чьё презрение оказалось сильнее него самого.

– Но погодите: поставив себя выше людей, разве вы не хотите получить над ними столько власти, чтобы, скажем, решить проблему блаберидов... радикальными средствами.

– Да бросьте. Если вы видите в лесу муравейник, неужели вы стремитесь сразу же растоптать его? Блабериды не бесполезны. В них есть смысл, которого они сами не понимают, потому что в системе координат блабериды есть только его личный смысл, стремление к теплу. Блабериды – естественный результат процесса, который происходит и будет происходить, и нет никакой нужды с этим процессом бороться. К тому же блабериды задавят вас своей массой. Если дует ураганный ветер, вы не боретесь с ним, вы укрываетесь. Вы должны быть хитрее, и всякий раз, находясь в их обществе, вы должны становиться одним из них и не самым значимым. Противопоставление себя чему бы то ни было скрывает сильнее привязанности. Вы не должны быть антисистемной единицей. Антисистемная единица всегда является частью той же системы, с которой борется, потому что они следствия одного процесса. Если хотите свободы, вы должны выйти за рамки и преодолеть даже своё отвращение. Любовь ещё вернётся.

Я некоторое время молчал, не поняв и половины. Ветер

обдувал скулы, едко пахла сигара Братерского. Стемнело, и улица зажглась полосой жёлтых огней. Полчище блаберидов под нами стало ленивым.

– Но как мне преодолеть отвращение? – спросил я.

Братерский не ответил. Я увидел, что он смотрит куда-то в сторону. В полумраке под навесом летнего кафе стоял крупный человек в форме. Мне показалось, они знают друг друга.

Братерский резко затушил сигару, повернулся ко мне – что-то ненормальное было в его взгляде. Он схватил меня за плечо и наотмашь ударил по лицу. Белая манжета сверкнула в воздухе, и в следующий миг кровь прилила к носу, загудело в ушах, будто я оказался внутри колокола. Боль пришла с запозданием, и с ней пришла ярость. Я бросился на Братерского, но чья-то сильная рука обхватила меня за живот, вывернула запястье и потащила назад, прижав к перилам.

Братерский подошёл ближе, вытирая руку платком. Пока я шипел угрозы, прижатый чьим-то массивным телом, Братерский стоял рядом и опять смотрел в свой смартфон.

– Саша, отпусти его, – сказал он, наконец. – Это поразительно.

Я дёрнулся было к ублюдку, но Саша ухватил меня за плечо. Я видел его искоса. Форма охранника была тесна для столь крупного тела. Он наваливался на меня так, что я испугался за свои ребра.

Несколько человек смотрели в нашу сторону. Когда наблюдаешь драку со стороны, всегда презираешь того, кто получил по лицу, даже если он прав. Это унижительно.

Братерский протянул мне платок. Крови не было. Я вытер слюни.

– Пойдёмте внутрь, – сказал он мирно. – Становится прохладно.

Я не поленюсь, напишу заявление. Здесь должны быть камеры. Прямо сейчас поеду в полицию и напишу. Гнида.

Мы вернулись в ресторан, где на белой скатерти стояла принесённая официантом корзина фруктов. Щека горела. В правом ухе свистело испорченное радио. Музыка казалась потусторонней.

– Вы простите меня, – сказал Братерский.

– Простить? – выговорил я, прижимая салфетку к губе, которая начала кровоточить с обратной стороны. – Вы псих, что ли?

– Мне нужно было посмотреть ваш результат, когда вы в ярости.

– Какой результат?

Братерский показал смартфон: на экране была круглая зелёная шкала с красным сектором, в центре – цифра 147. Братерский сказал:

– Мне сложно объяснить смысл этой цифры в понятных вам категориях, но если очень упростить, то потенциально у вас очень сильный фокус сознания.

– Как это?

– От большинства людей исходит слабое тепло. А вы можете прожечь. Но пока вы вспыхиваете лишь спонтанно.

– И какая мне от этого радость?

– Это сложный вопрос. Проблема в том, что вы, как и все блабериды, очень связаны с обществом, и ваша сила пока проявляется только в отрицании. Вы не умеете её контролировать.

– То есть я могу научиться её контролировать? И за счёт этого... ну... Что?

– Неправильно говорить о ней, как о силе в буквальном смысле слова. Эта сила может открыть вам некоторые двери, но совсем не те, о которых вы думаете.

– А вы можете говорить более ясно?

Братерский провёл по краю бокала, наполненного водой. Стекло тихо запело. Он склонился ко мне и сказал:

– У вас есть задатки к делам определённого свойства, но если вы будете их развивать, с большей вероятностью закончите в тюрьме или сумасшедшем доме. Я вас предупредил.

В зале было темно. Жёлтый свет выделял профиль Братерского; глаза его тускло светились.

– Если вы пойдёте по этому пути, вам придётся опуститься на самое дно и затем подняться обратно. Вам придётся найти источник равновесия внутри себя. Узнать себя изнутри и принять себя. Вы порвёте с обществом, но перестанете

его ненавидеть. Если повезёт, вы сумеете полюбить и блабе-ридов, ведь кто они, как не жертвы. Но имейте в виду: среди тех, кто осознанно шёл по этому пути, больше маньяков и тиранов, чем тех, кого мы имеем в виду.

– А кого мы имеем в виду?

– Вы когда-нибудь думали о вещах, которым не придумано названий? Попробуйте думать без слов. Это требует сноровки, но если вы избавитесь от необходимости проговаривать каждую мысль, сможете понимать быстрее. Попробуйте довериться знанию, источник которого вам не известен. Правда, так легко посчитать медь золотом и стать слишком религиозным, но некоторые наделены способностью отличать. Очень сложно ловить змею мокрыми руками, но иногда её не нужно ловить – достаточно смотреть.

Он замолчал.

– Даже не знаю, что сказать, – пробормотал я.

– А знаете, Максим, что есть лучшее удовольствие в жизни?

– Видимо, вы мне откроете.

– В течение жизни человек поднимается по лестнице удовольствий, начиная от простейших, животных, заложенных в нас эволюцией, потом социальных, наконец, интеллектуальных. Стремление к удовольствиям – это вектор жизни. Ступенька за ступенькой. А самое большое удовольствие – это освобождение, которое наступает после осознания того, что невозможно выразить словами. Запомните это. Если

вы когда-нибудь встретите великого человека, он скажет вам то же самое.

– Я подумаю над этим.

* * *

Утром губа распухла, а предыдущий вечер показался самым нелепым фарсом, который случался в моей жизни. Этот Братерский – обычный идиот, клоун, который выставил меня на посмешище. Верит ли он в то, что говорит? Боюсь, что верит. Возможно, он сумасшедший. Сколько сумасшедших я видел в своей жизни? Немного. Он вполне может быть одним из них.

Злоба крутила желудок несколько дней. Я не написал заявление в полицию, не желая предстать перед коллегами и семьёй человеком, которому съездил по морде какой-то кудрявый тип. Родным я сказал, что налетел на дверь туалета.

Я старался занять себя работой и стал особенно внимателен к семье. Перемены во мне заметил тесть и сказал как-то с хитрецей, подмигнув Оле:

– Что-то тихим стал Максим.

Слова задели меня, хотя тестю свойственна прямота сильных и необразованных. Я не был человеком его круга, но люди из него почему-то вызывали во мне интерес. Они шли против власти и закона в девяностых, чтобы потом стать властью и законом. Они умели ломать кости, но давно устали от этого. Я долго ждал, пока пренебрежение тестя ко мне, ко-

того он не скрывал, сменится теплотой, которую он также не скрывал.

«Тихим стал», – на языке тестя это значило «сдулся». В его понимании, это грех. Я чувствовал заинтересованность моим состоянием и, может быть, желание помочь, но не нуждался в его помощи.

Я перестал использовать слово «блабериды» в текстах, и хотя оно уже жило своей жизнью, я не произносил его даже мысленно. Я никогда не отвечал, если кто-то называл блаберидом меня. Я запретил себе оценивать людей по критериям Братерского. Скоро память растворила его образ, который возвращался лишь безобидными ассоциациями: то Братерским-вундеркиндом, то Братерским-червячком.

Рутинная жизнь сплела вокруг меня каркас, который удерживает нас в колее и не позволяет ртути внутри плескаться. Я купил себе новый смартфон с хорошей камерой, обновил гардероб, размышлял над покупкой новой машины (тесть ненавязчиво предложил помочь), а скоро мы уехали с Олей и Васькой на длинные выходные в горный коттедж.

Те выходные вернули меня. Ушло чувство неизлечимости. Был просто тяжёлый год, год перемен и год неопределённости, год странных встреч и некоторых ошибок, но всё же неплохой год. Меня ещё не уволили, и семья была со мной.

Из той поездки мы вернулись счастливые.

И всё же блабериды не ушли. С того вечера с Братерским что-то изменилось в моей жизни; изменилось не в её внеш-

ней стороне, которая снова выглядела нормальной; изменилось на тех уровнях, которые ощущаются лишь сквозняком по ногам.

Люди всё равно избегали меня. Они будто узнали о заразной болезни, о которой неприлично говорить. Я стал видеть больше бегающих глаз, больше профилей, больше спешки. Думаю, они сами не осознавали этого. Даже Арина, с которой мы обычно обедали, предпочла мне другую компанию.

В отношении ко мне главреда появилась сдержанная настороженность. Была ли она раньше? Возможно, я просто не обращал внимания. И всё же он вывел меня за скобки коллектива, как будто я требовал особого отношения.

Потом начались проблемы в семье. Без внешних причин Оля будто распознала внутри меня что-то новое, что было ей не по нраву и от чего она хотела спрятать Ваську. Меня раздражали эти немотивированные попытки дистанцироваться, но боялся я и прямого разговора.

Доверительные разговоры... Если долго шарить в темноте, можно нарваться на минное поле. К черту такую доверительность. Всё равно всё будет понято неправильно. Как-то я заметил, что Оля читает статью с заголовком «Семь признаков того, что муж вам изменяет». Неужели всё так просто? Оля вообще не была склонна к ревности и драматизации событий.

В конце концов, думал я, не является ли происходящее следствием моей всегдашней мнительности? Я чувствовал

себя чужаком и раньше, да и не я один. Стоит ли заикливаться на мелких проявлениях?

Я собирал себя в кулак, работал добросовестно, был сдержан, доброжелателен и отзывчив. В общем, я продолжал катиться по наклонной.

В один из дней какое-то длинное совещание, невыполненная в срок работа, утренняя стычка с Олей и холодная отповедь главреда довели меня до состояния, когда захотелось скрыться от людей. Нажать выключатель и раствориться в эфире, как Хоттабыч.

Не дождавшись конца собрания, я сбежал в туалет, заперся там и, облокотившись на раковину, долго смотрел на своё лицо, покрытое пятнами усталости.

Я видел взгляд побеждённого. Видел безвольные тонкие губы. Это ужасно злило.

* * *

– Может, мне показаться психиатру? – сказал я Братерскому. – Я думал об этом.

Он расправлялся с фаршированным кальмаром. В простеньком меню «Марии» не было деликатесов; но почему-то для Братерского они были.

– К психиатру вы ещё попадёте, – ответил он, разделявая тушку. – Но вам это не поможет.

– Как-то совсем безрадостно.

Я пил горькую микстуру общения с Братерским до дна. Он оставался единственным человеком, способным понять

моё состояние.

Состояние моё, как сказали бы врачи, требовало квалифицированной оценки. Я остро реагировал на звуки, особенно на фантомный писк брелока сигнализации, который на самом деле молчал. Появились проблемы с концентрацией внимания, мозг отторгал информацию, от информации разило, как из мусоропровода. Само слово «информация», которым одержимы журналисты, стало чем-то вроде ругательства. Я стал раздражителен и порой просто уходил от людей, потому что люди были одинаковы. Я приказывал себе успокоиться и на минуту становился гранитной плитой; а ещё через минуту чувствовал, как внутри плиты всё громче играет музыка, стучат назойливые соседи, набирает силы шторм, и вот уже плита кувыркается, как фанерка, а в глазах мерцает.

Я плохо спал. Мой сон напоминал лежание на мраморном постаменте, который мешает погрузиться в волны сновидения. Я не помнил прошлой недели. Шлейф событий выдувался без следа, как мелкий мусор.

Я уже не злился на Братерского, потому что злость требует сил. Я не хотел кормить этого вампира. Он был оживлён, энергичен, глаза его блестели, сверкали манжеты, от фаршированного кальмара осталась лишь подлива. Официантка принесла воды.

– А вы поняли трюк с бильярдом? – спросил Братерский. – Почему я выиграл так легко?

– Так получилось.

– Ваш окончательный ответ?

– Пф... Просто вы играете в бильярд, а я блаберид. И мне не интересно, почему это так.

– Проверим? – он поднялся.

Мы пошли в бильярдную мимо барной стойки и пожарных выходов. В старой комнате с деревянными полами никого не было. Братерский включил свет. Стол, на котором мы играли, снова был закрыт чехлом. Братерский приподнял край и сказал:

– Загляните.

Я склонился. Стол как стол. Под покрывалом столешница, обитая зелёным сукном, восемь ножек-балясин, чернотища.

Братерский сел на корточки и указал на что-то пальцем. Я присел рядом и с трудом различил короб, похожий на блок питания компьютера.

– И что это? – спросил я.

– Электромагнит.

– Не понял...

– Вот эти коробки – магниты. Довольно мощные. Шары имеют металлические сердечники. Вот здесь есть кнопка, – он указал на боковину стола, – я нажимаю, и вероятность попадая в лузу существенно возрастает.

Я выпрямился.

– Сергей Михайлович, вы уж извините, глупый трюк. Такая ахиня. Зачем я время трачу?

– Не спорю, – ответил он совсем не зло. – Трюк действительно глупый. Грубая физика. Но он удобен, чтобы наглядно объяснять некоторые вещи тем, кто предпочитает грубую физику.

– Какие, например?

– Посмотрите на шары, как на обстоятельства своей жизни. Вот биток, вот кий, вот лузы. Вы целитесь туда или туда. А потом проигрываете. Вы ищите ответа, но подменяете настоящую причину более очевидной. «Боже мой, я плохо играю». «Просто так получилось». В вас живёт страх увидеть очевидное. И так будет, пока вы не заглянете под стол и не поймёте возможности того, что мы называем «слабыми взаимодействиями». Это силы, которыми принято пренебрегать. Понимаете?

– Смутно.

– То, что вы считаете важным в своей жизни – не важно. То, к чему вы стремитесь, можно получить легче. Если вы перестанете видеть только очевидное, вы сможете пойти дальше. Но чтобы заглянуть под стол в реальной жизни, нужно нечто большее, чем поднять покрывало. Нужны определённые жертвы.

– А я если я не хочу никуда заглядывать? Если я хочу вернуться к своей прежней жизни? Вы всё время меня к чему-то подталкиваете, даже не спрашивая, нужно ли это мне. Идите к черту!

Он хмыкнул.

– Будьте объективны. Вы сами приходите.

Я хотел что-то возразить, но Братерский прервал:

– Подождите. Я не думаю, что нам нужно спорить о банальных вещах. Проблема в том, Максим, что не я подталакиваю вас. Вы уже сделали выбор, где-то внутри себя, не понимая этого. Сейчас вы имеете дело с последствиями. Я бы мог вам посочувствовать, если бы это помогло.

Я кипел. Братерский сливается.

Я уже думал об этих почти религиозных вещах – о своей вине и своём выборе. Я прокручивал в голове все этапы нашего общения, весь эксперимент с блаберидами и пощёчину у ресторана «Миссия». Но если я и выбрал... то что?

В углу бильярдной на старой тумбочке стояло зеркало – судя по следам металлических зажимов, когда-то оно было вставлено в шкаф. Братерский подвёл меня ближе. Зеркало отражало меня почти в полный рост.

– Что вы видите? – спросил он.

– Себя, ё-маё.

– А вы посмотрите внимательно. Настолько внимательно, насколько можете, – он хлопнул меня по плечу.

– Посмотрю – и что?

Но Братерский уже ушёл.

Ещё с минуту я смотрел в тёмное зеркало, где отражался мой контур. Вид у меня был обычный, волосы взлохмачены, руки походили на плети, была лёгкая сутулость. Не герой, одним словом.

Я приближался к зеркалу, нанизывая себя на собственный взгляд. Скоро я оказался настолько близко, что зеркало почувствовало моё дыхание и помутнело в области носа. Я смотрел себе прямо в глаза, чуть скосив их.

На душе было погано.

Вдруг смещение пространства или какой-то оптический эффект заставили меня отстраниться.

Я смотрел на отражение, но едва заметная разница выдавала, что оно вышло из-под контроля. Моя внутренняя поза не соответствовала его позе. Его губы дрогнули в нахальной улыбке. Подбородок стал упрямым. Взгляд повеселел.

Я отстранился. Отстранилось отражение, но сохранило вызывающий вид. Оно подмигнуло мне. Да нет... Это я подмигнул себе. Отражение казалось нахальным, как весёлый человек на похоронах.

Смещение продолжалось. Теперь я чувствовал его отчётливо. Я видел своё отражение через галерею бесконечных рамок, которые множились и удаляли меня на расстояние, будто я смотрел на себя через перевернутый бинокль. Забытое с детства чувство захватило меня полностью. Это было чувство удивления что я – это я. Что я есть вот тот человек в зеркале. Что я вообще человек. Что я заключён в эту оболочку и пользуюсь словами, которые звучат карканьем ворон. Наши слова смешны, как макароны, ведь «макароны» – очень смешное слово, если произнести его много раз. Также смешон наш вид и смешны мы сами, потому что это и не мы

вовсе.

Состояние длилось недолго. Скоро я снова увидел себя, а слова перестали казаться бессмысленными. Осталось светлое чувство. Это было чувство человека, который долго просидел в погребке и вдруг сумел приоткрыть крышку; и пусть он ничего не увидел, свежий воздух, проникший в подземелье, наполнил его отвагой.

И вдруг я понял что-то ещё. Блаберид сдался. Я констатировал это довольно спокойно, как не переживаем мы из-за срезанных волос.

Блаберид умер. Осталась лишь роговая оболочка, из которой выползло на свет что-то новое, о чём я не имел никакого понятия. Щёки мои горели.

Я вернулся в кафе, где сидел Братерский.

– Ну? – посмотрел он вопросительно.

– Может быть, в этом что-то есть, – сказал я, садясь напротив. – И что дальше?

Он смотрел на меня с любопытством:

– Я вижу, вы что-то почувствовали.

– Да. У меня было очень странное состояние... Я не могу пока сформулировать.

– Не формулируйте. Учитесь думать без слов.

– Но это классно. Это, знаете... дарит надежду.

– Не преувеличивайте её, – сказал Братерский. – Это не конец, а только начало, к сожалению.

– Почему к сожалению?

– Потому что вы прошли точку невозврата, но впереди ещё большой путь. Люди отвернутся от вас, и вы станете судьёй самому себе, и потеряете все, что имели до сих пор, и перестанете гордиться тем, чем гордились, и найдёте совсем другие радости, которых никто не сможет с вами разделить, и многие поставят на вас крест, и сами вы будете сомневаться в себе бесконечно. Я желаю вам, чтобы, когда вы коснётесь дна, у вас хватило воздуха подняться обратно.

– Я устал, – сказал я, собирая вещи. – Вы ведь угощали?

Он кивнул. Я натянул куртку. Некоторое время мы молчали.

– Не скажу, что надеюсь увидеться с вами ещё раз, – сказал я. – По-моему, я просто сошёл с ума. Или близок к тому. Это шизофрения или психоз. Вы, наверное, и не существуете. Я вас вообразил. Доктора разберутся. Ну все. Пока.

Я направился к выходу и услышал за спиной голос Братерского:

– Между гениями и сумасшедшими есть очень большая разница. И всё же их часто путают. Потому что и те, и другие не боятся шагать в пустоту. Не сдавайтесь.

Часть 2. «Заря»

Каждое утро я начинал с двух вредных привычек: с кофе и соцсетей. Я шёл на редакционную кухню, наливал горячий кофе, садился за дикий оранжевый стол и склонялся над смартфоном. Сначала считал лайки и проверял комментарии, а когда надоело, пробегал ленту друзей.

К моменту, когда я вспоминал про кофе в следующий раз, он был холодным и сладким, как талое мороженое. Теряла градус и лента. От её мерцания у меня начиналась морская болезнь.

Соцсети действовали изнуряюще, напоминая череду трейлеров без возможности посмотреть фильм целиком. Иногда я спрашивал себя, есть ли в этой эрозии внимания умысел или мы сами рады заморочить себя?

Через призму соцсетей жизнь выглядела, как перевернутый штамп. Феноменальный прыжок на парашюте с горного хребта казался такой же заурядностью, как сонный кот, который после зевка валится с края стола. В котле соцсетей необычное становилось проходным, а проходное раздувалось до события. Пузырьки мелких происшествий били в голову и так же быстро отпускали.

Интернет должен был показать людей во всём многообразии, но он показал, что люди удивительно однообразны. Что все ездят в отпуск и периодически чем-то недовольны.

И всем будто по пятнадцать лет.

Соцсети должны были стать тесным кружком вокруг ко-стра, таким уютным коридором общежития или морозным лестничным пролётом, куда сбегаются в перерывах стряхнуть пепел обязательств. Но они оказались чёрной ямой зрительного зала, из которой смотрят неразборчивые лица пятнадцатилетних максималистов. Их рука в телеграфном ритме раздаёт лайки, их мышление превратилось в алгоритм, их основной критерий – деление на своих и чужих.

Соцсети создавали контекст, в котором любая попытка смысла выглядела претенциозно, зато упрощение смотрелось органично. Мысли существуют в оправе того, где их произносят, и кислота соцсетевой реальности растворяла их до бессмысленных атомов.

Ассортимент смешных котов, чужих конфликтов и ярких цитат развивал толерантность к смыслам, и в конце концов весь мир предстал балаганом, на который нам, журналистам, советовали равняться, потому что за соцсетями если не будущее, то настоящее.

Порой я представлял, будто у меня во френдах есть Альберт Эйнштейн. Его афоризмы в общей ленте выглядели бы отчаянной попыткой собрать лайки с молодых подписчиц, а его знаменитое фото с высунутым языком – безвкусной аватаркой.

Я долго пытался понять, что нового изобрели соцсети. Потом понял: они не изобретали, а вернули из небытия понятие

толпы на базарной площади, где можно подрать глотку или послушать чужой плач.

Не знаю, для чего я лез туда каждое утро. Лайки казались одобрительными хлопками. Споры можно было завершить одним кликом. А вернее всего, мне хотелось отсрочить момент, когда я вернусь на своё место и начну выбивать клавишами очередную заметку, судьбу которой определит её стремительное падение по ленте новостей до полного забвения на следующий день.

С февраля в соцсетях появилась мода постить свои детские фотографии в костюмах зайчиков или снежинок, но сейчас, к маю, уже сходила на нет. Теперь френды принялись воскрешать из памяти тех, с кем когда-то имели близкие отношения. Я насчитал не менее пяти странных открытий с хештегом #бывшие.

«Никому не рассказывала, но в 2003 году у меня были отношения с одним очень известным тогда футболистом, недолгие, но яркие #бывшие».

«В школе втюрилась в одного парня... Встречались месяца три до выпускных... Расстались... Недавно встретила его в Турции... Лысый, форму потерял, женатик... Всё к лучшему!!! #бывшие»

«У меня нет бывшего, у меня один-единственный на всю жизнь #loveofmylife #бывшие»

Ми-ми-ми.

В то утро я не успел как следует устать от соцсетей, пото-

му что на кухне появился системный администратор Олег, хлопнул меня по плечу, сунул для приветствия мокрую руку, отпустил пару стандартных шуток, вроде «не горбись, сколи-оз заработаешь», углубился в холодильник и заговорил оттуда глуховатым голосом, пересказывая новости.

Радио-сисадмин не нуждалось в предварительных ласках. Олег комментировал подкисший пакет молока и тут же переходил к перспективности криптовалют. Колдуя с микроволновкой, он вспоминал о кабелях с неправильным сечением, которые мешают ему подключить новый сервер.

Я ещё пытался смотреть на экран смартфона, но Олег всё сильнее вспенивал пространство своим безобидным трёпом. Вдруг он с неподдельным интересом спросил:

– Кстати, как там ваша борьба с Лушиным? В чью пользу пока?

Я оторвался от экрана. Округлый энергичный сисадмин был хорошо осведомлен. Он знал, например, что его зарплата в полтора раза ниже, чем у напарника, которого нанял Алик якобы ему в помощь. Уши Олега были везде: в бухгалтерии, в курилке, в кабинетах начальства. Он не был сплетником, он, скорее, напоминал ведро, в которое вольно или невольно валят всё подряд, наивно полагая, что мимо ведра ничего не прольётся.

– А что это за «борьба с Лушиным»? – спросил я лениво.

– Ну Алик велел Мостовому выбирать одного из двух. Или тебя, или Лушина. Второго под жопу.

– А, ясно... – отмахнулся я. – Уже год болтают. То меня или Лушина, то Лушина или Киржачёву. Я даже не парюсь.

Олег отрицательно покачал сэндвичем, прожёвывая и радуясь, что поймал меня на неведении.

– Нет, после четвергового совещания это началось, – сказал Олег. – Вроде Алик не против тебя оставить, а Гриша Мостовой больше за Лушина.

Ноль деликатности. Олег не злой парень, он просто слишком много играл в шутеры, чтобы воспринимать жизнь всерьёз. Но у Олега нет ничего личного ко мне, а значит, он вряд ли преувеличивает.

– Да мне по барабану, – отмахнулся я. – Мои возможности известны, возможности Лушина тоже, хотят выбирать – пусть выбирают.

– Не, ну так-то правильно. Да и хрен им за воротник, капиталистам грёбаным! – заржал он.

Через минуту от него осталась лишь две капли майонеза на краю оранжевого стола. Олег убежал разбираться с кабелями, телефонной станцией и моргающими лампами в бухгалтерии. Его зарплата была в полтора раза ниже, чем у напарника, но он не терял надежды.

Я смотрел на едва заметное вращение кофе в кружке. Двигалось оно не быстрее часовой стрелки. Пенки уже не было. Вкус был приторно-горьким. Я выплеснул кофе в раковину.

Я же много раз проигрывал в голове этот сценарий. Вот меня вызывает Мостовой и говорит то, что он говорил всем

уволенным до меня. Он говорит: ты неплохой журналист, но нам нужно оптимизировать штат. Он говорит: было приятно с тобой работать. И смотрит наискосок на край стола.

Где-то внутри я желал этой болезненной определённости, возможности пожалеть себя или сказать, что меня не так-то просто сломать. Я мечтал о новых горизонтах, и вакансиях, и пьянящих первых днях на новом месте. В глубине души я был не против уйти и даже мечтал об этом.

Но Лушин... Этот выбор между мной и Лушиным оскорблял. Он приводил в бешенство.

Боря Лушин пришёл в редакцию позже меня. Ему было за сорок, но поначалу он казался слегка обрюзгшим ровесником. Он обладал искусством втягивать тебя в разговор кажущейся простотой манер, а потом становился хвастливым и высокомерным. Нудно и подолгу, с таинственной недосказанностью, он объяснял, как здорово перепланировал квартиру и как сам установил спутниковую тарелку, рассчитав правильный угол.

Он делал многозначительные паузы. Его мысль нужно было читать между строк. Лицо как бы спрашивало: «Ну, понял, да?», хотя ты ничего не понял и даже не знаешь, зачем тебе это понимать.

О пластиковых канализационных трубах в ванной он говорил со значимостью, будто речь шла о возведении Эйфелевой башни.

– Т-образное соединение и нахлёт, понимаешь, да? –

хлопал он своими плотными пальцами крест на крест и ждал реакции. Убедившись, что ты не понимаешь даже элементарных вещей, Боря разжёвывал и про Т-образные соединения, и про нахлёсты.

Поскольку Боря мог выпить много, но почти не пьянел, и тем более не становился легче Борин характер, его избегали на корпоративах и прочих мероприятиях. Там он обычно ходил развязанной походкой и подсаживался то к одним, то к другим, совершенно не замечая насмешек.

Впрочем, некоторые и впрямь считали его интересным и весьма способным. Боря умел себя подать, носил костюмы, держал двойной подбородок чуть вверх и на совещаниях высказывал банальности с таким видом, что даже белая кость, Гриша Мостовой, слушал его внимательно.

Надо отдать должное некоторому чутью Бориса, который умел на важных встречах не досаждать начальству и сдерживать свою велеречивость. Он любил избитые высказывания того сорта, которые не станешь оспаривать ввиду их чрезмерной очевидности, чем создавал вокруг себя атмосферу человека, который что-то да понимает.

– Если редакция отворачивается от читателя, читатель это почувствует и уйдёт, – наставлял он. – Сейчас есть альтернативы, соцсети и так далее. И мы уже давно конкурируем с ними в первую очередь.

Эта миллиард раз повторённая истина преподносилась с той медлительностью, которая гипнотизировала собрав-

шихся, и даже Алик Ветлугин, не терпевший зануд, почти не возражал Боре. Боря и не лез поперек Ветлугина, он лишь обозначал своё присутствие, свою осанку, свою позу, которая как бы требовала кресла пожирнее.

Получился бы из Бори директор? Может быть. Но журналистом он был посредственным. Как лицо заинтересованное, я рискую уйти в крайний субъективизм, но Борина журналистика была бесцветной и навязывала читателю мысль, будто и сам читатель страдает дальтонизмом, будто цвета есть иллюзия мозга.

Впрочем, определённый контингент пользователей находили его статьи небесполезными. Борис умел быть дотошным. Даже его статьи о проблемах ЖКХ звучали, как проповедь, как назидание молодым или попытка автора объяснить что-то самому себе, попытка разобраться во внутреннем мире коммунальных хозяйств. Он любил повествование рыхлое, долгое, без ясной связки абзацев, без смелых фраз и юмора, но с каким-нибудь убойным выводом, вроде «... и пока государство не преодолеет эти проблемы, говорить о формировании гражданского общества преждевременно».

Я никогда не чувствовал угрозы с его стороны. Когда началась волна увольнений, перезревший фрукт Борис должен был упасть первым. Алик Ветлугин хотел редакции злой, дерзкой и молодой. Но Боря умел поддакнуть, а где-то выразить своё мнение, поданное с некоторой дерзостью, но полностью совпадающее с верховным. Может быть, в нём виде-

ли потенциал административного работника и потому оставляли.

Как журналист он не был мне конкурентом. Это казалось мне настолько очевидным, что предположение Олега о выборе между мной и Лушиным вызвало во мне не тревогу, не печаль и не сожаление – досаду. И желание загрызть Борю.

Как мы оказались в одной шлюпке? Как эти две линии пересеклись? Если Алик Ветлугин на моей стороне, то Гриша-то, Гриша, сам неплохой журналист, должен видеть, что речь о сотрудниках совершенно разного калибра. И если уж они хотят продвигать Борю как управленца, выбора между нами двумя быть не должно.

И как некстати в прошлом месяце Борис взял «Журналиста месяца» за текст про трёх отцов, которые в одиночку воспитывают детей-инвалидов. Я не скажу, что это была плохая статья; может быть, это была его лучшая статья.

Этот материал полгода висел у Бори в долгах. Историй предполагалось пять, время шло, Борис пыхтел и, наконец, с горем пополам оформил три.

Редакционный фотограф сделал отличные снимки. Придумали хороший заголовок. Поставили статью на лучшее место. И она, как и положено, вызвала резонанс. Трогательная история о людях, которые не сдались ударам судьбы, сработала так же, как банальные фразы Бориса – её невозможно было оспаривать. Её можно было только хвалить.

Отец Алика, владелец «Дирижабля» Марсель Ветлугин, отметил этот материал, и хотя вряд ли его читал, заголовок, посыл, фотографии и общее гудение сделали своё дело – он публично одобрил работу Бориса.

А ты просто расслабился. Соберись и найди историю не хуже. Тебе не понадобится полгода – ты справишься за неделю и уже в следующую среду возьмёшь «Журналиста месяца».

* * *

С приходом Алика лабиринт стен в редакционной комнате был снесён подчистую, превратив её в нюусрум, где все шесть журналистов сидели в два ряда, отделённые низкими перегородками. Комната могла вместить и больше, поэтому наша шестёрка оказалась в центре зала на всеобщем обозрении, словно наказанная.

Из замкнутых помещений остался лишь Гришин «аквариум», достаточно просторный, чтобы делить его теперь с Аликом. Стёкла предательски резонировали, когда кто-то громко разговаривал внутри. По тембру стёкол мы примерно понимали, о чём говорят.

В дальнем углу нюусрума была ниша неясного назначения, словно здесь передумали строить лифт. В нише сидела корректор Людмила Павловна, которую каждый день рожденья кто-нибудь из новых сотрудников поздравлял открыткой с орфографическими ошибками. Утром она вычитывала тексты бесшумно, к концу дня переходила на полушёпот.

Со стороны казалось, что Людмила Павловна молится.

Рядом с нишей Людмилы Павловны стояли углом два стола. За первым изредка появлялся Паша-фотограф, который давно – лет пятнадцать назад – служил в ВДВ. Сейчас он был худым, патлатым и косоглазым, но всё равно считался в редакции единственным, кто понимает армию по-настоящему. Несмотря на свои проблемы со зрением, время от времени ему удавались отличные снимки благодаря умению не замечать любые запреты на съёмку, будь то объявление или полицейский кордон.

Стол рядом, самый захламлённый, сисадмин Олег использовал как склад запчастей. Было подозрение, что изгородь из старых проводов и блоков питания нужна Олегу для маскировки того факта, что его компьютер круглосуточно майнит биткойны.

Когда Алик начал свои метаморфозы, заселение в прозрачный ньюсрум стало испытанием для журналистов. Неля, стоя посреди зала, напоминающего колл-центр, сказала: «Теперь у всех на виду ньюсрать будем».

Новые столы с хлипкими перегородками казались чужими. Первые дни мы приходили сюда, как в кабинет следователя, не выдавая себя разговорами и не оставляя улики. Но стерильность помещения сохранялась недолго, и сигналом, вероятно, послужила чашка кофе, пролитая Борисом на вновь застеленный ковролин. Скоро на столах появились сувениры, фотографии, перхоть и пятна, громче стали разго-

воры. Ньюсрум постепенно стал своим. Теперь даже случайный посетитель видел вывернутое нутро редакции. В первые дни это нутро с гордостью демонстрировали потоку делегаций, которые водил старший Ветлугин.

Мы сидели на огромной линзе ньюсрума и видели, кто чем живёт.

Стол Арины Киржачёвой – самый аккуратный. Рядом с пакетом мюсли сидит плюшевый мишка в сине-белом свитере. Три цветных маркера брошены веером, словно фотограф разложил их перед постановочной съёмкой. По фотографии мамы Арины можно понять причину её собственной полноты. Подаренную нами на 8 марта открытку с формальными пожеланиями Арина до сих пор держит на виду, чтобы не обидеть нас. На дальней перегородке Ариного стола на цветных листах разными шрифтами напечатаны фразы.

«Мир добрый. Я нужна этому миру такая, как есть».

«Люди хотят любви и заботы».

«Любить кого-то не всегда просто. Кто-то должен делать такую работу. Есть только два пути – это путь любви и путь страха».

«Женщина – это самое прекрасное создание на земле. Любите себя и своё тело».

Любить для Арины – работа непростая. Но Арина добросовестна и очень порядочна. Из всей редакции только к ней я испытываю дружеские чувства.

На столе у Нели листы, листы, листы. Листы чистые, смя-

тые, исписанные. Ещё блокноты, россыпи визиток, корытце с отстрелянными гильзами помад и пачка сигарет, которые Неля курит только изредка, например, если перед сдачей материала выключился свет. Пыльная фигурка слона на подставке монитора просится обратно в Индию. Две фотографии Нели, приколотые к боковой перегородке, создают необычный контраст: на одной она дурачится с мужем и похожа на остроносого подростка, на другой, студийной, запечатлена вполоборота с кротким и одновременно твёрдым лицом, что придаёт ей отдалённое сходство с принцессой Дианой.

Галя считает дни до декрета. Счёт она ведёт пустыми баночками йогурта, которые составляет в пирамидки и хранит ради каких-нибудь родственников-садоводов. На её столе есть огромный жёлтый дырокол. Самым личным предметом много месяцев остаётся женский роман в мягкой обложке, заложенный степлером. Книга давится степлером и уже несколько месяцев пытается срыгнуть. Перед клавиатурой брошены Галины очки. Когда Галя снимает их, она слепнет. Она их снимает перед уходом и потому исчезает незаметно, как крот.

Виктору Петровичу Самохину за шестьдесят, и на столе у него есть фотография двадцатилетней давности, где он запечатлён вместе Ельциным, который для Самохина является фигурой почти культовой из-за близости их мест рождения. Якобы родная деревня Самохина находится в 16 километ-

рах от села Бутка Свердловской области. Самохин если и поругивает Бориса Николаевича, то с родственной мягкостью, как бы в профилактических целях, словно Борис Николаевич ещё способен исправиться. На столе у Самохина много книг, среди которых особенно выделяется взятая у Гриши военная энциклопедия и справочник об известных людях региона, в числе которых есть сам Самохин. Кружка с надписью «Только чай» символизирует другое – Виктор Петрович является воинствующим трезвенником, что не мешает ему предаваться другой вредной привычке – курению.

По столу Бориса не сразу поймёшь, что он за человек: здесь есть две кружки (для чая и кофе) и расчёска, хотя Борис в свои сорок с небольшим начал интенсивно лысеть, и расчёска, вероятно, скоро не понадобится. На столе у Бориса относительный порядок. У него есть перекидной календарь с какого-то тренинга, где на каждый месяц приходится цитата приятно одетого спикера. «В сегодняшних условиях оптимизация материальных ресурсов превращает вас в короля конкурентной борьбы», – изрекает некто Борис Кроуэнгауэр, назначенный дежурным мая. Рядом с календарём – плоскогубцы с почерневшими от мазутных ладоней рукоятками. Под монитором стоит небольшая шахматная доска, над которой Борис время от времени сутулится. Я не знаю, хорошо ли он играет. У блаберидов должен быть интеллектуальный фетиш.

Борис любит селфи и в соцсетях мучает подписчиков фо-

тографиями с каждого мероприятия, на котором бывает, от губернаторских приёмов до высадки клумб. На фотографиях он пытается выглядеть, как тот Борис Кроненгауэр с его календаря. Но есть у Лушина и фотография не для общего пользования, на заставке монитора, где он в простой кепке похож на садовода и выглядит лет на пятьдесят, стоя в обнимку с полноватой, но эффектной супругой и двумя белобрысыми сыновьями. Если бы он пореже включал Кроненгауэра и почаще бывал таким, мы могли бы поладить.

Что на столе у меня? У меня на столе сплошные «недо...»: недоеденная плитка шоколада, с полдюжины недоломанных и недovyкинутах карандашей, несколько недописанных блокнотов (я не выбрасываю старые) и незаконченный рисунок человека, идею которого я забыл, пока набрасывал эскиз. Время от времени я штрихую этот рисунок от нечего делать, но никак не могу приняться за лицо – я вижу человека, но не помню его лица.

Эти вечные «недо...» выносят мне какой-то диагноз, но как только я начинаю думать о таких вещах пристально, мысль превращается в ещё одно «недо...». Может быть, я просто лентяй.

Оля часто шутит насчёт моей способности разводить творческий беспорядок. Мне не нравится это выражение – творческий беспорядок. Если от меня остаётся один лишь беспорядок, плохой я, должно быть, творец.

Иногда я думаю, что бы случилось, окажись мы нашим

дружным коллективом на необитаемом острове. Неля бы захватила власть, Гриша Мостовой ушёл бы отшельничать в пещеру и лелеять там свои высокие идеалы, Арина бы изрядно похудела и наверняка стала бы хорошим охотником, Галя бы безучастно сидела под пальмами, но больше всех выиграл бы Виктор Петрович, потому что армия и многочисленные походы научили его выживать. По крайней мере, он неоднократно рассказывал историю о ловле крупной рыбы петлёй из гитарной струны.

А кем на этом острове был бы я? Понятия не имею.

* * *

Журналисты сонно текут на планёрку. В бой рвётся только Неля: силовики устроили маски-шоу на одном из предприятий, и Неле не терпится поделиться с Гришей тем, что нашептали ей информаторы в органах. Она выбивает себе право не участвовать в планёрке из-за срочности темы, Гриша кивает.

Ещё случилась авария с участием четырёх машин, и Гриша возмущается, почему мы до сих пор не дали подробности «резонансного ДТП». Любое ДТП является резонансным для родственников тех, кто погиб или тяжело пострадал, но мы ведём счёт от пары трупов либо же хотим интересных подробностей. Одинокий труп – не депутат, не преследуемый полицией, не упавший в озеро с моста, не перевозивший сотню кроликов, не угнавший автомобиль скорой помощи, не активный пользователь Инстаграма и так далее –

вызывает лишь усталые зевки. Но в сегодняшней аварии трупа аж три, и один – родственник главы района, поэтому Гриша требует подробностей.

Арина мягко картавит, что придаёт её голосу гипнотические свойства. Она заявляет массу мелких тем, связанных в основном с коммунальными проблемами и ещё жалобу на «Почту России». Гриша стенографирует, как студент. От Ариного голоса я всегда тихо млею.

Галя займётся расшифровкой интервью с краеведом, которое планировала расшифровывать ещё в конце прошлой недели.

Борис заявляет тему про исчезновение школьницы, с матерью которой он договорился о встрече на месте, где её видели последний раз – на заброшенной стройке. Гриша оживляется и, чтобы сбить пафос Бори, напоминает о сложностях тем про несовершеннолетних:

– Давай с юристом обсудим.

– Я знаю, – Борис спокоен. – Мы уже поговорили. Я тебе после планёрки расскажу.

– Отлично, – Гриша обводит идею Бориса в ежедневнике.

Заявка Бориса – это объявление войны или просто так совпало? Оба ведут себя как обычно. И если Борис не блефует, тема действительно перспективная. Я штрихую в ежедневнике квадрат так густо, что вместо квадрата получается дыра.

В лице Бориса нет вызова или высокомерия. Оно бесцвет-

но, как остывающий бульон. За плёнкой скользящего взгляда может быть что угодно: от скрытой насмешки до усталости, которая мучает нас всех перед планёрками и рассеивается ближе к полудню, как утренний туман. Знает ли он о нашем заочном соперничестве?

– У тебя что? – будит меня Гриша.

– Есть обратка от жителей Гранитной. Это новый микрорайон. Коммунальщики расковыряли единственный проезд во дворы...

– А когда починят?

– Не знаю, но сейчас там коллапс. Фотографии есть.

Гриша хмурится и застывает на секунду, как восковая фигура с остро очерченным подбородком.

– Просто если починят сегодня в пять часов, а ты сдашь материал в три, он никому не нужен будет. Узнавай у водоканала, надолго ли раскопали, там решим. Что ещё?

В два часа митинг дольщиков «Алмазов».

– Они согласовали? – вздыхает Гриша.

– Да.

– Это очередная постановка Алфёрова, – вмешивается Борис. – Постоят с плакатами и разойдутся.

Алфёров – местный депутат, взявшийся отстаивать права дольщиков. Я молчу. Сентенция Бори ставит крест на теме. Гриша молчит. Я не выдерживаю:

– Не ходить, что ли? Мне без разницы.

Мне в самом деле без разницы. Я не испытываю к доль-

щикам особой теплоты, может быть, потому, что никогда не нуждался в жилье сам. Работа с ними – это всегда изнурительный марафон. Сначала они обращаются в редакцию со слезами и просьбами рассказать об их беде, но через полгода, озверев от бессилия, переходят на приказной тон и требуют новых материалов. Их требования всё громче, читательский интерес всё меньше, и в этом охлаждении им мерещатся заговоры. Наиболее ушлые считают, что редакция должна перейти на круглосуточное освещение их душевных мук. На отказы они реагируют болезненно и пишут в своих чатиках, что ещё одну редакцию «алмазовцы купили с потрохами».

– Ладно, сходи, – соглашается Гриша после раздумья. – Там полиции много будет, может быть, кого-нибудь повяжут. Если начнётся толкотня – не жди, сразу оттуда пиши.

– Да понятно.

– Ничего не начнётся, постоят и разойдутся, – снова вмешивается Борис. – Всё это спектакль перед выборами.

Я молчу.

– Ещё что-то есть? – спрашивает Гриша.

– Там много обраток пришло, и пара есть интересных, но я ещё не вник до конца, – раздаю я авансы. – В течение дня скажу, что можно взять в работу.

– Так, – обращается Гриша ко всем. – Просыпайтесь. Пока я вижу только две темы про операцию силовиков и аварию с главой района. Интервью с матерью пропавшей девочки –

это нужно делать, Боря, не затягивай. Мало, всё равно мало. Ищите, звоните: в городе всегда что-то происходит, и вы должны узнавать об этом первыми.

Мы бесшумно расходимся.

* * *

На редакционную почту приходит до сотни писем в сутки, и всегда есть риск потратить время впустую или пропустить что-то ценное. Но если срочно нужна история-бомба, лучше обострить чувствительность и оставить предрассудки.

Я открываю письмо с крупным заголовком «ОСВЯТИТЕ ИСТОРИЮ», словно писали в религиозное учреждение.

«ВНИМАНИЕ! РЕДАКЦИЯ! ХОТИТЕ НАПИСАТЬ ИСТОРИЮ О ПОДЛОСТИ, КОРЫСТИ И ЛЖИ?!!! ВСЯ СИТУАЦИЯ ПРОПИТАНА БЕЛЫМИ НИТКАМИ. ИСТОРИЯ ДВУХ ЛЮДЕЙ, КОТОРЫХ СУТЬБА РАСКЕДАЕТ ПОМИРУ. ЭТО ПРИВЛЕЧЕТ К ВАМ МНОГО ЧИТАТЕЛЕЙ».

Далее шёл рассказ страницы на полторы, написанный короткими предложениями. Он не был лишён патетики и особой театральности, которую психиатры назвали бы тревожным звоночком.

Фразы были такими:

БОЛЬШАЯ СТРАНА, ШИРОКИЕ ПРОСТОРЫ, ИЗЛОМЛЕННЫЕ СУТЬБЫ...

РОСПАД МОРАЛИ, ТЯЖЕЛЫЕ ВРЕМЯ, НО УРОК НА ВСЮ ЖИЗНЬ...

И КАК ВЫ ДУМАЕТЕ К ЭТОМУ ОТНЕСЛАСЯ РОДИ-

НА...

АЛЕКСАНДР ЗНАЛ, ЧТО ИНОГО ВЫБОРА НА ЖИЗНЕННОМ ПУТИ У НЕГО НЕ БУДЕТ...

СОВЕСТЬ И ЧЕСТЬ ВСТУПИЛИ В ЕДИНОПРАВНУЮ БОРЬБУ...

БЕГСТВО КАК ВСПЫШКА СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА КОТОРЫЙ ЖИЛ РАБОМ...

Эта была история о двух товарищах (одним из которых, видимо, был автор), которая неожиданно заканчивалась в придорожном кафе Ставропольского края, где окна «ЗАКОЛОЧЕНЫ БИНТАМИ», а хозяин «НЕ ПРОЧЬ ПОИГРАТЬ В СРЕДНЕ ВЕКОВЬЕ», для чего хранил в подвале «ПЫТОЧНЫЙ ИНСТРУМЕНТ КАК У СТОМАТОЛОГА».

Благодаря находчивости то ли автора, то ли его друга ситуацию удалось как-то урегулировать. Текст подытоживала многозначительная фраза в скобках: (ВОЗДАСТСЯ ПО ЗАСЛУГАМ).

Я отправил письмо в папку «Удалённые».

Большинство других историй были или неконкретны или чересчур банальны. Люди жаловались на запах воды для поливки улиц (вонь до девятого этажа), на плохую работу управляющих компаний (в груде мусора поселился рыжий кот), на соседей, которые слишком громко слушают Шнура (трёхлетняя дочь напевает сють-хуйнють-сють, есть запись).

Одну потенциально хорошую историю уже забрали: на улице Мокрова вплотную к забору детского сада постро-

или автостоянку. Я поскрипел зубами и продолжил разгребать почву.

В одиннадцать я сделал перерыв и отправился за кофе, отметив по пути отсутствие Бориса, который, возможно, уже встречался с матерью пропавшей девочки. Это нервировало. История наверняка попадёт во все раздачи.

Наконец, я нашёл сообщение, которое пометил галкой ещё дня три назад. Оно было сравнительно грамотным и уважительным, а история выглядела остросоциальной.

«Доброго времени суток! С моей родной сестрой произошла беда. Сестра Аня живёт в деградирующем селе Филино на пособие по уходу за ребёнком. 29 июля прошлого года произошёл обвал крыши, и сестра получила травмы. Она не способна полноценно двигаться, хромает. Быт резко ухудшился по причине неполной трудоспособности. Крышу зимой засыпало снегом, а весной всё протекло внутрь. Мною было направлено письмо в адрес администрации Филино, а также главы Нечаевского района и губернатора области. Было обещано выделить материалы и рабочих для ремонта крыши. Сестра воспитывает ребёнка-инвалида. Я в силу географической удалённости помочь не могу. На сегодняшний день никаких работ не проведено. Деньги выделены. Сестра ставит тапки на пол во время дождя. Прошу Вас разобраться в ситуации. Человек погибает!»

Мысли зароились в голове. О Филино я помнил, что посёлок по каким-то причинам вымирает и стоимость жилья

там почти нулевая. В прошлом году филинцы искали учителя начальных классов, предлагая кандидатам готовый дом в пожизненное пользование, но так и не нашли.

Филино упоминал мой покойный отец. Он высказывался о филинцах сочувственно.

Алик, а с ним и Гриша, не любили истории из областных городов и тем более деревень. Алик редко видел область за пределами своего коттеджного посёлка и считал, что настоящие события происходят в городе, в кабинетах власти, в крайнем случае – на городских свалках. Гриша в силу врождённого аристократизма считал провинцию неспособной породить настоящий повод.

И всё же история матери-одиночки из Филино, которую завалило рухнувшей крышей, могла иметь резонанс федерального масштаба, если мне хватит таланта подать её так, чтобы у Гриши в процессе чтения увлажнились очки.

Несколько часов я дозванивался до главы филинской администрации Ивана Дмитриевича, который то был в отъезде, то занят, то обещал перезвонить.

Наконец, мне ответил хмурый и потрескивающий от раздражения голос. Я просил об ситуации с Анной Коростелёвой. Иван Дмитриевич срезал каждую мою атаку под корень:

– Да? Ну. Ну. Коростелёва. И что? Я знаю. Выделили деньги. Материалы выделили. Ещё в прошлом месяце. Все сметы есть. Не сделано? Ну, не сделано. У неё спросите почему. У меня она не одна. Вы хотите историю раздуть? Ну, разду-

вайте. Она этого и ждёт. А что значит, справедливо? А вы сами, простите, кто?

Колюченьсть председателя разозлила меня. Я пообещал, что завтра же приеду и посмотрю всё на месте, и с угрожающей вежливостью попросил Ивана Дмитриевича сопроводить меня, намекнув, что попутно обращусь за комментарием в пресс-службу губернатора.

Знаю я таких прыщей-царьков, которые окопались в своём райончике и считают себя неуязвимыми.

– Вот я приеду, и мы на месте всё сразу и посмотрим, – повторил я в трубку.

– Да езжайте на здоровье, – буркнул председатель. – Завтра так завтра. Если в район не дёрнут, я вас встречу. Да. Всё. Отбой.

Я перехватил Гришу на выходе. Он спешил и нервно поглядывал на смартфон. Я описал историю в общих чертах и получил отрешённое согласие на поездку.

До выезда на пикет с дольщиками я успел пролистать статью о Филино. Я пропустил обширный блок про зарождение казачьего поселения и развитие каких-то там мануфактур, про стройку ткацкой фабрики, гипсовую шахту и вклад тамошней железнодорожной станции в развитие Нечаевского района.

Значимый факт номер один: до 2004—2005 года в 40 километрах от Филино находилась база ракетных стратегических войск, ныне расформированная и закрытая.

Факт номер два: местность возле железной дороги на окраинах Филино напоминала игры S.T.A.L.K.E.R. и Fallout вместе взятые. В Инстаграме я нашёл фотографа, который снимал здесь перед грозой, накрутив контрастность и чёткость снимка до такой степени, что маневровый тепловоз стал мрачно-пёстрой машиной апокалипсиса, небо клубилось чёрной пеной, а коровы на фоне мазутной насыпи выглядели уже мёртвыми. Усиливала эффект стоящая на жёлтой пустоши охранная вышка, непонятно что охраняющая, резервуарный парк заброшенной нефтебазы и полуразрушенная церковь.

Я много раз проезжал поворот на Филино, но в самом посёлке не был. Может быть, через проблемы одной семьи удастся показать историю целого посёлка, и даже не посёлка, а всей умирающей российской глубинки, где правят князья на «Гелендвагенах», а из достопримечательностей только запущенный дом-музей, столовая и бюро ритуальных услуг, работающее до последнего клиента. Ждать которого осталось недолго.

* * *

Митинг дольщиков «Алмазов» оправдал самые смелые ожидания: он был недолгим из-за пронизывающего ветра и скучным, как годовой отчёт. Человек двадцать сбилось на отведённой площадке с внешней стороны «Алмазов», держа в руках плакаты «Воров – к ответу» и «Верните метры бездомным детям», нарисованные фломастерами. Предста-

витель застройщика с трибуны пообещал согласовать план завершения работ, а депутат Алфёров пообещал не оставить это так.

Ко мне присосался дольщик Игорь, с которым мы несколько раз общались по телефону. На вид ему было лет тридцать пять. Куртка надувалась на ветру, и оторванный хлястик дёргался ей в такт. Глаза Игоря были сощурены, как у человека, который стоит на причале и безнадёжно вглядывается в горизонт. Он всё время подступал ко мне, почти наступал на меня, и глядя за линию недостроенных тёмных домов, которые напоминали гнилые зубы, говорил:

– Ты же, это, журналист. Ты же должен правду говорить. Тут не все. Ты не пиши, что их там десять человек пришло. Это для отчётности. Нас тысячи. Не согласовали большой митинг. Разрешили по спискам прийти. Самых тихих взяли. Ты пиши, как есть. Вот этот гондон, что с трибуны сейчас вещал, он деньги и украл. И все, кто над ним, украли. Ты так и пиши, что собрали с людей деньги. Просто взяли и по карманам распихали. И лечат сейчас, что денег нет, но вы держитесь, б... Вот про это пиши. Что воры. Поимённо.

На мою ремарку, что я не могу обвинять кого-то в воровстве до решения суда, которого нет даже в планах, Игорь закивал:

– Да ясно, ясно. Что тут непонятного? Я продал квартиру, продал машину, в ипотеку залез, вкинул в эту херню два ляма, и где они? У меня двое детей, у меня жена в декрете, я

утром на заводе, а вечером таксую, я живу в съёмной квартире и плачу ипотеку ещё, а ты мне объясняешь, что про это нельзя писать? Скоро народ на вилы этих гнид поднимет, так что думай, на чьей ты стороне.

Я не стал уточнять, для чего отец двоих детей с женой в декрете соглашается «вкинуть два ляма» в доленое строительство, не первый год напоминающее финансовые пирамиды. Каждый раз всё начиналось с деклараций надёжности нового застройщика и сдачи пары домов, и предновогодней лихорадки, когда распродалась «последняя очередь» перед повышением цен. И люди в шесть утра занимали очереди в офисы застройщиков, чтобы успеть внести свои кровные «два ляма».

Потом туман новогодней распродажи рассеивался, и наступало серое утро, а за ним их ждало не новоселье, а пара лет на коллективное размышление о том, кто же виноват и что делать.

– Главное, застройщик-то нормальный был, – слышал я голос Игоря. – Нормальный. Я ещё до повышения деньги внёс. Мы же чуть-чуть не успели. Предыдущий дом почти достроенный. Это вот эти черти всё украли. Ты напиши об этом. Это же претцентдент.

Он так и говорил: «прет-цент-дент».

Я сдерживал ухмылку, чтобы не получить по роже. Через редакцию прошло уже полсотни таких «претцентдентов».

* * *

Под вечер я принялся изучать карту окрестностей Филино. На гугл-карте дороги выглядели более-менее проездными, так что поездка не обещала быть сложной.

Поворот на Филино был хорошо обозначен. Дорога за ним сначала огибала озеро Ольхушу, проходила через Карасёво и ещё три мелкие деревни и упиралась в развилку, где нужно было взять левее к железнодорожному переезду. Сразу за переездом начиналась главная улица Филино.

Чтобы лучше разглядеть посёлок, я включил спутниковую карту и вдруг заметил нечто странное. На севере от Филино, чуть слева, где на обычной карте была сплошная зелень, вдруг проступил отчётливый контур очень крупного объекта, по площади сравнимого с самим Филино.

Объект имел форму многоугольника с идеально прямыми сторонами, но разными углами – не квадрат и не ромб, а нечто кособокое. Форму определял забор, внутри которого располагались строгие ряды одинаковых прямоугольников, которые я сначала принял за аккуратно оформленные могилы. Хотя шеренги прямоугольников располагались вдоль невидимых линий, сами линии не были параллельны наружным стенам, словно ограждение строилось без привязки к тому, что находится внутри.

Это было не кладбище. Каждый прямоугольник оказался крупнее трёхэтажных барачков в центре Филино. Коттеджный посёлок? Тоже нет. Внутри него были дороги, но не было перекрёстков. От широких грунтовок к каждому барачку

вели отдельные спиралеобразные ответвления.

В северо-западной части объекта дороги сливались в одну магистраль, которая выводила к основным воротам. Я заметил две соринки у пропускного пункта – легковые машины – и одно пятнышко покрупнее – грузовик. Внешний, очень тонкий забор шёл параллельно основному, но его можно было разглядеть лишь по слабой тени.

Я несколько раз переключил вид карты. Объект существовал только на спутниковой версии. Графическая карта показывала безмятежное зелёное поле.

Я включил панорамный вид и совершил небольшой тур в окрестностях объекта, надеясь увидеть хотя бы фрагмент его ограждения. Дорога из Филино к небольшому посёлку Ключи и районному центру Нечаево проходила в полукилометре от объекта, но обзор закрывал некрасивый всклокоченный лес.

Лес плотно окружал объект с трёх сторон и только с севера располагался пятнами. Местность там могла быть заболочена: рядом виднелась россыпь мелких водоёмов

Впрочем, я увлёкся. Отыскав на карте дом Анны Коростелёвой, я сделал несколько пометок в блокноте и перечитал ещё раз письмо её брата. Он не оставил контактов, и если Анна всё-таки работает, мне придётся разыскивать её полдня. На всякий случай я отправил братцу письмо, но ответа не получил.

Вечером Оля сказала:

– Это же нелепо, если тебя уволят. Ты хороший журналист. Не переживай.

– Начнём с того, что мне в принципе неприятно, когда вопрос ставится таким образом.

– Не может этого быть. Этот Олег мог просто так сболтнуть. Я не верю.

Она сказала это, сливая макароны через крышку кастрюли со специальными дырочками, в которые всегда проskalывала одна-две макаронины. Потом они лежали на дне мойки, как змеиные трупы.

– Салат сметаной или маслом заправить? – спросила она.

– Без разницы.

Оля вдруг спросила:

– А как тебе эти птицеловы? Вы что-то будете писать?

– Какие птицеловы? – не понял я.

– Которые предлагают перебить в городе всех голубей, потому что они разносят болезни. Как будто от голубиных трупов будет меньше болезней. Я вообще не представляю, как можно уничтожить всех голубей. Какое-то средневековье.

В соцсетях мне где-то встречались дебаты о вреде голубей, но я не особенно вникал. Олю же почему-то задевал этот вопрос. Она вообще любила живность.

– Говорят, что голуби заражают людей орнитозом, – Оля пыталась вовлечь меня в диалог. – Чушь. Я спросила нашего инфекциониста, он говорит, что в год регистрируют 10 случаев орнитоза, и в 9 случаях – у работников птицефабрик.

При чём тут голуби?

Олю и не могло волновать моё увольнение. Для неё это был забавный курьёз, как для меня – проблемы дольщиков. Тесть всё равно не даст нашему уровню жизни просесть, пока я ищу новую работу. Тесть даже не заметит выпадение мой зарплаты из общего бюджета. Оля видела позитив в том, чтобы я встряхнулся и поискал место, где откроется какая-нибудь перспектива. В редакции «Дирижабля» расти было некуда.

Чего Оля не понимала, так это оскорбительности самого выбора между мной и Борей Лушиным. Я бы лучше проиграл Арине, которую выберут за тщательность, или Неле, которая умеет делать сенсации. Но терпеть поражение от тюфяка Бори было мучительно. Это подрывало мои представления о мире и самом себе.

Не понимала Оля и взглядов её отца в мой адрес, не злых, но любопытных и сочувственных. По его меркам я и так занимаюсь ерундой, а если выяснится, что даже ерундой я занимаюсь плохо, он будет говорить со мной, как с умалишённым. Громко и разборчиво.

Работа в «Дирижабле», которую я получил перед тем, как умерла мама, и последующая женитьба на Оле придали моей жизни определённость. Лишившись её, я боялся потерять что-то большее.

Весь вечер я воображал своё увольнение и дерзкие ответные шаги и под конец развеселился. Ночью я представлял

завтрашнюю поездку в Филино и материал, который процитируют федеральные СМИ, который возродит дискуссию о судьбе российских сёл, а может быть, удостоится премии и войдёт в рейтинг лучших репортажей. Я так разгорячился, что не спал до четырёх утра.

* * *

Но к утру бодрость испарилась. Сонно раскачиваясь над унитазом, я посчитал накатившую тревогу лишь временным эффектом, инерцией сна и следствием общей нервозности. Но даже после кофе и торопливой беседы с Олей тревога не ушла, а напротив, обрела какую-то смутную конкретность.

Я будил Ваську, а Васька смешно дёргал ногой; мне хотелось остаться и отвезти его в садик, но вместо этого я сел в прохладную после ночи машину и поехал к выезду из города вдоль огромной пробки, которая стояла навстречу, как загнанный в сердце города осиновый кол. Вокруг пробки гноились перекрёстки. Я ждал облегчения на выезде, но когда мелькнул знак окончания города и открылась почти пустая трасса, мне стало ещё тревожнее. Мне показалось, что я уезжаю надолго, сжигая за собой мосты.

Уверенность в филинской истории убывала быстрее, чем бензин в баке. До Филино было чуть больше 50 километров, но расстояние казалось бесконечным, как часто бывает, когда идёшь куда первый раз и не уверен в правильности маршрута. Посёлки вдоль трассы будним утром казались неживы-

ми.

Хорошие статьи получаются случайно, когда не пытаешься пригвоздить их к листу и встроить в свои жизненные планы. «Рожать ежа», – так мы называем пустые темы, которым потом мучительно придаём актуальность, злободневность, остроту, чтобы получить первый же комментарий «Ну, и о чём статья?». Филинскую историю придётся тащить за уши, придумывать на ходу, приукрашать и преувеличивать – теперь это было очевидно.

После поворота с трассы на дорогу вокруг озера Ольхуша я занялся аутотренингом, тормоша свой гуманизм. Я представлял боль семьи, которая ставит тазики на телевизор, чтобы спасти его от талого мартовского снега. Впрочем, на дворе был май.

После деревни Карасёво асфальт исчез, и на скорости мне показалось, что он не исчез, а выключился. Его или сточили инструментом, или он просто устал от бессмысленности, растворившись во времени и оставив после себя подобие древних узоров, на которых машину трясло до болезненных стуков из-под днища.

Посёлки вдоль дороги были небогатыми, с десятком домов и заброшенными сараями на отшибах. Встречались мелкие пруды, заросшие камышами и густо населённые чайками; чайки кишели над чёрной водой, как дым пепелища. Я остановился, чтобы сделать снимок, и оглушительное облако поднялось и закипело, как стая ворон. Чайки взбивали на по-

верхности пруда густую ряску, и она задумчиво вращалась. По бокам пруд обрамляли бакенбарды камышей, и сверху он мог походить на профиль Пушкина.

Встречных машин почти не было: попался лязгающий грузовик, водитель которого надеялся разглядеть во мне знакомого, и старые «Жигули» с прицепом, которые размашисто огибали ямы. Прицеп прыгал и скакал позади, как строптивый ребёнок, которого тянут к зубному.

Радио теряло одну радиостанцию за другой, и около Филино я остался наедине с каким-то садоводческим каналом, где звучала поп-музыка из детства, а реклама задорно уговаривала посетить ярмарку саженцев в Нечаево.

На развилке я взял левее, проехал старый железнодорожный переезд. Из будки вышел дед и сделал несколько бессмысленных жестов; я притормозил, но он сердито махнул рукой – проезжай. За переездом я обнаружил сносный асфальт главной улицы Филино и совсем другие декорации.

Насмотревшись апокалиптических снимков, я ждал от Филино мощного визуального эффекта; мне казалось, что уже за переездом начнутся полуразрушенные дома и стекающая в их дворы чернота неба.

Но дома оказались обычными, а небо – неохотно голубого цвета, который предвещал обычную для конца мая погоду.

За вывеской «Филино» гостей встречал двухэтажный особняк, отделанный бежевым сайдингом и забором из синего профнастила, что, по-филинским меркам, должно быть,

считалось роскошью. Взгляд уводила вдоль улицы беспощадно-жёлтая газовая труба, подпрыгивающая прямоугольной петлёй над проездами и зачёркивающая дома позади.

Дома были разными: старые деревенские избы из брёвен с рыхлыми срезами, пёстрые сине-белые хаты на южный манер, безликие коробки из белого кирпича и брошенные чёрные остовы, вросшие в землю и накрёнённые – памятники демографическому кризису Фирино.

Около колонки два загорелых мальчугана с руками-веточками, бросив велосипеды, набирали воду в полиэтиленовый пакет. Струйки рисовали по воздуху параболы и лились на тонкие ноги пацанят. Заметив меня, они замерли и робко изучали машину, а потом, задыхаясь, наперебой объясняли, как найти улицу Колхозную: прямо, налево, ещё налево до забора и направо.

И всё-таки первое, благополучное впечатление о Фирино было обманчивым. Через один встречались дома, заросшие кустарником, выгоревшие, утонувшие в филинской земле – я насчитал не меньше десятка брошенных жилищ и два хороших дома с заколоченными окнами.

На лавке у забора, на фоне мёртвого фасада, сидел беззубый старик, лицо которого почти съели морщины. Его слепой взгляд долго держал меня на прицеле. В руках у него была палка, на которую он давил руками, будто хотел встать. Иногда он стучал ей по земле, словно призывая духов.

Дальняя часть Фирино когда-то была его историческим

центром: новых домов здесь было меньше, зато проступали добротные каменные остовы старых зданий. В некоторых угадывался дом или склад без окон. Из пустых прямоугольников, на которых не росла трава, торчали каменные стены и низкие парапеты.

Я обогнул Филино с востока, проехал мимо сторожевой вышки и заброшенной церкви и по грунтовой дороге выехал на улицу Колхозную. Скоро улица кончилась, и дорога нырнула к реке. Я попал в узкий проезд: слева шли серые заборы и вросшие в них сараи, справа наступала крапива. Проезд вывел к дому, стоящему чуть в стороне и как бы вне принятой здесь логики. Подъезд к нему расчертили колеи. Слева к нему подходила другая улица, которую на карте я почему-то не заметил.

Перед домом была свалка мусора: насыпной вал из шин, пластиковых бутылок, старых корыт, гнutoго велосипеда и другого пёстрого хлама. Мусорка, видимо, выполняла и прямую функцию и заодно отгораживала дом от проезда, если не своей неприступностью, то горьковатым запахом старой резины и нечистот.

За свалкой была площадка и угадывались следы старого забора; земля в пустых лунках напоминала дёсны старика. Под огромным тополем вдоль сарая лежали неровные потемневшие доски. Мухи оживлённо делили пространство двора.

Дом оказался очень пёстрым. Вероятно, покрашенный в синий цвет, он оплыл зелёно-жёлтыми разводами, как ак-

варельный рисунок. На углах краска отшелушивалась, обнажая серые доски.

Окна неплотно прикрывали ставни. Крайняя ставня перекосилась и висела на одной петле. Дом всматривался в меня затёкшим глазом.

Справа от крыльца виднелся узкий проход к реке. Я поднялся по треснувшим ступеням и постучал. Никто не ответил. Я дёрнул ручку, и в нос ударил неприятный запах скипидарной мази.

– Здравствуйте, – крикнул я в полутьму, удивляясь резкости голоса. «Журналаюга проклятый», – подумал я, упреждая мысли тех, кого я мог разбудить своим вторжением.

Дом казался пустым. Я прикрыл дверь и огляделся. В доме кто-то закричал, несколько раз стукнул металл, что-то грохнуло и покатилося.

Я снова приоткрыл дверь. Коридор пересекла тёмная фигура и прильнула к окну дальней комнаты. Я видел её наискосок. Фигура смотрела в окно с перекошенной ставней. Она непонятно для чего тёрла стекло, словно то запотело изнутри.

– Я здесь, – позвал я громче.

– А! Вааадька, ты что ли? – женщина зашаркала ко мне по коридору.

Скоро я разглядел её: Анне Коростелёвой, если это она, было лет сорок пять. Она была высокой, кудрявой, чуть скособоченной. Кудри её напоминали растянутые пружин-

ки, потерявшие всю упругость. Она всё плотнее заматывалась в халат, словно готовясь выйти на мороз, волоча ногами огромного размера тапочки. Глаза её щурились из-за толстых очков с голубоватыми линзами. Их дужки были так щедро замотаны изолентой, будто сделаны из неё.

Приближаясь, она выгоняла из коридора усиливающийся запах мази, варёного лука, нагретого пластика и перегара. Скоро последний перешиб все прочие запахи. Это был перегар, настоящий на отрыжках, папиросах и злой водке, которая покидала организм Коростелёвой через все поры. Облако так зримо приблизилось ко мне, что я отступил назад к самому краю крыльца. Перила выгнулись подо мной, как резиновые.

– Вам кого? – хрипло спросила она, щурясь всё сильнее. Яркий свет стал для неё неожиданностью.

Когда говоришь с детьми, сумасшедшими или пьяницами, сложно начать, потому что даже самые простые вещи требуют объяснения. Я сказал, что работаю журналистом и её брат попросил разобраться с протекающей крышей.

– Подожди, – сказала она и на несколько минут исчезла в доме.

Она вернулась, одетая уже в джинсы и тонкий свитер, висящий на узких плечах. Она помешкала в проходе, вытеснила меня с крыльца, села на ступеньку и закурила.

– Куришь? Нет? Вадька тебя прислал?

В хриплом голосе была надежда. Я снова представился

и объяснил всё заново.

– Крыша, – показал я наверх. – Крыша у вас провалилась, я так понял. Течёт ваша крыша.

Коростелёва не заметила двусмысленности фразы.

– Брат ваш просил разобраться, – добавил я. – Брат. У вас есть брат?

– Так Игорь что ли?

– Да, Игорь.

– И что? Чего хочешь-то?

– Крышу посмотреть. Где провалилась?

– А, крыша... – она рассеяно глядела на свои громадные коричневые тапки. – На крышу, эта, с задов ступай, погляди.

Сигаретой она повертела в воздухе, оставив что-то вроде автографа.

За углом дома был глухой сад. Паразитные клёны пожрали другие деревья, а их тень пожрала траву. Пахло влагой и клопами.

Последняя надежда сделать путную историю рухнула и разбилась, как тот кусок шифера, что откололся от середины коростелёвской крыши. Это был просто кусок шифера размером с оконное стекло, следы которого лежали на бетонном отмостке вокруг дома.

– Сильно течёт-то? – спросил я, вернувшись.

– Да когда как... – махнула она рукой, кокетливо заломив её; сигаретный пепел почти касался щеки. – У меня это, знаешь, крыши под полом.

– Какие крыши? – не понял я.

– Мыши, – поправила она равнодушно. – Сожрут меня ночью.

– Стоп. С мышами потом. У вас крыша течёт. И травма, мне сказали, какая-то. И дочь где ваша? Вам помощь нужна?

– А кто тебе сказал? – удивилась она моей информированности.

Разговор не сдвинулся с мёртвой точки, пока Анна не выкурила ещё две сигареты, запихивая тщательно обслюнявленные бычки в щели ступенек. Свет перестал резать ей глаза.

– Крыша, да... – сказала она, наконец, с грустью. – Вот когда дождь, то это самое... Течёт там. По стене сочится, когда дождь. Вот так во всю стену пятно. Там побелить бы.

– А что председатель ваш, филинский? Говорят, обращались к нему.

Она подняла лицо. Глаза её чуть косили и поэтому смотрели клином, клин упёрся мне в переносицу, скользнул ниже, но всё время мимо глаз. Потом её взгляд разочарованно ушёл с моего лица.

– Ну, председатель. Что председатель? Ну что?

– Что, что. Помогает он или нет?

Алкоголичка хмыкнула и дёрнула плечами.

– Досок вон дал, шиферу какого-то. А толку-то?

Докурив сигарету, она ушла в дом, и ещё некоторое время я ощущал её запах на своём лице.

Я обошёл дом. Фотографировать не хотелось. Я распял себя мыслью, что это и есть глубинка без прикрас. Я убеждал себя, что в офисе, налив кофе в огромную кружку, я найду правильные слова. В офисе, может быть, найду. Но сегодня думать о Коростелёвой и её доме мне не хотелось. Я не испытывал сочувствия.

Послышался звук подъезжающего автомобиля. Я вышел за кучу мусора, чтобы взглянуть, не мешает ли моя машина проезду. Прямо за кучей остановился старый внедорожник «Опель», из которого выпрыгнул человек в светло-голубой рубашке. Он был небольшого роста, но складный, как садовый гном.

– Вы корреспондент? – спросил он, протягивая руку на ходу. – Кожевников. Председатель.

– Здравствуйте, Иван Дмитриевич. Спасибо, что приехали.

После вяжущего разговора с Коростелёвой вид председателя вернул мне рабочее настроение.

Жестом он приказал следовать за ним. Вид у него был нетерпеливый и решительный. Мы обогнули кучу мусора и подошли к крыльцу.

– Аня! – резко позвал он.

Коростелёва появилась уже без очков; под глазами у неё залегли тёмные треугольники.

– Ну? – требовательно спросил Кожевников. – Что там у тебя? Потоп? Корреспондент вот из Москвы аж приехал

снимать про твои беды.

– Не из Москвы, – усмехнулся я.

– Где этот? – с нажимом спросил Кожевников. – Ну, где твой приятель? Как его? Вадим? Вадим где?

– Не знаю, – пожала плечами Анна. – Ветер в поле знает.

– А шифер где? – Кожевников занервничал и быстро обошёл дом. – Ну тут же шестнадцать листов было, где?

– Да я чё, знаю? – возмутилась Анна. – Они тут грузовик пригнали, вон, всю землю испохабили. Может, увезли.

– Да как, б, увезли-то? – закричал Кожевников. – Он мне на прошлой неделе говорил, мол, сделаю. Как увезли? Ты чё, мать, за добром своим не следишь? Шестнадцать листов было. Как так, мать?

– Ну и чё теперь? – плечи Коростелёвой подпрыгнули под свитером. – Там не сильно течёт.

Мы оставили её на крыльце прикуривать очередную сигарету. Она попросила у меня сто рублей, я выгреб всю мелочь, Коростелёва кивнула и вяло перекрестила меня по воздуху.

– Дай бог счастья тебе и всей твоей семье, – услышал я вслед.

* * *

В столовой поселковой администрации за обедом Кожевников рассказал мне историю Анны. У неё действительно была пятнадцатилетняя дочь-инвалид со сложным генетическим заболеванием, но года три назад её забрал к себе отец, военный в отставке. Анна слегка хромала, но травма была

старой и с куском шифера никак не связанной. В молодости она была гулящая, но после микроинсульта потеряла подвижность половины лица и перестала пользоваться спросом, с мужем давно развелась, работала на случайных работах, дочь, пока девочка жила с ней, воспитывала плохо.

Кожевников выделял материалы и рабочих для восстановления её дома, но Анна соглашалась неохотно, часто выгоняла людей и устраивала истерики. Крышу взялся было починить мужик по прозвищу Вадик Короткий, который жил с ней последние пару месяцев, но вместо этого вывез шифер и исчез сам.

– Дом-то у неё, главное, добротный, – рассуждал Кожевников. – И участок большой был. Это муж её строил в восемьдесят девятом. Запущенный дом, но хороший – сам же видел.

Брат Коростелёвой жил в Петербурге. Родина семьи была в Курской области. В Филино брат приезжал лет десять назад и сестрой особенно не интересовался.

– Зачем же он такие письма строчит в редакцию? – спросил я.

Кожевников отмахнулся.

– Чего строчит... Не знаю. Она ему по телефону наплела с три короба, вот и строчит. Строчила чёртвов. Приехал бы, помог сестре, а лучше – забрал отсюда.

Словно отвлекаясь от тяжёлых мыслей, Кожевников раскрыл чёрную папку и принялся выкладывать передо мной

документы.

– Вот, видишь. Её дом включён в региональную программу реставрации ветхого жилья... Хотя заметь, дом у неё не ветхий, но мы включили. Но это не сразу. Область деньги выделяет. У неё главная беда, что подвал топит. Крыша – это ерунда. Вот смета. Шифер сами нашли. Тут у нас дом один разбирали... Стоял долго. Хозяева умерли, наследников нет. Кто сюда поедет?.. А люди мрут. Ну мы пускаем, что годное есть, на нужды посёлка.

Он выкладывал листы, как игральные карты, терпеливо ожидая, пока я пробегу их глазами.

– Старый шифер украсть, а? – снова завёлся он насчёт ха-халя Коростелёвой. – Ну что за люд такой? Ты если сомневаешься, у любого тут спроси. Был шифер. Выделяли.

– Ясно, ясно, Иван Дмитриевич, да я вам верю. Я же вижу ситуацию. Вчера всё по-другому представлялось.

– А если губернатору писать будешь, – сказал Кожевников, захлопывая папку, – то не крышу новую проси, крышу мы сами сделаем. Проси, чтобы в центр её забрали на реабилитацию. У нас тут фельдшер уколы ей какие-то сандалит, да что толку-то. Надо как: под замок её и под капельницу. Её в город надо. Здесь негде. В Нечаево тоже ни черта нет, тараканы по стенам одни. В город её надо. А это уже не моя, знаешь, епархия.

Цены в столовой администрации напомнили рассказы отца о временах его студенчества, когда за несколько монет

можно было взять первое, второе и компот. Но я отдал мелочь Коростелёвой, а когда вытащил крупную купюру, Кожевников замахал руками, будто испугался её, и велел кассирше записать обед на его счёт.

Он устал. Он работал по инерции времён, когда Филино обслуживало часть РВСН и считалось режимным посёлком. Должность не доставляла Кожевникову удовольствия. Когда-то он был агрономом, а теперь тянул в неопределённое будущее Филино.

Он проводил меня до машины. Я вспомнил про объект рядом с посёлком.

– Иван Дмитриевич, а что у вас тут за сооружение по дороге к Ключам? Склады там или что-то вроде?

Кожевников помолчал и спросил:

– Тебе куда, в город?

– Да, домой.

– Тогда не надо через Ключи. Вот сейчас по улице поедешь и налево к переезду. Там указатель на Карасёво, увидишь.

– Да я знаю, я так и приехал. Я про объект, который у вас тут километрах в пяти в сторону Ключей...

– Я тебе объясняю: не надо через Ключи. Через Карасёво езжай, – рассвирепел вдруг Кожевников. – Указатель будет на Карасёво, вот по нему и поедешь.

Мы попрощались. Он торопливо сжал мою руку, думая уже о чём-то другом. Тусклый «Опель» с открытыми окна-

ми ждал хозяина под липами, собирая на треснутую эмаль кузова пятна теней.

* * *

Я возвращался по главной улице Филино к выезду, когда две девочки привлекли моё внимание.

Они стояли у дороги на пыльной траве, держась за руки, и выглядели одинаково, как вырезанные из сложенного листа фигурки, вроде тех снежинок, что делают на рождество. Их лица были настолько белые, что даже белизна их платьев казалась живей их матовой кожи. Это была глубокая, многослойная белизна, словно обеих сестричек отлили из парафина. Я остановился.

Близняшки лет пяти. Из-под белой кожи проступали синие прожилки вен. Близняшки настороженно смотрели на автомобиль, обходя его полукругом. Я взял фотоаппарат и сделал снимок через стекло.

Перед домом, отделанным сайдингом, я из любопытства свернул направо на грунтовую дорогу и скоро выехал на берег реки Вычи. Здесь вращал в землю брошенный грузовик и паслись коровы с чумазыми боками. Я вышел сделать несколько снимков и заодно взобрался на странный холм у самой реки. Холм оказался кучей земли, которую навалили при раскопках выгребной ямы. В заболоченный провал филинцы сваливали пищевые отходы, старую мебель и строительный мусор. Река подтапливала дальний конец ямы. От ямы исходило гудение тысяч мух. Из-за тёплой вес-

ны они были настырны и решительны, как в августе.

Я не стал дожидаться, когда ветер ещё раз бросит в меня смрад выгребной ямы, и поспешил вниз. Здесь меня караулил скучающий пастух.

– Эй, чё ты там потерял? – весело спросил он.

Пастуху хотелось поговорить. Он начал с нейтральных вопросов, из Нечаево я или из Хасаново, потом спросил сигаретку, потом обсудил мой автомобиль. Узнав, что я журналист и мой фотоаппарат стоит, как его машина, он рассмеялся и рассказал про какого-то родственника, который тоже был художником (по меркам пастуха – «тоже» означало «ещё один бездельник»), а потом купил безумно дорогой фотоаппарат и живёт теперь в Москве.

Мы немного поговорили о том и о сём. Пастух не стеснялся беззубой улыбки и пах похмельем, но, в отличие от Коростелёвой, его похмелье было дружелюбным, больше табачным. Кнут, свёрнутый кольцом, висел на плече. Шесть или семь коров лежали под единственным деревом на берегу и редко трясли ушами.

Я спросил про близняшек.

– А это эти... Как их там... Короче, родились они такие. Да тут же это... Вышки. Излучатели, – охотно доложил он. – Вот на том берегу все от рака померли. Поедешь, погляди, дома брошенные. А с этого краю тоже излучение. Народ тут долго не живёт.

– Что за излучение? – удивился я новому заходу.

– Ну это, как его... Типа как, знаешь, космические лучи. Тут же военные стояли. Ну они тут это, летали, чё-то там, не знаю. Дыра, короче, озоновая тут. Это... Вот как на заре пойдёшь, везде же заря красная, да? А тут вот за речкой жёлтая. Пряма жёлтая, как мои яйца, – захохотал он. – Во, гляди.

Вместо яиц он показал прокуренные желтушные пальцы. Я сделал несколько снимков. Пастух охотно позировал, советуя сфотографировать покрупнее его пальцы как доказательство желтизны филинских зорь.

– А что у вас тут за забором, если в сторону Ключей ехать? – спросил я небрежно.

– А где там? – удивился он.

– В лесу, по правую руку, если на Ключи ехать. Какие-то строения за забором, вроде складов.

– А, там... Да чёрт его знает. Дачи, наверное.

По словам пастуха, в Филино он прожил всю жизнь и ни о каких объектах не слышал; но потом, словно осенённый, вспомнил про расформированную военную часть, где лет пять назад можно было найти почти годный «Зил» или утащить кусок медного провода. Но военная часть находилась в 40 километрах от Филино, а Ключи и объект – гораздо ближе. Пастух лишь пожал плечами.

Я вернулся на главную улицу Филино, но вместо поворота на Карасёво проехал прямо по указателю на Нечаево. Эта же дорога вела к посёлку Ключи.

* * *

Проехав мост через реку Вычу, я оставил слева каменное основание старой стены, уходящей в поле, и оказался на шоссе к Ключам, которое выгибалось и уходило за горизонт, как след баллистической ракеты. С возвышенности должен был открываться вид на объект.

Но лес вдоль западной границы объекта оказался настолько густым и мирным, что догадаться о спрятанной за ним территории размером с целый посёлок было невозможно.

Садоводческая радиостанция затрещала и скоро утонула в шуме помех; я не сразу сообразил выключить её зуд. Тишина показалась тревожной, как покой рентгеновского кабинета.

На перекрёстке без обозначений я повернул направо и скоро попал в сосновый бор. Деревья были тонкими и высокими, словно гигантская трава. Старая дорога из бетонных плит угрожающе щерилась арматурой.

Дорога вывела к железнодорожному переезду, за которым оказался Т-образный перекрёсток с главной дорогой, уходящей налево в посёлок Ключи. Я повернул направо на дорогу, которая, по моим расчётам, вела прямо к объекту, и тут же упёрся в знак «Въезд запрещён».

Знак был не страшным. Если дорога односторонняя, могут лишить прав, но она не односторонняя, так что штраф – рублей 500 и всё.

Это был старый знак «кирпич», чуть согнутый посередине порывом сильного ветра, наклонившийся к визитёру и гля-

дящий на него свысока.

И всё же знак выглядел серьёзно, как часовой.

Дерзкая мысль пойти по дороге пешком, ничего, в сущности, не нарушая, тоже была отброшена. До контрольно-пускового пункта было километра два, и по дороге наверняка встретится куча грозных щитов-предупреждений. Включить дурака не удастся.

Я развернулся и поехал в Ключи. Это был посёлок из двух параллельных улиц и небольшой окраины. Его можно было обогнуть буквой П.

У самого въезда я увидел большой гараж и автомастерскую, возле сдвижных ворот которой скучали двое рабочих. Я остановился метрах в десяти от них и стал ждать, когда они подойдут с расспросами. Так оно и вышло.

Оба были разговорчивы. Мы поболтали о моей машине и пылевой буре, которая случилась у них в понедельник.

Руки одного из рабочих улыбались полумесяцами чёрных ногтей.

– Мужики, – начал я, и обращение вызвало у них лёгкую улыбку, – мне вон на том перекрёстке направо надо, а там «кирпич» висит. Я проеду там?

– Зачем тебе там направо? – спросил Чёрные Ногти, всё ещё улыбаясь.

– Навигатор показывает.

– А ты куда едешь-то?

– Я на Карасёво еду. Навигатор туда ведёт.

Улыбки сползли с лиц обоих.

– Не надо тебе туда, – произнёс Чёрные Ногти, как бы внушая эту мысль мне.

– Назад через железку езжай, – сказал второй резко. – Выехал обратно и дуй через пути. Там по указателям.

– А что за знаком? – попробовал я ещё раз.

– Да ты голову не забивай, – отрезал второй. – Как лесок проедешь, направо давай и через Филино и Карасёво на трассу.

Спохватившись, они пошли в бокс, и скоро их спины исчезли в чёрном проёме, будто утонули в нём.

На трассу я не поехал. По главной улице Ключей я два раза повернул направо, и скоро в чередё однотипных домов увидел магазин. Палисадник перед ним был засажен цветами. Тигровые лилии свешивались из-за ограды, ощупывая входящих. Мальвы стояли, как дозорные.

Это был обычный сельский магазин с продуктами и бытовыми мелочами, где сразу оказываешься в клещах прилавка, а на полках жмутся друг другу товары, выставленные раз и навсегда. Весёлые этикетки потускнели и в полумраке магазина выглядели зловеще, как заспиртованные музейные экспонаты. От запаха пластмассы и упаковок повеяло чем-то из глубокого детства, из путанных закутков рынка в здании старого склада, куда мы частенько ходили с мамой.

В магазине было тесно: почти всё пространство заняла полная покупательница, которая конфузилась своей полно-

ты и торопилась.

Продавцом оказался молодой парень с тонкими цепкими руками. Он выставлял на прилавок двухкилограммовый пакет муки, и было заметно, что его жилистые руки привыкли работать с чем-то потяжелее. «Подсадной какой-то», – подумал я.

Женщина суетливо упаковывала покупки. Продавец перевёл взгляд на меня, и взгляд его был долгий, будто он сразу ждал признания.

Женщина мяла сумку, как тесто.

– Бутылку воды мне, – сказал я, и пока он выставлял её на прилавок, спросил. – Там на перекрёстке знак «Въезд запрещён». Не знаете, проеду я туда?

Наступила тишина. Шуршал пакет.

Наконец, парень ответил:

– Ничего там интересного.

– В смысле?

– В смысле, не надо туда ездить. Зачем тебе туда?

– По карте вроде короче получается.

– Не короче.

Голос его прозвенел резко, и так же резко упала сдача на металлическое блюдце.

Женщина, словно предчувствуя ссору, тихо заговорила:

– Ты не спрашивай. Тут посёлок режимный. Тут таких вещей не скажут. Тупик там. Туда тебе незачем.

– Спасибо, – я забрал воду и скovyрнул с тарелки упря-

мую сдачу.

На обратном пути я остановился на перекрёстке перед железнодорожным переездом. Старый знак «кирпич» негромко звенел на ветру. Проезд за ним, изгибаясь, уходил вглубь неопрятного, будто взбитого блендером леса, который почти смыкался и отбрасывал густые тени на ровном асфальте. Свежая разметка выдавала, что у дороги был надёжный хозяин.

В редакцию я вернулся совершенно разбитый.

* * *

История посёлка Филино напоминала взросление человека. Был в ней период казачьей юности с первой половины XVIII века и до середины XIX, о котором не осталось почти ничего. Казаки построили укрепрайон, а во время войны 1812 года как-то особенно себя проявили, за что получили право переименовать село в Гродно.

Но посёлок предпочёл забыть о разгульной юности. От неё остались лишь мрачные отпечатки фотографий конца XIX века, когда казаки покидали насиженное место. С телеги глядели хмурые дети. Нарядный воин с лицом строгим и напряжённым позировал на лошади. Подросток в военной форме взобрался на верх крыльца, пока его семья стаскивала вещи к телеге. Тёмные лица растворялись в кислоте старых фотографий и походили на случайный дефект плёнки.

Гродно-Филино пришло в упадок: отток казаков обескровил его. В современном Филино от того времени остались

лишь остовы каменных стен.

В самом конце XIX века через Фирино пустили ветку железной дороги и построили крупный транспортный узел. К началу нового века село ожило. С расположенных поблизости рудников и металлургических заводов в Фирино везли сырье и металлические чушки, в самом селе появилась чаеразвесочная контора, ткацкая фабрика, конезавод, лесопилка и несколько тракторов.

На фотографиях того времени Фирино напоминало, скорее, город. Между зданием управы и купеческими домами главной улицы зияла немислимая по меркам современных посёлков пустота. Пространство между домами заполняла грязь, по грязи шли подводы, на подводах сидели сутулые люди.

На чаеразвесочной фабрике работали дети с лицами стариков. Выносливая лошадь башкирской породы, коренастая и как бы сплюснутая сверху, тащила из карьера полторы тонны руды; лошадью правила темнолицая женщина в платке; она смотрела в объектив и щурилась, будто опалённая его жаром. С другой подводы у ворот ткацкой фабрики тощие мужички грузили на спины огромные тюки.

Фирино повзрослело, остепенилось и к тридцатым годам получило статус города. Его каменный скелет я видел, проезжая восточную часть посёлка.

Во время войны массовая эвакуация заводов вынудила строить новые железнодорожные ветки, и Филинская стан-

ция потеряла ключевое значение. Рудники поблизости были истощены, мужская часть населения мобилизована, большая часть мирных производств заброшена.

Перед Второй мировой войной близ Филино открыли месторождение гипса, которое активно разрабатывали в военные годы и потом. Но это не спасло Филино, и за двадцать следующих лет село пришло в упадок; по крайней мере, в источниках этот период почти не упоминается.

В начале 60-х в сорока километрах от Филино началось строительство базы ракетных войск стратегического назначения. Прямую связь между этим событием и возрождением Филино проследить сложно, но, очевидно, что потребности в рабочей силе, продовольствии и материалах обеспечили приток населения и развитие железнодорожного узла.

Филино не было закрытым посёлком, но получило какой-то уровень режимности. Вероятно, сюда наведывались люди в штатском и проводили работу с населением, которое должно было сообщать о появлении необычных визитёров. Самыми охраняемыми объектами Филино были заброшенный ныне железнодорожный терминал и элеватор.

Потом кризис среднего возраста закончился, и началась старость. Посёлок не достиг былого расцвета, но ещё на двадцать лет, совпавших с брежневским периодом, погрузился в томное благополучие, от которого также почти не осталось ни фотографий, ни свидетельств – скорее всего, из-за близости стратегического объекта. А может быть, здесь просто

ничего не происходило.

В первой половине 80-х население Филино достигло почти 5 тысяч человек и потом снова пошло на убыль столь резко, что через десять лет осталось чуть больше половины жителей.

До начала 90-х процесс никак не фиксировался, но после падения Союза вдруг забили тревогу, и в Филино поехали многочисленные комиссии.

Старых газет с заметками о Филинской сенсации я не нашёл, а современные источники пересказывали одинаковую фабулу о вымирающем посёлке, уделяя больше внимания бытовым трудностям жителей, чем причинам их смертности.

В форуме я наткнулся на жутковатую исповедь девушки, чья мать мучительно умирала от непонятного заболевания. За два месяца из энергичной 45-летней женщины она превратилась в мёртвую плоть. Приезжие врачи бегло осматривали больную, не приближаясь к ней, а затем в соседней комнате долго заполняли какие-то документы. Они брали анализы, но не говорили о результатах; от их посещения оставались лишь справки с отметкой «Некроз тканей» и мелкой подписью внизу «Не является медицинским заключением». Когда мать умерла, во дворе дома появился УАЗик, санитары завернули её тело в плотную ткань и какой-то особы мешок. Позже дочь оповестили о расположении могилы на одном из четырёх филинских кладбищ. Пост был датирован 2005 годом.

На форумах и мелких сайтах основной причиной филинских бед считали влияние ракетной базы. Я мало знал о ракетных войсках, но если сами военные жили в гарнизоне на территории базы, которая находилась в 40 км от Филино, в посёлке не могли вымирать из-за подобного соседства. Должно было быть что-то ещё.

Встретилась мне и совсем параноидальная теория о якобы проведённом в 1953 году ядерном взрыве на полигоне близ Филино, радиоактивные осадки которого выпали вблизи посёлка.

Самым ценным активном была найденная с большим трудом статья в журнале «Фундаментальные исследования» за август 2010 года с длинным заголовком: «Исследование загрязнения почвы, воды и биологических сред Нечаевского района в зоне влияния расформированной дивизии ракетных войск стратегического назначения и анализ заболеваемости населения».

Авторы обобщили результаты исследования земель близ Филино и провели собственные замеры, но к однозначному выводу так и не пришли. По крайней мере, их работа содержала конкретные факты.

В Филино фиксировалось повышенная заболеваемость астмой, аллергией, раком и артритами. Чаще среднего рождались дети с физическими недостатками и наблюдался высокий уровень психических расстройств у пожилого населения.

Одной из версий была авария на химическом комбинате «Полимер-Пром» в 1977 году, который находился на реке Выче в 60 км от Филино выше по течению. В начале 80-х вблизи Филино фиксировалось повышенное содержание опасных химикатов – диоксинов. Авторы анализировали технологические цепочки «Полимер-Пром», розу ветров и силу течения речки Вычи и пытались проверить гипотезу о диоксиновой катастрофе. Другой версией была обработка местных земель экспериментальными гербицидами, позже полностью запрещёнными.

Прямое влияние ракетной базы авторы отметили сразу. В Филино наблюдались повышенные радиационные фоны, но основной версией было высокое содержание урана в гранитных залежах под посёлком и активное просачивание радона в подвалы зданий и грунтовые воды. Согласно этой теории, место изначально было неблагоприятным для жизни, что, вероятно, привело к исходу казаков 150 лет назад.

Авторы обнаружили повышенное содержание меди, свинца и цинка в почвах и воде близ Филино, а река Выча озадачила их примесью ртути, хотя и некритичной. Основной версией заражения посчитали расположенный в 10 км на восток от Филино заброшенный горно-обогатительный комбинат, пыль которого и просачивающиеся в грунт воды могли содержать примеси тяжёлых металлов.

Авторы, словно устав от собственной писанины, приходили к выводу, что выделить конкретный источник высокой

заболеваемости не представляется возможным. Они придерживались некой «теории пятен»: зоны неблагоприятного воздействия отдельных предприятий наложились близ Филино друг на друга, что вкупе с повышенным содержанием радона дало накопительный эффект. Далее они пускались в пространные объяснения о взаимосвязи повреждённого иммунитета с риском онкологических заболеваний.

Я ещё раз пролистал документ в поисках упоминания объекта, который находится в нескольких километрах от Филино близ посёлка Ключи. Но авторы словно не знали о его существовании.

Вспыхнувший в 90-х интерес к Филино довольно быстро сошёл на нет. Оно прописалось в рейтинге неблагополучных посёлков области, но попыток разобраться в вопросе, кроме упомянутого исследования, не предпринималось. Население Филино тем временем сократилось в пять раз.

Когда человек долго ищет причину явления, но заходит в тупик, ему проще думать, что явления нет. Если мы видим огонь, но не понимаем, что именно горит, проще считать его оптическим эффектом. Особенно, если находишься далеко.

Эта мысль прослеживается во многих статьях о Филино, изданных уже в нулевых. Их авторы рассуждали о естественной миграции населения и смертности от социальных факторов, из-за отсутствия нормальной медицины и низкого уровня жизни. Упадок Филино действительно совпал с экономическим кризисом конца 80-х и тяжёлыми 90-ми. Сократи-

лось, пусть не столь радикально, население и соседних деревень. Всё чаще появлялось мнение, что если столь же дошительно проверить другие посёлки, найдётся не меньше фактов в пользу параноидальных теорий разного сорта.

Существовала даже версия, что мистификация Филино была лишь постановкой местных активистов, призванной упростить филинцам получение жилья в городе. Если и так, постановка провалилась: жилья не получил никто.

Для меня оставалось загадкой, намеренно ли в исследовании 2010 года упускался из вида объект под Ключами, или в те годы он ещё не существовал?

В конце концов, объекты такого масштаба не возникают из ниоткуда. Кто-то должен его проектировать, строить, возить стройматериалы, охранять. Если не сами строители, то их дети могли что-то видеть или слышать.

Я настроил в Фейсбуке вопрос о заболеваемости в Филино и странном объекте рядом с ним, прикрепив спутниковую фотографию: «Камрады, навигатор завёл меня к такому вот строению, кто-нибудь знает, что это? Теплицы?».

Первым же комментарием было: «Тебе зачем?».

Я написал: «Просто любопытно».

Ответа не последовало.

* * *

Чтение о Филино полностью выбило меня из графика. Я потерял половину дня и целый вечер, а на утро проснулся в четыре часа утра в лихорадке. Мысли скручивались в петли

и от бесконечного и бесплодного повторения причиняли мне почти физическую боль.

Чтобы не мешать Оле, я взял смартфон и полез в соцсети. Опять половина ленты была посвящена бывшим.

«Ладно, мой каминг-аут. В 2002 году в Турции познакомилась с парнем. Очень красивый, просто бог, устоять было невозможно, без шансов вообще. Случился непродолжительный роман. Потом разъехались. Он из Саратова. Сразу ничего не обещали, даже адресами не обменялись. Но потом он меня нашёл через интернет. Самое интересное, общаемся до сих пор. У обоих семьи. Кто сказал, что дружбы с бывшими не бывает? #бывшие».

Интересно, нравится ли её нынешней семье читать о боге из Саратова, кружившим с ней пятнадцать лет назад?

На всякий случай я залез на страничку Оли. Сообщения она выкладывала редко и в основном репостила понравившиеся статьи про офтальмологию или большой теннис – её вторую страсть. Ничего подозрительного на Олиной странице не было.

Я бросил смартфон, попытался заснуть, не смог, разозлился и поехал на работу. Там, выпив две кружки кофе, я всё утро перечитывал заметки о Филино.

На утренней планёрке Гриша объявил, что Роскомнадзор потребовал от него объяснений за интервью с матерью пропавшей девочки, потому что в ней описывались её суицидальные наклонности, зато сама статья собрала 130 тысяч

просмотров. Борис сдержанно сиял.

– Спасибо Неле за подгон, – отдал он должное коллегам.

– В данном случае мы прошли по самой грани, но не вышли за рамки допустимого, – сообщил Гриша. – В общем, коллеги, нам надо больше смелости, больше раскованности. Про исчезновение школьницы написали все, а интервью с мамой – это наш эксклюзив, который процитировали федералы. Действуйте смелее.

Моя статья про дольщиков отметилась лишь высокой цитируемостью в соцсетях, где, вероятно, её растаскивали соратники активиста Алфёрова. Чуть лучше читали материал про заблокированный коммунальщиками двор, но на фоне Бориных успехов я выглядел невзрачно.

Успехи вообще приходят ко мне случайно; как только требовалось показательное выступление, удача шарахалась от меня.

На планёрке обсуждали голубей. Дискуссия об их вреде так сильно захватила соцсети, что Гриша настаивал на большом аналитическом материале.

– Да это, наверное, фонд Зимина раскачивает тему, они же в прошлом году призывали белок не кормить, – сонно сказала Галя. – Они всегда какой-то бред предлагают.

– Нет, Зимин ни при чём, он в Москве сейчас, – ответил Гриша.

– И почему бред? – ерепенилась Неля. – Голуби – крысы с крыльями. В парке все скамейки обосраны. Всё правильно

говорят: надо вытеснять их ареал в леса.

– Их хотят травить, – вставила Арина.

– А лучше люди пусть травятся? – фыркала Неля.

Гриша остановил дискуссию:

– Вопрос не в том, что считаем мы. Вопрос в том, как всё на самом деле. Из того, что я прочитал, голуби действительно представляют большие риски, особенно для детей. Нужно привлекать специалистов, орнитологов, эпидемиологов, делать большой материал. Какие идеи?

У Виктора Петровича был знакомый специалист по редким породам птиц. Арина обещала связаться с ветеринаром Николаем Алябиным. Знакомые медики Нели могли хорошо рассказать про эпидемии, которые возникают от птиц и грызунов.

Пока шёл голубиный спор, на свободной странице ежедневника я рисовал могилу в призрачном лунном свете, размышляя, вывести ли своё имя поверх надгробия. Взгляд скользнул чуть ниже и упёрся в написанную моим почерком надпись «Филино», сделанную, судя по всему, 11 мая.

Зачем я написал слово «Филино» 11 мая? Я помнил некоторые дни своего детства, но события двухнедельной давности слились в неразборчивое ощущение прошлого. Я не помнил ничего про 11 мая.

Надпись «Филино» окружал орнамент каракуль, из которых я разобрал слово «частицы», аббревиатуру РГМ (видимо, «Росгидромет») и сокращение «с.з. ветер».

Я полез на сайт и вспомнил, что 12 мая вышла статья о задымлении городской свалки. В тот день я брал комментарии у чиновников, пожарных и довольно известного в наших краях блогера Ильи Садыкова, которого власти считали провокатором и гринписевцем. В ежедневнике я записал фрагменты его комментария, но кусок про Филино полностью выпал из памяти.

Я заявил на планёрке три вялые темы и после её окончания набрал Садыкова. На мой вопрос о Филино он ответил как-то нехотя:

– Да, в общем, это просто резервный железнодорожный пункт, я уже неоднократно говорил о планах превращения нашей области в радиоактивную свалку, и, пока не для печати, очередная партия высокордиоактивных отходов была провезена как раз в начале мая.

– А Филино при чём?

– Эти же составы идут вне графика и для них выбирают специальные направления, в данном случае, они идут через станцию Филино и там, как я понимаю, подвергаются некому предварительному контролю. Там есть ответвление путей, что-то типа длинного навеса, куда загоняют целый состав.

После этого спикер свернул на излюбленную тему о заговоре властей, которые поставили на нашей области крест.

* * *

Вечером я рассказал о Филино Оле.

Мы сидели на кухне. Васька, почавкав, забросал суповой лапшой стол и сбежал к себе в комнату. На смену ему пришёл косолапый бигль Рикошет, усевшись перед Олей в ожидании, когда в его миску со смачным шлепком упадёт собачья консерва. За биглем и Олей пристально наблюдал кот Вантуз, до конца ещё не определившийся, принимает ли он Рикошета в нашу семью

Вантуз был довольно лохматым беспородным котом серо-белого окраса, которого притащили в наш коттедж ещё строители. Он перезимовал в заколоченном недострое, дождался весны и возвращения строителей, а когда дом был сдан, отказался покидать его, считая себя как минимум дольщиком.

Мы пытались выставить беспризорного кота за дверь, но лазутчик помнил тайные ходы, поэтому непостижимым образом проникал обратно. Оля любила животных, и упорство лохматого кота очень её тронуло. Она тщательно помыла его, назвала Вантузом и оставила жить.

Вантуз был независим, но справедлив. Появление Рикошета, которому шёл восьмой месяц, он воспринял с известным скепсисом, но дал щенку шанс. Изредка он шипел на него и отбивался от приставаний, но чаще присматривал за биглем с высоты и своим присутствием дисциплинировал всю семью.

Оля накладывала Рикошету консерву под надзором Вантуза. Я рассказывал ей о Филино и странном объекте непо-

далёку от посёлка.

– Знаешь, я давно не сталкивался с тем, чтобы час, два, три поиска по всем возможным запросам не давали результата, – говорил я. – Объект есть на спутниковой карте, но не упоминается в интернете. Если это такой уровень секретности, почему детальные спутниковые снимки есть в открытом доступе? Что это, теплицы или ракетные склады?

– Может, у твоих знакомых в полиции узнать?

– Полиция, скорее всего, ни при чём. Если это режимный объект, им занимаются военные или ФСБ.

Оля села напротив меня:

– Если этим занимаются военные, зачем этим заниматься тебе? Наверняка там всё проверено.

– Я тебя умоляю...

– У меня отец служил, я знаю. Если это, как ты говоришь, ракетные склады, там всё очень тщательно контролируется.

– Я бы не был так уверен.

Когда Васька отправился спать, а Олино пение стало доноситься из ванной, я включил в спальне телевизор и забрался поверх прохладного покрывала, захватив ноутбук. Я уже неоднократно зарекался проверять Фейсбук перед сном, потому что от некоторых комментариев у меня начиналась бессонница, но хватало меня максимум на день-два.

Мой вопрос о Филино и объекте рядом с Ключами породил интересную, но бессмысленную дискуссию. Большинство знало о посёлке меньше меня.

Я проверил личные сообщения. Мне писал герой недавней статьи об аварийном доме, на жалобы которого после публикации обратили внимание городские власти. Гриша Мостовой просил исправить заголовок статьи, запланированной на завтра. Незнакомый с ником Guillo Sanches предлагал общение. Guillo Sanches, судя по имени, был кем-то вроде бизнес-инструктора, который научит меня зарабатывать больше тестя за пять дней не выходя из дома.

Я открыл сообщение. В нём была очень длинная – строк на пять – ссылка без комментариев. Я всё-таки кликнул по ссылке и попал на страницу с большой картинкой, которая на экране смартфона испуганно сжалась и превратилась в светлый прямоугольник. Я начал раздвигать её пальцами и скоро понял, что это отсканированная карта.

Я взял ноутбук и открыл ссылку снова. Знакомые топонимы бросились в глаза – это была карта района вокруг Филино, отпечатанная тонкими линиями, с рукописными надписями и пометками, вроде «РС-1237».

Был на ней и посёлок Ключи, и расположенный рядом объект. Надпись от руки поперёк его периметра обозначала объект как ФГКУ «Комбинат „Заря“».

Я напечатал вопрос Guillo:

«Что такое эта „Заря“?»

Появилась галочка о прочтении. Несколько секунд плясали кружки. Guillo печатал сообщение. Печатал он, видимо, довольно медленно, потому что ответ содержал два слова:

«Это склады».

«Военные?»

Снова пауза и пляшущие кружки.

«Не совсем».

«Что на них хранится?»

Guillo прочитал сообщение, но ответа я ждал долго. Пришла Оля и, наклонившись, принялась сушить волосы оглушительным феном, сдувая на меня облако брызг.

– Выключай давай, – велела она.

Капельки попадали на экран.

– погоди ты, – я протёр его своими шортами.

Кружки снова начали свой танец. Оля уже досушила волосы и нетерпеливо ждала, но Guillo всё печатал и печатал. Наконец, появилось сообщение:

«Этого тебе никто не скажет. Это не для печати».

Я настроил:

«Смотри, меня не интересуют государственные секреты, мне только нужно знать, может ли комбинат „Заря“ влиять на жителей находящегося рядом посёлка Филино. Я прочитал несколько исследований на тему, но комбинат „Заря“ в них не упоминался, поэтому, может быть, всё дело именно в нём».

Я отправил сообщение и стал ждать. Оля уже забралась под одеяло и недовольно переключивала баночки на ночном столике. Я выключил свет. Теперь отблеск экрана слепил Олю через зеркало.

Уведомление о прочтении моего сообщения не приходило. Я поставил ноутбук на тумбочку лицом к стене и лёг. Скоро блик светящегося экрана погас. Несколько раз я приподнимался и аккуратно проверял ноутбук, но уведомления так и не было. Guillo выключился.

– Ты спать собираешься? – фыркнула Оля, когда я встал третий раз. На часах было полвторого ночи.

Засыпал я всегда долго, но тут меня начал укачивать лёгкий сон, будто давление крови упало почти до нуля, организм остановился, а мысли стали ленивыми и прозрачными. Я ещё не спал, но уже видел того пастуха на берегу реки Выча, который говорил:

– Везде же заря красная, да? А тут за речкой жёлтая. Прямо жёлтая, как мои яйца.

Пастух смеялся.

– Жёлтая заря, – повторял он.

Это не было сном. Это было воспоминание. Филинский пастух говорил о жёлтой заре. Но говорил ли он о заре настоящей или той «Заре», что не имеет обозначения на гражданских картах?

* * *

Приехав в офис, я пренебрёг ритуалом и не пошёл сразу пить кофе. Я включил компьютер и проверил сообщения от Guillo – ответа по-прежнему не было. Я набрал в строке поиска «фгку комбинат заря» и с удивлением обнаружил десять страниц результатов. Предприятие с таким названием

числилось в открытых перечнях государственных учреждений и имело даже адрес: посёлок Ключи, улица Главная, дом 4, строение 1.

Огромное количество ссылок вело на сайт госзакупок или близкие ему сайты-агрегаторы, которые собирали информацию о государственных тендерах. В качестве истца «Заря» фигурировала во множестве судебных исков.

Я набрал в строке поиска «жёлтая заря», но ничего путного кроме узоров, фотографий и текстов песен не нашёл.

На планёрке я ждал своей очереди с нетерпением, и нетерпение, в конце концов, надавило на мочево́й пузырь. Из-за этого выступление Бори казалось мне бесконечным, особенно с учётом его манеры тянуть слова и дотошно проговаривать очевидные вещи. Когда тебе приспичило в туалет, диалог Бориса с главредом звучит примерно так:

– Мы находимся в редакционной комнате, заполненной смесью кислорода и азота в пропорции, необходимой для дыхания человека, – сообщил Боря.

– Азота, – писал в блокноте Гриша.

– Да, на азот приходится около 80% массы воздуха.

– Интересно, – кивал Гриша. – А остальные 20%?

– В основном на кислород и примеси. Кислород необходим человеку для дыхания.

– В самом деле?

– Да, без кислорода может наступить асфиксия и смерть.

Поэтому человек не может дышать в открытом космосе.

– А у тебя есть комментарий специалиста?

– Да, я узнавал у космонавта Леонова, и он подтвердил, что в открытом космосе дышать невозможно.

– Он пробовал сам?

– Нет, ему рассказывал об этом Сергей Королёв.

– Тогда всё-таки желателен ещё один комментарий специалиста, – советовал Гриша. – Чтобы показать другую точку зрения. Может быть, позвонить во дворец юных техников? Я слышал, они строят макет космического корабля.

На самом деле они обсуждали новость о закрытии одного из пляжей из-за обнаружения в воде какой-то бактерии. Но когда Боря заводил «... дело в том, что некоторые бактерии приводят к развитию инфекций...» и потом ещё пять минут вспоминал известные ему случаи поноса, мне снова казалось, что они с Гришей открывают для себя важность кислорода в жизнедеятельности человека.

Гриша не был дураком, скорее, он потрафлял Борису в награду за его недавние успехи. Или Борис его ловко гипнотизировал.

Иногда мне было сложно понять Гришу. Утром он выложил в Фейсбуке вопрос, какой из концертных залов имеет наиболее подходящую акустику для прослушивания третьей симфонии Рахманинова. Я занимался музыкой в юности, но среди моей нынешней аудитории вопрос бы повис в воздухе. Гришины подписчики активно сравнивали впечатления от Рахманинова в Мариинском театре и в концерт-

ном зале города Перт в Австралии.

Алик Ветлугин, наш директор, не слушал Рахманинова, но иногда посещал планёрки в ранге наблюдателя, и научная беседа двух столпов его тоже утомила. В конце концов, он не выдержал Бороного гипноза:

– Да понятно всё. Просто бери комментарий у медиков, что если хлебнёшь этой воды, жидко обосрёшься и умрёшь. У каждого своя голова на плечах. Если позарез хочется искупаться и обосраться, это его конституционное право. Всё. Поехали дальше.

Виктор Петрович быстро заявил три небольшие темы, и очередь дошла до меня. Я напомнил о своей неудачной поездке в Филино и сразу же перешёл к сути: рядом с вымирающим селом находится подозрительный объект непонятного назначения...

Моё сообщение вызвало лёгкое смятение, а может быть, скуку. Гриша молча черкал в блокноте. Паузу заполнил Боря:

– Это может быть что угодно, – зевнул он. – Таких заборов по России-матушке раскидано...

Его локоть лежал на спинке соседнего стула, и поза выражала ленивое пренебрежение. Смотрел он чуть насмешливо, хотя и без вызова. Мысль его, кажется, ещё млела от осознания, что воздух на 20 процентов состоит из кислорода.

– Это «что угодно» имеет размер небольшой деревни, – сказал я. – И знаешь, как оно обозначено на карте? Никак.

Объект есть только на спутниковых картах.

– Ну и что? – ответил Боря. – Мы однажды заблудились так в 97 году: поехали с отцом по карте, а дорога оказалась на пять километров южнее. Приехали в итоге на свалку. Двух озер на карте не было. Секретность. В Совке так часто делали. Болота не отмечали, реки, преграды всякие.

Боря уже слегка раздуло от воспоминаний и собственной эрудиции, но Гриша вернулся к теме:

– Что за объект-то?

– Ну, я нашёл инсайдера, – слегка преувеличил я. – Он слил мне некоторую информацию. Объект называется ФГКУ «Комбинат „Заря“».

– ФГКУ – это что? – спросил Алик.

Я пожал плечами – не успел загуглить. Тут уже слегка раздуло от важности главреда. Гриша суховаато ответил:

– Федеральное государственное казённое учреждение.

– Казённое – типа тюрьмы, что ли? – спросил Алик.

– Нет, – Гриша покачал головой. – Что угодно: военная часть, больница, приграничный объект. Ну, и в чём тема?

– Все исследования смертности в Филино так и не пришли к выводу о её причинах. И ни в одном из них не фигурировал комбинат «Заря». У меня пока мало информации, но если, допустим, смертность в Филино увеличилась после строительства «Зари», то напрашиваются выводы.

Гриша некоторое время сидел, сцепляя и расцепляя пальцы.

– И что там может быть?

– Не знаю пока. Склад баллистических ракет. Ядерный могильник. Химическое производство.

– Это слишком неконкретно, – ответил Гриша. – Что за комбинат, когда построен, чем занимается, комментарии экспертов... Нужно установить связь между его развитием и повышением смертности в Филино. Тогда можно делать выводы.

– Так можно любое предприятие сейчас обвинять во всех бедах прилегающих районов, – фыркнул Боря. – У нас в садах построили цементный завод, теперь пыль оттуда летит, садоводы жалуются. А цементная пыль не является отравляющим веществом, её даже используют для разгона облаков, точнее, их не разгоняют, а высыпают на облако цемент или другой агент, который провоцирует конденсацию насыщенных паров. Цементная пыль – это просто грязь.

– Боря, понятно, – прервал его я. – Я же не говорю, что Америку открыл. Это просто гипотеза.

– И на чём она основана? – усмехнулся Борис.

– Ни на чём. Хорошо, я понял. Давайте просто релизы переписывать. Это же надёжнее.

– Я релизы не переписываю, – ответил Борис, внезапно успокоившись. Призрак сделанного им интервью с матерью пропавшей девочки давал ему такое право.

– Стоп, камрады, – вмешался Алик. – Куда-то вы в дебри полезли. Что я услышал: есть село, где умирают люди,

и есть какое-то предприятие непонятного назначения. Это само по себе интересно.

– Если только про это предприятие можно писать, – отозвался Гриша.

– Хорошо, допустим, нельзя. Давайте выпустим сочный фотореп из этого Филино, где дед без ноги, бабка без руки, подростки-мутанты и всё такое. Краткие истории местных жителей.

– Об этом уже писали, – не унимался Гриша.

– В каком-нибудь 1976 году? – Алик включил директора. – Я хочу донести до вас простую мысль: нам нужен трафик, нам нужно, чтобы люди заходили и читали нас. Я уверен, что наш читатель со смартфонами понятия не имеет про заметку в газете «Московский комсомолец», которая вышла до его рождения. Я первый раз слышу о Филино. Поэтому давайте не усложнять: просто находим всю жуть и выкладываем в рубрику без комментариев. Всё.

В разговор встряла Неля, которая уже некоторое время делала усталые жесты, то прикрывая зевки ладонью, то бешено стуча по экрану смартфона. Наконец, она не выдержала:

– А можно вы это потом обсудите?

– Хорошо, – кивнул Гриша. – Что у тебя?

Жжение в области мочевого пузыря достигло такой силы, что я извинился и вышел. Я наскоро вымыл руки, вытер их бесполезным бумажным полотенцем и вернулся на планёр-

ку. Неля издалека была похожа на танцующую марионетку, суставы которой бьются из стороны в сторону, высекая идеи из воздуха. Подходя к столу, я услышал:

– ... ну тот Братерский... Да! Которого Христов тогда классно отстебал.

Остальные радостно гудели.

Я подсел к столу:

– Что там с Братерским?

– Я вот рассказываю, – повторила Неля. – Братерский – это дуралей, у которого вечный словесный понос. Который тогда схлестнулся с Христовым...

– Я помню, кто такой Братерский, – сказал я. – Что с ним?

Неля объяснила:

– Ну, что с ним. Светит ему уголовно дело по 172.1 УК, это фальсификация документов, и, наверное, по 201-ой, злоупотребление служебными полномочиями.

Уголовное дело против Братерского? Любопытно. Нелю подогрел мой интерес. Она затараторила.

Оказывается, компания Братерского «Ариадна» страховала риски дольщиков «Алмазов», на пикете которых я недавно был. Когда дошло до выплат, «Ариадна» прокатила всех подчистую, отчего дольщики остались и без квартир, и без страховых компенсаций.

– А у нас есть страхование от рисков долевого строительства? – усомнился я.

– Блин, ты чего? – Неля понизила голос, ужасаясь моей

тупости. – Оно не только есть, оно обязательно. Застройщик отстёгивает страховщику, а страховщик должен выплатить дольщикам, если что-то пойдёт не так.

– А уголовное дело при чём? – спросил я.

– Судя по всему, Братерский совсем зарвался, подмутил что-то с документами и отказал всем в выплатах по каким-то деревянным поводам. Ущерб миллионный. Ты прикинь сколько там дольщиков! Нет, тут надо разбираться, конечно.

– Да, интересно, – согласился Гриша, быстро конспектируя в блокноте.

Алик уже видел новый поворот сюжета:

– Короче, дольщики хотели распять руководство «Строймонтажа 127», а получается, те почти не виноваты – город забрал участок, страховая кинула на бабки, а их сделали крайними.

– Хорошая тема, – сказала полная Арина, которую бог наградил милой картавостью.

Эту картавость она довела до совершенства. Речь Арины звучала мягко, как галечный прибой. Всё сказанное ей было заверено печатью этой картавой правдивости, тем более Арина в самом деле была правдива. От её голоса я впадал в транс и терял нить разговора.

Смущение Арины проявлялось, лишь когда она называла себя по имени: Арх-ина Кирх-жачёва. Её широкое русское лицо в эти моменты заливалось морозным румянцем. Мы

особенно веселились, когда узнали, что она ещё и Марх-ковна. За какие грехи её наградили тремя буквами «р» в именах?

Пока я млею от Ариногого голоса, Алик внезапно вспомнил про голубей, и мы снова заспорили.

– Чума и туберкулёз, вот что! – разгорячилась Неля. – Я вот не хочу, чтобы у меня дети подцепили чуму в парке!

Виктор Петрович усмехнулся и заговорил негромко и с азартом:

– Да это не чума, а болезнь Ньюкасла, как простуда человеческая, неопасная. Туберкулёз сложно подхватить, если только иммунитет ослабленный, а так...

– У детей он и есть ослабленный, а плюс ещё сотни болезней...

Виктор Петрович махнул на неё рукой:

– Да погоди ты, сотни болезней. Мы в детстве голубей и кормили, и гоняли, и дохлых таскали – ничего. Никто не заболел ни чумой, ни туберкулёзом.

– Сальмонеллёзом полно людей болеет!

– Так от чего болеет-то? От куриных яиц, не от голубиных.

Встряла Арина:

– Мне Алябин сказал, что голуби не провоцируют эпидемий.

– Ну кого ты слушаешь? – вконец ожесточилась Неля. – Алябин советует подъезды на зиму не утеплять, чтобы кошки не умирали, он бездомных собак предлагает раздавать

людям. Ну это Алябин. Пусть забирает собак, кошек, голубей себе домой. В городе от них только помёт и болезни. Фу, а когда мимо помойки иду, они там копошатся, фу...

Алик рассмеялся:

– Да машину они тебе обосрали, вот и психуешь, – он хлопнул в ладоши. – Хорош спорить! Делайте статью и запускайте. С тебя, – кивнул он Неле, – новость по Братерскому. Не затягивай.

Неля, ещё разгорячённая голубиным спором, возмутилась:

– Я не успею всё. Возьмите кто-нибудь Братерского. У меня суд сегодня.

– Макс, тогда ты, – распорядился Гриша. – Ты же с дольщиками на связи.

Я кивнул.

Пока мы шли к своим столам, Неля распоряжалась:

– Только нужно взять комментарии у следственного управления, у руководства «Алмазов», у администрации и самого Братерского. И быстро – не тяни.

– Сделаю, не переживай, – ответил я спокойно, хотя с удовольствием стукнул бы её дыроколом.

* * *

При всей моей нелюбви к дольщикам как таковым, пострадавшие от «Алмазов» вызывали определённое сочувствие.

Они были заложниками дележа участка, на котором ве-

лось строительство. Он назывался Ильинская роща, находился в городской черте и в советские времена действительно был берёзовой рощей, которую с трёх сторон подпирал частный сектор.

Позже частный сектор снесли, и постепенно Ильинская роща оказалась в кольце новостроек. В 90-х она превратилась в плачевный пустырь, где единственный фонарь освещал центр поляны. Вечером здесь совершались разбои, всегда был риск наступить на шприц или бутылочный осколок. В роще бегали бродячие собаки и рубился исподтишка лес, остатки которого жгли тут же любители пикников. Лет пятнадцать назад кто-то начал строить коттедж, но бросил после закладки фундамента. Сейчас этот фундамент напоминал грязный бассейн, залитый наполовину коричневой жижей.

Жильцам новостроек обещали превратить рощу в парковую зону с фонтаном, но после сдачи домов проект забросили. Соседство с пустырём нервировало жильцов. Мы с энтузиазмом писали о проблемах Ильинской рощи, особенно когда там завёлся маньяк. Маньяка поймали, но дальше этого дело не двигалось.

Три года назад рощу отдали под застройку микрорайоном «Алмазы». На макетах он был прекрасен: огромные многоэтажные самцы с выводками домов поменьше стояли в кольце зелёного оазиса, который казался пышнее самой рощи – настоящие джунгли.

Но этим планам воспротивились жильцы соседнего микрорайона «Сокол», которым обещали не только сохранить рощу, но и привести её в порядок. На общественных слушаниях городские власти убедили «соколовцев», что это наиболее реалистичный вариант благоустройства территории за счёт стороннего инвестора, и те с горем пополам согласились.

Когда дольщики внесли капиталы и были заложены фундаменты первых домов, Ильинская роща вдруг стала спорным участком, якобы из-за ожесточённого сопротивления жильцов «Сокола», сумевших доказать нарушения при передаче участка под застройку. Скандал получился таким, что вице-мэр города и несколько соучастников отправились в СИЗО.

Стройка тлела ещё около года. Из пяти башенных кранов лениво ворочался один. Активисты «Сокола» ложились под грузовики. Дольщики «Алмазов» жаловались в СМИ. На директора «Строймонтажа 127» совершили покушение.

В конце концов, стройка остановилась. Директору «Строймонтажа 127» вменили дачу взятки в особо крупном размере и тоже убрали со сцены. Его место занял бывший зам.

В котловане близ «Алмазов» завяз грузовик, да так сильно, что вытащить его сразу не смогли. Его кабина, утонувшая лишь наполовину, стала памятником нерешённому конфликту.

Был согласован план достроить в «Алмазах» три дома и превратить остаток роши в парк, но и он встал на паузу из-за недостатка финансирования. По всему выходило, что если бы страховая Братерского не кинула остальных дольщиков, компромисс бы нашёлся: часть «алмазовцев» получила бы квартиры, остальным вернули бы деньги и обустроили на месте их домов обещанный парк.

* * *

Я не афишировал знакомство в Братерским, поэтому набрал его из уютного закутка в дальней части коридора, где можно было уткнуться головой в маленькое окно с видом на парковку.

– Здравствуйте, Сергей Михайлович, – сказал я, прикрыв трубку руками. – Удобно говорить? В редакции вас всё утро обсуждают. Правда, в не самом приятном ключе.

Мою новость он выслушал внимательно, не перебивая. Казалось, он не вполне в курсе ситуации и то ли онемел от ужаса, то ли хочет проверить, что именно мне известно.

– Вам нужен мой комментарий? – спросил он спокойно. Его сговорчивость озадачивала.

– Во-первых, комментарий. Во-вторых, чего греха таить, дольщики «Алмазов» ищут крайнего, и всё указывает на вас. Я, со своей стороны, могу обещать публикацию без перегибов и домыслов, но всё-таки пока складывается впечатление...

– Я понял, – перебил Братерский. – Максим, спасибо

за желание помочь.

– Да пока не за что...

– А знаете, лучше займите максимально критичную позицию.

– Что? – не понял я.

– Напишите так, словно вы сами дольщик «Алмазов». Без обиняков.

– Так вас сожгут на костре. Они бы и строймонтажевца этого сожгли, если бы его в СИЗО не спрятали. Там страсти очень накалены. Я был на митинге недавно.

– Вы не переживайте. Людям в любом случае нужно выпустить пар.

– То есть не боитесь ошпариться? Публикация может вам навредить.

– Оставайтесь объективным. В конце концов, люди действительно остались без денег.

– В чём подвох? Вы подадите в суд за клевету и подрыв деловой репутации?

– Нет. Обещаю.

– Эти ждуны точно вас сожгут. Я не удивлюсь, если покушение на строймонтажевского директора тоже они оплатили.

– Нет, не они. Сделаем так: моя помощница пришлёт вам комментарий, и вы опубликуете его без купюр. В остальном полагаюсь на ваше журналистское чутьё. Хорошо?

– Хорошо. Почему у вас в жизни всё так запутано?

– Скорее, это у вас, – усмехнулся он.

Через час была готова короткая заметка о возбуждении уголовного дела против Братерского. В присланном мне комментарии он заявил о своей невинности. По его словам, отказ в выплатах был обоснован, так как страхового события не случилось: застройщик не обанкротился, а перезаключённые с дольщиками договоры определяли сдачу домов в марте 2018 года, то есть почти через год.

Заметка вызвала невероятный резонанс, и через час мне позвонил дольщик Игорь, который сам за страховкой не обращался, но требовал судить Братерского и всю его кофлу. Он спрашивал по кругу, что я намерен делать.

– И ты же понимаешь, посадят эту гниду лет на десять, а деньги нам кто вернёт? Надо взять всё его имущество, с молотка пустить и нам раздать. Наверняка у этой суки там дворцов и лимузинов жопой ешь... Ты прикинь, миллионами тырят. Что делать думаешь? Надо писать об этом. Ты там всё сгладил. Надо своими словами называть. Так и пиши, пусть эта мразина ходит и оглядывается. Я в прокуратуру заявление готовлю. А нам, знаешь, уже ничего не страшно. Пиши жёстче, чтобы суд на тормозах не спустили. Знаю я этих сучар, уже, поди, забашлял кому-нибудь. Вот увидишь, условка будет. А нам что делать? Ты там пишешь, мол, срок ещё не истёк, так это новые договоры, а в сумме-то мы уже сколько ждём? В июне будет два года, как я квартиру снимаю.

Я согласился добавить в статью его точку зрения на правах частного мнения.

– При чём здесь частное мнение? Это факты, – не унимался Игорь, начиная всё заново: «деньги не вернут, два года по съёмным квартирам, пиши жёстче...»

* * *

В субботу я поехал в Фирино. Несмотря на энтузиазм Алика, Гриша, кажется, не принял мои аргументы и все дни общался со мной особенно холодно, возможно, из нежелания возвращаться к филинской теме.

Накануне я созвонился с Иваном Дмитриевичем Кожевниковым, главной филинской администрации, и тот дал мне адреса трёх жителей, которые прожили в посёлке с самого рождения.

День был облачный и душный, как перед инфарктом. Всё казалось истощённым: и люди, и строения, и длинные собачьи языки, с которых капала слюна.

От таких дней есть предчувствие быстрой развязки. Это ощущение гонит по земле слабый восточный ветер вместе с тенью облаков. Прогнозы обещали ливни во второй половине дня.

На подъезде к Фирино из треугольника пустой автобусной остановки вышел старик с кривой, косматой палкой и вяло махнул мне. Я помотал головой и проехал мимо. В зеркале я увидел, как старик поплёлся обратно на остановку. «Меня проклиняет», – подумал я.

Сразу за филинским переездом, я свернул налево и остановился около остова каменной стены, которая шла через поле к железной дороге. Её сложили, вероятно, ещё казаки из добротного рыжевато-красного камня. Остатки походили на широкий фундамент, над которым когда-то была сама стена.

В сухой прошлогодней траве шуршали ящерицы. Яркая зелень ползла языками по склонам холмов. Сразу за каменным остовом земля казалась неплодородной, словно этот кусок степи казаки привезли откуда-то с юга. Я поехал в центр посёлка.

Первый адрес не принёс успеха. Деревянный синий дом стоял у язвенной асфальтовой дороги, пересекавшей главную улицу Филино. Напротив дома была заброшенная автобусная остановка и стоящий наискосок металлический контейнер с надписью «Магазин».

Хозяйке синего дома было лет пятьдесят. Это была низкая женщина в растянутой футболке и трико, с платком поверх головы и с морщинистым лицом, таким сухим и впалым, словно лоб и подбородок стремились друг другу, а само лицо уходило внутрь себя. Она копалась в палисаднике.

Выслушав меня, она махнула рукой в резиновой перчатке и пошла к дому. На крыльце она вытерла ноги о мокрую тряпку, отдернула занавеску и сказала с досадой:

– Некогда мне с вами разговаривать. Нет. Не буду.

Пёстрая занавеска играла на ветру, как флаг.

Я заехал к Анне Коростелёвой и застал её дома. Она

выглядела уставшей. Из-под чалмы на голове, скрученной из старой тряпки, смотрели осоловелые глаза. Она узнала меня, спросила сигарету, а потом уселась на крыльцо, выскивая подходящий окурок в стоящей рядом банке из-под шпротов. Я спросил, правда ли в селе уже лет тридцать люди болеют и умирают.

Раскурив, она ответила довольно сухо:

– Везде умирают. Жить можно.

Я спросил про бледных близняшек, которые, по мнению Коростелёвой, «морковки мало ели». Болезнь своей дочери она комментировать отказалась.

– Сложилось так. Может, прогневали его чем, – показала она вверх еле тлеющим окурком.

Я предложил ей посильную помощь с ремонтом крыши, но Коростелёва отказалась. Я дал ей пару купюр, которые она приняла охотно, и, оживившись, сказала:

– Я ж душой была... Думала, перехохочу судьбу. А видишь...

По второму адресу, который дал Иван Дмитриевич, жил его предшественник на посту главы администрации, Азамат Ирекович. Жил он в хорошем доме с большим задним двором. Словно скульптура, в центре двора стоял ржавый трактор с огромными вилами, которые восторженно торчали вверх. На вилах висела старая покрывка.

По моим прикидкам, Азамату Ирековичу было лет семьдесят, но выглядел он, как только что с консервации: свежим

и энергичным. На нём были трико и плотная клетчатая рубашка. Торс его казался гораздо крепче ног. Выйдя ко мне, от схватил пустую бочку, стоявшую на тропинке, и легко, будто картонную, отшвырнул в траву. Бочка издала глухое воб-воб и покатилась.

Азамат Ирекович пригласил меня в дом, изнутри похожий на квартиру, светлый и пахнувший бытовой химией. За столом с липкой скатертью красивая внучка налила мне чай с молоком из огромного пёстрого чайника и поспешно выставила на стол варенье из еловых шишек. На меня Альбина глядела с любопытством, но боялась деда, поэтому скоро исчезла. Хорошо отделанную кухню портили безобразные ленты с гроздьями прилипших мух. Азамат Ирекович то и дело ловил муху и стряхивал в стоящее у его ноги ведро; движения его казались не быстрыми, но удивительно точными.

Тёмные глаза смотрели на меня твердо и с недоверием. Сев напротив, дед несколько раз переспросил «с какого я издания». Слово «сайт», равно как название «Дирижабль», ему ни о чём не сказали. Возможно, он заподозрил во мне самозванца, держался сухо, но на вопросы отвечал.

Говорил Азамат Ирекович почти правильно, но с сильным присвистом, поэтому все шипящие у него звучали, как нечто среднее между ш и щ.

– Да, болеют, как не болеть, смертность на 32% выше, чем по региону. Это официальные данные. Неофициальные – 50%. Вот приезжает комиссия, у всех поголовно берут кровь.

Кровь взяли и увезли. Зачем брали? Говорят, санинспекция. Проверяют на вирусы. На бактерии всякие. Результатов не присылают. Мы запросы направляли. В минздраве областном отвечают, мол, раз не присылают, значит, нет ничего. Не нашли. А смертность тут высокая, вот детишек взять – из пяти только четыре доживают до совершеннолетия. Вот такая тут смертность.

– Ну, а причины? От каких болезней умирают?

– А кто знает? От разных. У Сумских в прошлом году умер Лёнька, жил-жил парень, вдруг кровью начал ходить, кашлять. Повезли в райцентр, там говорят – язва желудка, срочно операция. Отправили его к вам в город, там говорят – с лёгкими что-то. Начали лечить от лёгких. Он через два дня умер в больнице. Тётке его родной выдают справку о вскрытии. Там причина смерти – острая сердечная недостаточность. От какой болезни? Думаю, рак это. Метастазы.

– Вы же здесь были, когда комиссии приезжали. Какое мнение сложилось? Вам же как-то объясняли?

– Ничего не объясняли, – старик сделал жест, будто срубил ладонью дерево. – Сами догадались. Гептил это. Ракетное топливо. Гептил. Очень токсичное вещество. Здесь вагоны шли туда, на «девятку». Цистерны специальные, под высоким давлением. Ставят в тупик эту цистерну, а из неё давит гептил. Запах у него такой особый, неприятный. А может, авария была: мы же не знаем. Гептил теперь везде, в почвах, в растениях, воде. Гептил на детей больше действу-

ет. Генетический код меняет. А признавать никто не хочет. Признать – значит, переселять надо. А тут ещё не так давно тысяча дворов была. Вот и думай, как тысячу дворов переселить. Это, знаешь, не улицу построить. Это целый район надо. Вот и ждут, пока вымрут все. Была тысяча дворов, а сейчас и 300 не наберётся. Останется пять дворов – тогда и переселят. В морг сразу.

– Простите за нескромный вопрос. А у вас есть в семье примеры... Ну, кто-то болеет, может быть?

– Тут в каждой семье есть примеры. Дочь моя пять лет назад... Ты вон если интересуешься, на обратном пути на кладбища наши загляни, их тут четыре. На северном выезде увидишь лесок справа за мостом, там сразу кладбище. Это новое самое. Даты рождения и смерти погляди. Посчитай.

Азамат Ирекович хоть и говорил о вещах крайне болезненных, выдержки не терял; привычка докладывать по существу сохранилась у него с председательских времён, и лицо оставалось нейтральным, будто парализованным.

Уходя, я заметил тень его внучки, которая промелькнула в дальнем конце коридора. Внучка показалась мне красивой.

По третьему адресу был дом, низкий и очень захламлённый, из которого хотелось сразу выйти. В узком коридоре бок о бок с холодильником стояла стиральная машинка, оставляя лишь узкий проход. В коридоре пахло, будто здесь просушили множество использованных подгузников.

В доме жила Дарья Дмитриевна. С порога я услышал её

крик: «Кто там?». Когда я представился, она разочарованно пригласила меня внутрь. Она ждала почтальона.

Дарья Дмитриевна ходила плохо и только по нужде. Широченное тело занимало почти весь диван. Глаза заплыли от полноты и покраснели. Она необычно моргала, щурясь как бы сразу всем лицом, и от её прищура из глаз выливались слёзы. Они замирали на её полных щеках, как нерешительные щенки. Она смотрела в окно и тяжело водила рукой, показывая:

– Яблоню сестра сажала, умерла сестра. Рябину мать сажала, мать тоже умерла. Дуб дальше отец сажал, отца нет давно.

Она всхлипывала. Голос её был жалостливый и высокий, словно маленький боязливый человечек жил в глубине большого скафандра. Мои вопросы растревожили её.

– Я же племянницу на лето сюда звала. Говорила, у нас тут такие края, такая чистота. Не то что в вашем городе...

Слёзы душили её. Год назад у племянницы диагностировали рак костного мозга.

– Тут всё сразу, всё сразу, – всхлипывала она. – Тут правды не найдёшь.

Она приподнимала подол грязной юбки, как театральные кулисы, и показывала похожие на кегли ноги, почти нормальные в районе лодыжек, с распухшими огромными коленями. Кожа её напомнила желтоватую свечу. Поверхность вскрывалась язвочками, прижжёнными зелёной.

– Ноги отказывают, – жаловалась она. – В прошлом году брат жив был, помогал брат, а теперь умер.

От брата тоже осталось дерево – тополь. Он хоть и не сажал его сам, но любил очень и спас как-то от пожара, который по неосторожности устроили мальчишки. Тополь рос у реки. Из окна Дарьи Дмитриевны его видно не было.

– Поедешь, посмотри, жив ли тополь, – просила она.

У неё тоже брали кровь и направляли два раза в санаторий. Гипотез Дарья Дмитриевна не строила. Ей хватало своих забот.

– Сахар у меня 17. Диабетик я, – жаловалась она.

Всё же Дарья Дмитриевна сообщила интересную подробность: когда в Филино кто-то тяжело заболел, его направляли в район или в город и меняли прописку на временную, якобы для упрощения оформления в больнице.

– Как говорили: вот палата, самая лучшая, но только для городских. А мы вас оформим временно как городскую, и будете лежать. Ну, а что делать – лежали. А место рождения нам тоже всем ставили Нечаево; своего-то роддома тут не было никогда.

Так, вероятно, размывалась статистика смертности в Филино.

Уходя, я прикрыл за собой дверь и услышал за спиной шумный вздох, после которого наступила такая тишина, что я невольно вернулся и заглянул в комнату. Дарья Дмитриевна неподвижно смотрела в окно.

На выходе из её дома меня перехватил тракторист Мирон. Его трактор стоял возле моей машины и перекрывал путь. Сам Мирок курил рядом и был настроен поболтать или пособачиться.

– Чейный будешь? – спросил он с вызовом, будто уполномочен был контролировать миграцию в Филино.

Мирон не был злым:

– К кому-то гостить или по делу? – добавил он с любопытством.

Я спокойно рассказал ему об издании «Дирижабль», показал фотоаппарат, в котором Мирона заинтересовало количество мегапикселей, а когда я упомянул статью о Филино, Мирон оживился до крайности. У него не было недостатка в теориях, которые он излагал мне с прилежностью школьного учителя.

Возле железнодорожной насыпи, например, земля пропиталась мазутом, трава вся помёрла, пустырь образовался. На этом пустыре коровы, всё одно, жрут остатки травы, они же дуры, коровы-то, и молоко ихнее воняет соляжкой.

А ещё ракетчики оставили радиоактивные отходы:

– Вот по лесу идёшь, думаешь, грипп, а хватать – не грипп, а дрянь жидкая, типа кисей, знаешь, вонючая, ужас. Радиаций тут везде. Они эти заряды ныкали, а забирать – не забирают.

Но главное, запуски баллистических ракет проделали в озоновом слое огромную дыру. Я усомнился, что с ракетной базы совершали какие-то пуски, потому что 200-тонные

«Воеводы» наделали бы шороху, но Мирон настаивал, что стреляли ими регулярно.

– Я тебе сам видел, – с жаром доказывал он. – Лежишь на бугре вон том ночью, и, мать её, полетела. Красиво так, волнисто.

Мирон показывал траекторию, похожую на полёт бабочки.

После пусков солнечная радиация в Филино в тысячу раз превышала нормальный уровень, о чём Мирону сообщил приезжий профессор, делавший измерения с помощью прибора «типа компас, только с экранчиком» и не снимавший широкополой шляпы.

Я заметил, что сам Мирон черней иного африканца и лучей не особенно боится, на что он беззлобно рассмеялся:

– Нам-то чё, мы уже пропёклися.

Сигаретный дым проходил через его редкие зубы и затекал обратно в нос.

Была у Мирона и традиционная версия о радоне, тоже не лишённая оптимизма:

– Вы городские, знаш, на юга гоняете радоновые ванны делать, а у нас пьяный шасьт с Колючки, в лужу кувырк – тут тебе и радоновая ванна, и грязь целебная, – хохотал он.

Мирон отвёз меня на своём тракторе к бабке, имя которой не знал, но утверждал, что она является самым старым жителем Филино и родилась в начале XX века.

Старушка действительно оказалась ветхой, почти раство-

рившейся в эфире. Голос её был настолько слаб, что я с трудом разобрал её имя: вероятно, Астафья. Говорила она бесцветно и тихо, будто в старом теле жила уже не она, а истлевший лесной дух. Голос её походил на шуршание пенопласта.

Место, по словам Астафьи, было недобрым ещё задолго до прихода ракетчиков. В детстве Астафьи людей ссылали сюда за провинности, и они «мёрли как мухи», а причин Астафья не знала.

От Астафьи я вышел с облегчением. Воздух её старого дома с бесчисленными вениками по стенам действовал на нервы и казался заразным. Всё же я сделал вывод об удивительном расслоении филинских судеб, где одни умирали в подростковом возрасте, а другие, словно выработав иммунитет, переживали свой век.

От Астафьи я пошёл к автомобилю, брошенному неподалёку от дома Дарьи Дмитриевны. Улица казалась абсолютно нормальной, с лавками у заборов, резными наличниками на окнах, собаками с хвостами-саблями, ярко-жёлтым рошчерком газовой трубы, коллекцией тракторных покрышек у ворот, металлическими гаражами, киоском на углу улицы, мостом через узенькую речку, плакучей ивой и мухами, которые в Филино чувствовали себя особенно непринуждённо.

У профнастильных ворот большого дома стоял комбайн высотой с сам дом. Около него трудился жилистый мужик; такой поджарый, что издавлека я принял его за крепкого подростка. Циркулярная пила высекала из металла павлиний

хвост оранжевых искр. Самые яркие долетали до асфальта и катились по нему. Визг пилы раскалывал улицу напополам. Лицо мужика вспыхивало. Он закусывал нижнюю губу и щурился. Работал он остервенело.

Когда я подошёл ближе, он оторвался от дела и, закрыв глаза от солнца, следил за моим приближением. Я поздоровался.

– Корреспондент, что ли? – оскорбительно быстро отгадал он.

Говор его напоминал Азамата Ирековича. «Что ли?» звучало высоко, требовательно и протяжно.

Я кивнул.

– Рафик, – представился он, когда я протянул ему визитку.

Визитку он прихватил чёрными пальцами и сунул в карман трико, как ценность.

Стоило Рафику взяться за пилу, лицо его становилось шахтёрским и свирепым. Казалось, его раздражает моё присутствие.

Но как только унималась циркулярка, он щурился в улыбке и охотно отвечал на вопросы. Говорил он с сильным акцентом и тянул гласные, отчего словно «нормально» звучало как «намааальна», и, пока он тянул «а», успевал ещё живописно махнуть рукой и улыбнуться, развеивая худшие подозрения.

Рафик спросил, о чём я собираюсь писать. В отличие

от тракториста, он не строил гипотез. Когда я сообщил, что пытаюсь понять причины высокой смертности в Филино, он понимающе кивнул, но ничего не ответил.

– А вы тут с семьёй живёте?

– Дааа, отец, мать, дети, жена... – засмеялся он. – Дааа...

Все тут.

– Мне ваши соседи говорили, что болеют тут многие.

Он охотно кивнул:

– Дааа, болеют. У жены сестра болела. Три года назад похоронили.

Сказал он это без трагизма.

– А сами как? Переезжать не думали?

– Неее, куда переезжать? Всю жизнь бегать не будешь.

Нормально тут. Жить можно.

– Что думаете: почему люди болеют?

Он несколько секунд смотрел вдоль улицы, где катался на велосипеде малыш. Второй малыш бегал за ним с длинным прутом.

– Не знаю, – он сплюнул. – Везде болеют. Мы воду из своей скважины пьём. Из рек, из озер не пьём. Только свою.

– В воде дело, думаете?

– Не знаю. Сестра у жены на другом конце села жила, – он показал направление. – Там болото. Вода плохая.

На прощанье я пожал ему руку; ладонь его была графитового цвета и оставила на моей руке сизый отлив.

Я сел в машину и отправился на выезд к кладбищу. У мо-

ста через Вычу я обратил внимание на другой берег, где среди брошенных деревянных домов один, кирпичный, выглядел жилым.

После моста я свернул направо и подъехал к дому из белого кирпича с окнами без наличников. На фоне прочих филинских домов он казался альбиносом, лишённым бровей и ресниц.

Дом не был огорожен, хотя сбоку обнаружился приличных размеров садовый участок, на котором орудовал вилами молодой человек лет тридцати, раскидывая по земле навоз. У него были светлые волосы и бледная кожа, словно он, как и дом, хотел выделяться на общем фоне белизной. Я принял бы его за городского, тем более он носил очки, но работал он решительно и умело, что выдавало деревенскую выучку.

На моё появление парень отреагировал не сразу. Я подошёл почти вплотную, когда он воткнул вилы землю и опёрся на них. Видно было, что он устал.

Я представился. Он назвал своё имя – Иван.

Иван мне сразу понравился. С ним не нужно было настраиваться на особую, сельскую волну с их пёстрым, образным мышлением: разговаривал он, как горожанин. Я спросил, почему заброшены дома по соседству.

– Тут старики жили, – сказал он. – Это Старое Филино. Последние лет тридцать на том берегу селились. Здесь уже поумирали все. Там дальше целая улица была: её лет два-

дцать назад трактором разровняли.

– Для чего?

– Как для чего: хозяева умерли, дома остались. Жить никто не хотел. Приехали трактора и сломали всё. Я ещё не был здесь тогда.

– А вы не местный?

– У меня отец отсюда. Мы в 2000 году приехали из Иркутской области. Я там родился. А когда совсем плохо стало, отец захотел вернуться сюда.

– А не страшно тут жить, если вся улица поумирала?

– Отец вырос на этом месте. До тридцати лет здесь жил. Значит, не страшно. У всех по-разному проявляется. Лучше, чем в Сибири с голоду умереть.

– А что проявляется?

– В смысле? – не понял Иван.

– Вы сказали: у всех по-разному проявляется. О чём вы?

Ивана будто расстроил этот вопрос. Он снова начал ворошить старое сено, смешанное с вонючей субстанцией, которая ничуть его не смущала, зато привлекала полчища мух.

– А вы почему интересуетесь? – спросил он.

Я объяснил и показал журналистское удостоверение. Иван снова опёрся на вилы и сказал:

– Места радиоактивные. Раньше запрещали с дозиметрами ходить, а теперь уже не хочет никто. Кто выжил – тот выжил. Нам не страшно. Мы грибы не собираем. А так жить можно.

– Я читал отчёты: радиационный фон в Филино почти нормальный, – сказал я.

– Возможно, радиация не равномерно ложится, а пятнами. В Чернобыле так было. Места знать надо.

– Так, по-вашему, откуда радиация?

– Да откуда угодно. Здесь часть ракетная стояла. Когда взрывали её, земля дрожала. Может быть, где-то шахты с ракетами остались под землёй.

– А вы находили их?

– Нет, но в лесах люди натыкались на очаги радиации, – он махнул в сторону, где за полоской зелени был комбинат «Заря». – И грибы здесь ненормальные на болотах.

– А забор в лесу видели? Там целый комбинат стоит. Не знаете, что это?

– Там склады какие-то, – неопределённо ответил Иван.

А как же версия с гептилом? Мазутом? Он пожал плечами.

– Мазут вряд ли. Что мазут? Органика. Гептил тоже вряд ли, его же не в открытых вагонах возили. Да и возили ли? Я не специалист, может быть, ракеты на керосине и жидком кислороде летали. Это местные сочиняют. Это всё остаточная радиация.

Я решил надавить на Ивана:

– Я вот не понимаю: если вы знаете об очагах радиации, надо найти их, обозначить и привлечь внимание. Может быть, добиться переселения.

– Переселения... – фыркнул Иван. – Двадцать лет об этом говорят. Хотели бы переселить... Тут уже переселять некого.

Я упомянул Рафика, который тоже не думал переселяться. Иван оживился:

– Рафик молодец. Всё умеет и другим помогает. Никогда не отказывает. Комбайн сам построил. Пока Рафик здесь, нам тоже не страшно.

Я спросил о близняшках. Иван нахмурился, вспоминая. Я уточнил:

– Близняшки лет пяти. Белые, как смерть. Что с ними, не знаете?

Иван пожал плечами:

– Мешковские, что ли? Если Мешковские, мамаша у них странная. Дома сидят целыми днями, вот, наверное, и бледные.

Ниже дома-альбиноса текла обмелевшая речка Выча. Дальше вдоль берега стояли на неестественном расстоянии друг от друга три брошенных дома, слепых и с поваленными заборами. Окна последнего дома были забиты фанерой: может быть, наследники законсервировали его, не зная ещё, вернутся ли в эти места.

Во дворе одного из домов стояла в розово-белом облаке яблоня, и от её сияния весь двор казался удивительно живым.

Когда я прощался, Иван сказал негромко:

– Вам для статьи так глубоко разбираться не надо. Когда

военную часть убрали, с посёлка сняли режимный статус, по-свободнее стало. Но территория всё равно на особом контроле, имейте в виду.

Я спросил дорогу на кладбище. Он показал направление вдоль старой улицы. Проезжая мимо цветущей яблони, я невольно подумал, что, может быть, после смерти филинцы становятся деревьями и каждый прорастает там, где было место его силы, и потому вокруг Филино такие густые всклокоченные леса.

Кладбище я заметил не сразу. Оно располагалось почему-то на склоне, в леске, и когда я съехал в низину перед холмом, чтобы освободить узкую дорогу, острия трав поднялись выше окон. Машина утонула в тихой траве.

Я пошёл по склону. Могил было много. Город мёртвых уходил вверх, теряясь в деревьях. Редкие могилы были убраны, остальные заросли травой столь густой, что периодически я натёкался на спрятанные в молодой зелени и сухом вьюне ограды. Большинство имели лишь деревянные кресты с табличками. Надгробия если и встречались, были простыми, серыми, из бетона или местного камня.

Я читал надписи.

Сиренева Марина Витальевна, 1942—2015.

Маркова Ирина Петровна, 1972—2013.

Марков Антон Сергеевич, 1996—2015.

Лагунские Павел Александрович и Раиса Сергеевна с одним набором дат на двоих, 1963—2014. Семейное счастье

по-филински – родиться и умереть в один год.

Петров Дмитрий Леонидович, 1985—2015.

Вострикова Янина Ильинична, 1989—2016.

Алёхин Максим, 2007—2016. Могилка огороженная, чистенькая, с фонтаном пыльных искусственных тюльпанов, которые склонили головы к самой земле. К лакированному деревянному кресту прибита фотография мальчишки с короткой чёлкой и ямочками по краям улыбки.

Справа по кладбищу шёл ряд свежих могил. Некоторые холмы уже подёрнулись клочьями свежей травы, другие, вырытые весной, ещё чернели. Я насчитал семь новых могил.

Я пошёл обратно и у подножья наткнулся на совсем старую могилу, которую почти проглотила молодая трава.

Гальев Сергей Антонович, 1965—2006.

Годы рождения и смерти – в точности как у моего отца. Я сел напортив.

Отец навсегда остался в моей памяти молодым, точнее, наполненным жизнью. Когда мы исподтишка отмечали его сорокалетие, потому что сорокалетие не отмечают, кто-то из приятелей отца сказал, что тому пошёл пятый десяток. Я внезапно расстроился. Так расстроился, словно про отца сказали какую-то мерзость. Пятый десяток означал приближение старости. Мне было сложно поверить, что этот процесс коснётся и отца тоже. Мне было 17 лет, и «пятый десяток» звучало, как медицинский диагноз.

Но отец решил не стареть. Он умер на следующий год,

сделав моё сожаление ужасно глупым. Лучше бы ему шёл пятый, а потом шестой десяток, пусть бы его чёрные волосы и борода побила седина, пусть бы фигура утратила офицерскую осанку, хотя военным он не был, и пусть бы я мучился сожалением, что отец стареет и старею я сам.

Я резко встал. Закружилась голова. Я спустился к машине; небо на горизонте чернело, но солнце пекло через рвань облаков. Воздух был плотным и горячим.

На обратном пути я подобрал старика из треугольной автобусной остановки, удивляясь его упорству: он выдержал в духоте несколько часов.

Старик отчаялся настолько, что вышел наперерез мне, широко расставив руки. Его косматая клюка висела, как задушенная змея. Он попросил довезти его до Карасёво, долго устраивался, оббил клюкой порог автомобиля, раскашлялся. Вместе с ним в машине устроился запах прокисшей одежды, поэтому я открыл окно и ехал, подставив ветру левую половину лица. Дома я обнаружил, что изрядно обгорел.

Старик оказался с хитрецей: у Карасёво он заявил, что ему нужно чуть дальше посёлка, потом попросил подкинуть до следующей развилки, потом ещё и ещё, в общем, проделал этот трюк раз восемь.

В отместку я стал расспрашивать его о Филино и расположенном рядом объекте. Старик отвечал живо, многословно и бестолково.

– Сестра у меня тут. Раньше-то тут весело было. Шу-

рин самогон из рябины делал. Раньше на машине ездили. Умер шурин уже. Я монтажником всю жизнь. Суставы уже ни к чёрту. Давно не работаю. Сюда никак не добратсья. Автобус отменили года три как. Нету спроса. У шурина машина была. Помер он. Сгорел. Высох. Тут края такие, нехорошие. Часть военная у них была. Вода теперь плохая. Я никогда у них воду не пил. Только самогон. Шурина его на углях фильтровал. Фильтр всю заразу берёт. Но помер сам. А сестра ещё жива, старая только. Скоро и нам помирать.

Вышел он на остановке около въезда в город, усердно благодаря и приглашая меня на чай, если буду в его краях.

* * *

Оля злилась, когда я уезжал по работе в выходные. Я напоминал ей иногда, что сама она медик, а медики часто работают ненормированно, но Оля была офтальмологом в платной клинике и работала по пятидневке. Тем более её злила необязательная поездка в Филино.

Когда я вернулся ближе к вечеру, Оля уже отмякла. Она сидела на крыльце дома и вычёсывала Рикошета специальной щёткой, которую только что привёз курьер вместе с кормом. Рикошет вертелся и пытался схватить Олю за руку. Я сел рядом. Вечер был душным. Пахло яблоневым цветом и пирогом на кухне.

– Это хачапури, – уточнила Оля. Она делала замечательные хачапури: плавленый сыр в них тянулся, как рыбацкие сети.

Рассказ о посёлке вызвал у Оли странную, несвойственную ей тревогу.

– Разве могут люди так просто умирать? Это же привлекает внимание. Я знаю, как это заведено в минздраве. Их бы замучили проверками.

– Их и замучили. Лет двадцать назад. И ничего не нашли.

– Детская смертность на особом контроле. Если там болеют дети, нужно искать.

– Не знаю, – я толкнул её плечом. – Да ладно, чего ты напряглась? Разберёмся. Я же занялся.

Рикошет улучил момент и вырвался, побежав искать оранжевый мячик под беседкой.

– А что ты найдёшь, если столько проверок было? – спросила Оля.

– Есть у меня теория.

– Ты всё про эту ограду в лесу?

– Да. Эта ограда называется ФГКУ «Комбинат „Заря“». И это не комбинат и не склады. Это могильник радиоактивных отходов.

– Что? Откуда ты знаешь?

– Не знаю, но похоже на это. Ну, как сказать... Филино – территория для экспериментов. То их гербицидами потравили, то гептилом, а потом, видимо, совсем списали.

Рикошет рыл лапой под беседкой.

– Не лез бы ты в это дело, – сказала Оля. – Если это могильник, его наверняка охраняют. И рассказывать о нём

нельзя.

– Верно. Пусть подышают.

Клятва Гиппократа зашевелилась в Оле. Она завелась:

– Я не про то. Надо как-то по-другому.

– Как?

Оля пожала плечами. Рикошет вернулся с мячиком в зубах.

* * *

В воскресенье мы сдали Ваську родителям Оли и предались безудержному шопингу, который закончился ничем. Так бывает, когда у тебя есть настроение что-то купить. Вот когда его нет, хорошие вещи соблазняют с каждой витрины, но когда ты поехал за ними, они прячутся, как грибы.

Блузки, которые прикидывала на себя Оля, были не того размера, слишком цветастые, чересчур мрачные. Джинсы висели на мне так, словно я мерил их в подгузниках. Я так утомился от примерки, что, в конце концов, выбрал свои же джинсы, приняв их в общей куче за единственные более-менее удачные.

Мы сходили в кино, но и фильм оказался довольно примитивным, про агента ФБР и маньяка, которые спешили к предсказуемой развязке так, словно во время съёмок их не пускали в туалет. Сценарии подобных фильмов, вероятно, пишутся азбукой Морзе, а недостатки операторской работы скрадывают ночные съёмки, будто в их мире дня просто не существует.

Это не испортило настроения, напротив, мы отдали дань дурным идеям и пошли обедать в одном из кафе на верхнем этаже торгового центра. Оле захотелось съесть какой-нибудь жуткий тошнотик, и она действительно заказала сосиску в тесте, заявив, что это напоминает ей молодость. То есть времена пятилетней давности.

Я ненавидел шопинг, но отдавшись этому бестолковому занятию с головой и потерпев фиаско, я хотя бы имел право заявить «ну, я же предупреждал».

Мы строили планы на вечер. Было бы хорошо купить две бутылки сухого красного вина, вытащить в сад кухонный телевизор, кресла и небольшой столик, разложить на нём сыры и охотничьи колбаски, замотаться в пледы и смотреть какой-нибудь бесконечный сериал. Оля голосовала за «Игру престолов», я склонялся к *Breaking Bad*. Оля была не прочь посмотреть старый советский фильм, но здесь наши вкусы расходились, потому что ей нравились комедии, которые я не выносил, а я любил меланхолические картины вроде «Доживём до понедельника».

– Под вино хорошо пойдёт «Ирония судьбы», – сказала Оля.

– Я тебя умоляю. В конце мая это нонсенс. Это как холодец в Таиланде.

– О, холодец! – оживилась Оля, откладывая свой тошнотик. – Давай заедем в «Эверест» и купим холодец. Там отличный холодец. И будем есть его с васаби и французским

вином под советский фильм. Отличное сочетание?

– Да. Я тогда возьму какао с чипсами и поиграю в тетрис.

– О! А можно ещё включить Queen. Точно. О, давай Live Aid 1985 года, там Queen тоже были!

– Это уже теплее.

– Тогда надо колонки вытащить. Точно. Обставим всё колонками и включим на полную. Хеееей-ооо! – выкрикнула она, подражая Меркьюри. – Хей-о-хей-о-хоооо!

– Может быть, Nirvana Unplugged in New York? – предложил я.

Оля питала слабость к Кобейну.

– Круто!

Мы направились к выходу из торгового центра, фонтанируя идеями. К полудню толпа стала гуще и как будто злее. Недалеко от выхода мы наткнулись на Савву.

Мы вышли на него в той безнадёжной манере, которая лишает шансов увернуться от взгляда. Поток людей впереди вдруг расступился, обтекая киоск. У киоска стоял Савва и смотрел прямо на нас. Мы напоролась на этот взгляд, как напарывается на льдину корабль.

– Привет, – сказал я громко.

Он едва заметно улыбнулся и ответил:

– А, здрасьте.

Савва не показывал ни радости, ни тревоги. Он был одет в кожаную мотоциклетную экипировку. Расстёгнутая куртка придавала ему довольно отчаянный вид.

Оля тоже не потеряла лица. Секундное замешательство она разбавила вопросом:

– Ты как здесь?

– Товарища жду, – ответил он в ленивой, располагающей манере, которая неизменно вызывала у меня зависть. – А вы чего? Шопились?

– Да, – ответила Оля. – Неудачно. Ты не женился ещё?

– Не-а, – ответил Савва так же нехотя. – У вас как? Хорошо всё, я смотрю.

Он кивнул на жалкий пакет, который я тащил в руке. В пакете были батарейки для Васькиной игрушки и единственная блузка, которую Оля решила купить. С этим обвисшим пакетом я, должно быть, выглядел как-то особенно жалко; по крайней мере, это можно было прочесть в лице Саввы, что было особенно болезненно из-за его вполне честного равнодушия к моей персоне.

– Нормально, – кивнула Оля. – Ладно, мы пошли.

В последней фразе мне померещилась незаконченность, миллисекундная пауза, которой Оля надеялась продлить разговор.

– Пока, – произнёс Савва торопливо, устремляясь куда-то наискосок от нас к выходу на парковку. У дверей его встретил ещё один байкер.

В машине Оля почувствовала мою внезапную скуку и пихнула в бок:

– Чего ты помрачнел?

– Да, блин. Так всё было хорошо, и надо было его встретить!

– Ну, а что изменилось? – удивилась она.

– Не знаю. Просто вид твоих бывших любовников портит мне настроение. Это от меня не зависит.

– Да я о нём и не думаю.

– Зато я о нём теперь думаю.

– Не дури. Это давно было.

– Но было.

– Всё. Давай приедем, включим «Металлику» и будем колбаситься весь вечер. Ну, не грузись. Не люблю, когда ты таковой.

– Не знаю. У меня настроение исчезло. Работать надо. О Филино почитать ещё. На работе всё равно толком не дают.

Оля обиделась. Некоторое время она молча рулила, проезжая сложный перекрёсток, потом фыркнула:

– Ну, ты серьёзно? Ты из-за этого теперь будешь весь вечер дуться?

– Нет, я могу его зарезать как-нибудь подло, из-за угла. Это бы меня слегка развеселило.

– Не смешно ни разу.

– А мне смешно. И надо работать.

– Я в «Эверест» еду? – спросила Оля упрямо.

– Если тебе там что-то надо.

Дома меня одолело острое раскаяние и желание возро-

дить идею нашего романтического вечера без Васьки, но ещё сильнее оказалось скрытое упрямство, которым я усадил себя за ноутбук в спальне и стал читать о Филино.

Голова работала плохо. Часа через полтора я заскучал. Чтение такого рода не приносило ни пользы, ни удовольствия. Я вышел к Оле, которая строгала салат, и стал помогать. Мало-помалу настроение к нам вернулось, но тащить в сад телевизор мы заленились, холодца не было, французского вина мы не купили, поэтому устроились в спальне с чаем и стали смотреть «Стендап».

– Ты у меня всё равно лучший, – сказал Оля перед сном.

А я задумался, что значит это невольное сказанное «всё равно»?

* * *

Утро понедельника выдалось бурным. Ночью какой-то ненормальный разгуливал по спальному району с пистолетом, а когда его задерживал наряд ППС, выстрелил в полицейского, нанеся «нелетальную травму глаза», как значилось в сообщении пресс-службы МВД.

Вместо утреннего кофе я висел на телефоне, узнавая подробности. Трубка неприятно грелась от уха.

Пистолет оказался газовым. Героем был объявлен напарник полицейского. Он сумел увернуться от второго выстрела и задержать агрессора. О последнем не было известно почти ничего, кроме фотографий из соцсетей, на которых он выглядел молодым бычком с удалым нравом и пивной осанкой.

Видимо, где-то по пути у парня случился кризис среднего возраста, он «выпил немножечко» (цитата из оперативной съёмки), а потом с голым торсом и расстёгнутой ширинкой пошёл гулять по району, демонстрируя обе своих гордости: член и газовый пистолет.

Я придерживал телефонную трубку плечом. Пальцы прыгали по клавишам. Мессенджер в правом углу экрана полыхал сообщениями Алика, который требовал выложить заметку немедленно. В паузах я печатал ему в ответ «Алик, иди на хер» и тут же стирал, заменяя на более нейтральное «ок».

Я опубликовал заметку без вычитки корректором и полез репостить её в соцсети «Дирижабля». Потом вернулся на страницу с публикацией и с удовлетворением следил, как нарастает лавина просмотров: каждое обновление страницы увеличило счётчик на тысячу с лишним. Когда он дошёл до 20 тысяч, следить стало неинтересно.

Под статьёй появились первые комментарии, и вдруг я заметил сообщение от Бориса Лушина – он написал от своего имени.

«Автор, пистолет называется ПСМыч, а не Макарыч».

«Автор». У меня так-то имя есть.

Я полез разбираться. В релизе силовиков пистолет был обозначен ИЖ-78-9Т. Я переключился на страницу интернет-энциклопедии, которой пользовался, и хотел было ответить Боре в меру грубый ответ, но тут заметил, что у «Ма-

карыча» действительно другой, хотя и похожий индекс – ИЖ-79-9Т.

Боря тем временем блистал эрудицией в комментариях. «У Макарыча ствол больше. ПСМыч позже появился». Откуда он это знает? Тоже, поди, википедии начитался.

Я написал ему сухую благодарность и полез править статью, а заодно все подводки к соцсетевым анонсам, куда я умудрился вытащить упоминание «Макарыча», потому что слово звучало круто и создавало иллюзию, будто полицейского ранили в глаз из настоящего пистолета Макарова. После исправления на «ПСМыч» эффект пропал: стало казаться, что полицейского ударили смычком.

Планёрка началась с бурного обсуждения инцидента, которое подогревало присутствие Алика.

– Быстрее надо такие вещи давать, – ворчал он незло.

Его умиротворяла волна трафика, которую создала моя торопливая заметка.

– Чтобы давать, нужно узнать сначала, – возразил я. – Менты не сразу подтвердили.

– Да хер с ними, – глаза Алика разгорались водянисто-серым. – Если ты будешь ждать подтверждения, ты напишешь одновременно со всеми. А мы должны делать на шаг раньше. Как только соцсети загудели, сразу делаешь заметку из одного абзаца. «По неподтверждённым данным фараону отстрелили ухо, второго убили и съели». И в конце: «Мы следим за развитием событий». Когда менты увидят такое, они тебе

прокомментируют вне очереди.

Борис не стал упоминать о своём мелком триумфе. Он сидел расслабленный и непривычно спокойный, возможно, довольный тем, что уже потоптался на мне с утра.

– Там такой мальчишка молодой, этот полицейский, – причитала Арина. – Теперь ослепнуть может на один глаз.

Неля, которая работала с полицией больше остальных, лишь фыркнула:

– Ой, я тебя умаляю. Менты, которые не могут одного си-небота вдвоём обезвредить – это смешно. Как можно допустить, чтобы тебе из газовика в лицо стрельнули, когда у тебя боевое оружие?

– Боевое оружие применишь, потом бумажки писать замучаешься, – донёсся голос Паши-фотографа, бывшего десантника.

– Вы, кстати, следите за состоянием этого мента, – распорядился Алик. – Если окосеет или ослепнет, делайте подробности. Кстати, поговорите с ним в больнице. Спросите, как всё было.

Гриша, которому тема с подстреленным ментом вряд ли была интересна, тем не менее согласился:

– Мы должны привносить в каждую историю человечность. Может быть, на его примере рассказать о работе сотрудников ППС?

– Да ну тебя! – снова фыркнула Неля, которую, по-моему, задевало, что жирная тема прошла мимо, пока она отвози-

ла ребёнка в детсад. – Что там за история? Девять классов, ПТУ, армия и ментовка от безысходности?

Я заметил на планёрке ещё одного человека. Алиса сидела в стороне наискосок от нас, тихо и прямо, словно ожидала собеседования.

Алиса была девушкой Алика. Может быть, она была даже его женой, хотя в это я верил с трудом. В их отношениях не было претензии, которая появляется у молодых пар после свадьбы. В них было даже что-то трогательное, совершенно нехарактерное для самого Алика.

Контраст между ним и Алисой занимал меня каждый раз, когда я видел их вместе. Алик не был толстым, скорее, он пошёл в свою низкорослую армянскую маму, Азу Ветлугину, которая скрывала полноту тугими платьями и любила массивные кольца и браслеты. У Алика была большая круглая голова и светло-серые, выпуклые, материнские глаза. От него всегда исходили вибрации, гнев или восторг. Нахождение Алика в комнате чувствовалось, как если бы дальнем углу включался сабвуфер. Алик не был злым, скорее, вспыльчивым. Он был уверен, что добился всего преимущественно сам, и был склонен к театральным проявлениям величия, становясь то великодушным, то непреклонно жёстким. Алику нравилось чувствовать себя этаким Стивом Джобсом, чья эксцентричность приводит к неожиданным результатам.

Алиса была другой. Сложно было представить сам жест,

которым Алик касается такой тонкой женщины; для него было бы естественней обхватить избранницу за шею, плечи, хлопнуть по заднице, весело потянуть за собой. Его девушка, в моём представлении, должна быть железной хохотушкой, которая не прочь прокатиться на его «Порше» и выпить с ним в придорожном кабаке.

Алиса была выше его и тоньше; тоньше не только в смысле фигуры, но и в смысле линий, которыми хотелось её нарисовать. Для Алика понадобилась бы малярная кисть, для Алисы – остро отточенный карандаш.

Я видел профиль Алисы в бьющем свете редакционного окна, и руки просили карандаш, чтобы парой точных, скупых штрихов набросать её белое лицо, свободную косу, светлый пиджак и длинную юбку. А ещё – бордовый платок вокруг шеи. Алиса любила такие платки. Она вообще открывала очень мало себя, носила длинные рукава, высокие воротники или такие вот шарфики.

Алису и Алика я принимал за двоюродных родственников или просто знакомых, пока не увидел, как он берет её руку и касается плеча. Алик, при всей обрывистости его характера, при появлении Алисы смирял себя.

Я не знал, живут ли они вместе или просто встречаются, есть ли у них дети и как протекает их жизнь за стенами редакции. Алиса иногда ждала Алика в его кабинете или в приёмной у входа на этаж. Алиса привлекала внимание, но никогда не пользовалась этим. Алик излучал звуки, Алиса их

поглощала. Возможно, на этой разнице потенциалов строилась их гармония.

Иногда Алик впадал в крайние эмоции, бросал Алисе колочие слова. В такие моменты мне становилось не по себе, будто оскорбляли мою знакомую. Я не знал, чем заканчиваются подобные сцены: встаёт ли Алик на колени или Алиса делает скидку на его несдержанность. Чаще он был с ней мягок.

– Что у тебя? – Гриша разбудил меня от мыслей.

Я рассказал о поездке в Филино. Алик слушал с любопытством и затем подытожил:

– Собирай всё вместе. Фотки есть, истории есть, такое всегда читают. Жги, короче.

Я заметил неудовольствие на лице Гриши. Гриша не любил поспешности. Он любил военную историю и мог полгода изучать лингвистические особенности фронтовых писем, чтобы потом в интернет-споре огорчить своей эрудицией профессоров местного истфака.

Я ответил:

– Пока не о чем писать. Есть мифы и мои собственные подозрения. Я бы ещё покопал денёк хотя бы. Надо набрать фактуру. Я о Филино почти ничего не знаю.

– Я предлагаю сейчас не тратить время коллег, – сказал Гриша. – Подобные истории нужно подавать под правильным углом, поэтому давайте обсудим отдельно.

С подачи отца Алик прислушивался к Грише и часто усту-

пал авторитету главреда, но сегодня был настроен решительно.

– Не надо из себя Хэмингуэев строить! – возразил он. – Если я захочу поковыряться, я в носу поковыряюсь. В работе не надо ковыряться. Я не говорю о халтуре. Но материал готов на 90%. Всё, запускаем.

– Таких историй из любого посёлка можно привезти вагон, – лениво сказал Боря. – Чтобы получилась хорошая история, нужно в неё взглядеться, иначе мы потеряем читателя.

– Я говорю, Боря, – резко сказал Алик, – что не надо целый месяц вглядываться в портрет Шевчука и рассуждать, чего там в его взгляде больше, гнева или отчаяния, чтобы потом выпустить материал 17 мая.

Алик припомнил Боре недавнюю статью к юбилею лидера «ДДТ», которую Борис, как поклонник группы, взялся писать ещё в марте, а потом просрочил и вывел на день позже, из-за чего соцсети сожгли нас огнём сарказма.

Я попросил дать мне хотя бы день. Алик с Гришей уже готовили свои аргументы, но мы не успели прийти к согласию, потому что явился опоздавший Виктор Петрович Самохин и встал за спинами Алика и Гриши с загадочной улыбкой.

– Что там, Виктор Петрович? – вполоборота развернулся к нему Алик. – Опять пьяный сосед начудил?

Это была аллюзия на попытку Виктора Петровича тиснуть в печатную версию «Дирижабля» статью или, скорее, фельетон о соседе-алкоголике, который провёл ночь в куче отхо-

дов, провалившись в мусорный бак.

Самохин улыбнулся ещё хитрее:

– Нет, лучше. Сейчас Гаврилова звонила... это директор зоопарка... Короче, слон Филя у них... Ну Филя... Мы писали. Слон индийский.

– Ну, мы поняли, – кивнул Гриша. – Что с Филей?

Виктор Петрович переминался с ноги на ногу:

– Короче, запор у него третий день или даже больше. Сегодня будут... как-то она сказала... механически чистить, что ли. Я не разбираюсь, но жалко прям слона. Дети его любят.

Я заметил отвращение на Гришином лице. У Гриши жила собака вроде пекинеса, ставшая звездой его Инстаграма. У собаки была тупая мордочка и такой пышный зад, будто она села на петарду. Походка её напоминала ламбаду. Подозреваю, из мира животных Гриша любил только свою Тоську и, может быть, кавалерийских лошадей. Слон, даже страдающий запором, не вызывал у него интереса.

Алик, напротив, взбудоражился:

– Если он при смерти, надо писать. Это же насчёт него споры были, что нельзя его в наших условиях содержать? Получается, прав был ветеринар московский. Лучше бы в Питер отдали. Угробили, получается. Мрази, б.

– Сдохнет когда, некролог напишем, – сказала Неля, роясь в смартфоне. Ей не терпелось идти.

– Кто сдохнет? – рассвирепел Алик. – Когда сдохнет, все

напишут. Давайте стрим делать прямо из вольера. Договоритесь с зоопарком.

– Делать стрим о том, как просирается слон? – удивилась Неля.

– А ты каждый день видишь, как срут слоны? Вот ты и займись.

– Ты издеваешься?

Алик закипел:

– Блин, народ, единственный в городе слон заболел. Почему мы должны ждать, когда он сдохнет? Ребята, вы никогда не начнёте работать нормально, если не будете видеть темы у себя под носом. Это реально интересно. Слон уже интересен. А больной слон – это, считай, полгорода будет следить за его состоянием. Неля, двигай в зоопарк и стримь оттуда. Поговори с директором, с ветеринарами, с уборщиками. Спроси, сколько слон обычно делает говна. Отчего там этот запор возник. Чем кормят слона в зоопарке. Сколько тонн бананов ему надо в сутки. Куда этот навоз девают потом.

По комнате прокатились смешки. Неля закатила глаза:

– Ладно, позвоню.

Алик обернулся к Виктору Петровичу.

– Так, а вы тогда сидите здесь на приёме и делайте заметку. И радиийщикам скажите, пусть в эфир дают. Ладно, сам скажу.

Виктор Петрович присел и развёл руками:

– Да я же это... Мне в двенадцать на слушания...

– А, я забыл, – кивнул Алик. – Максим, тогда ты подхвати тему.

Я закрыл лицо руками. Алика это возмутило:

– Да хорош из себя целок строить! Нормальная тема: как спасают слона. Мы должны показывать людям жизнь во всех проявлениях, – он хлопнул в ладоши. – Раз, два, три! Работаем.

После планёрки я собирался уделить полчаса Филино и комбинату «Заря», и у меня было хорошее предчувствие. А когда Неля доберётся до зоопарка, я переключусь на слоновьи заборы и после обеда снова займусь Филино. Таков был план.

Едва я открыл папку с филинскими документами, позвонил дольщик Игорь. Минут пять я терпеливо конспектировал его напористую речь. По словам Игоря, многие дольщики не подозревали, что их риски застрахованы, и теперь намерены обращаться в суды. Кроме того, планируются очередные слушания о судьбе спорного участка. Жителей соседних домов умело подзуживают, рассказывая о прелестях благоустроенной Ильинской рощи, на самом же деле знакомый Игоря в прокуратуре прямым текстом сказал ему, что участки уже куплены под малоэтажную застройку. И если свалят их, «алмазовцев», то никакой рощи не будет, а будет коттеджный посёлок с трёхметровым забором.

– Не, главное, понимаешь, никто же толком не знал, что нам выплата положена... Мне вот откуда знать? Я работаю

по шестнадцать часов. У меня нет времени читать договоры. Вернее, мы же перезаключали договор в марте. Там уже, знаешь, напихуешься, не читаешь всё до буквы.

Я перестал записывать и слушал из вежливости, подбадривая Игоря хмыканьем. Рассказав ту же историю по кругу, Игорь пошёл на третий заход.

– Если бы людям сразу сказали про страховки, мы бы не тратили время. Я бы лично забрал деньги.

Я перестал хмыкать и стал искать место в плотном частотном Игоре речи, чтобы обозначить своё понимание вопроса, но Игорь распался всё сильнее.

– Игорь, Игорь, Игорь, – беспардонно заглушил его я. – Игорь, я понял ваш вопрос...

Он на секунду примолк, но тут же включился снова:

– Максим, да я, собственно, и хотел просто сказать, что дело же не в том, что мы там кому-то насолить хотим или лишнего взять, но, извините, если страховая содрала с застройщика миллионы, понимаешь, миллионы, а теперь просто нам показывает кукиш, знаешь, мы это так не оставим...

И снова завёл шарманку про слушания и коттеджи, разбавляя историю новыми подробностями. Человек из прокуратуры сообщил Игорю, что один из участков купил посаженный в СИЗО вице-мэр.

– Игорь, – не вытерпел я. – Всё, я понял, мне нужно работать.

Моя речь наслаивалась на его, потому что Игорь, по-мое-

му, держал трубку у рта и не очень слышал ответы. Всё же какие-то вибрации заставили его сделать паузу, но лишь на секунду.

– Я вас понял, Максим, – продолжил он. – Я просто за рулём еду, мне не очень удобно говорить, слушайте, если вы будете писать, то пишите как есть, потому что я, например, только из вашей статьи узнал, что нам положены какие-то выплаты, а это, оказывается, по закону так...

Я расхаживал по ньюсруму взад-вперед под недовольные взгляды Арины. Наконец, я сказал отчётливо:

– Игорь, извините, у меня важное дело, – и сбросил звонок.

Несколько секунд я пытался вспомнить, чем занимался до звонка Игоря. Времени на Филино уже не оставалось. Я сел гуглить возможные причины запора у слонов.

Скоро вернулась Неля.

– Звонила Гавриловой, директорше зоопарка, – раздражённо сказала она. – Ей больше не звони. Стерва какая-то. Разговаривала со мной, как со школьницей... Короче, она категорически против стрима. И к слону нас подпускать не хочет. Вот, дала телефон ветеринарной службы зоопарка. По-моему, там не о чем писать. Я убежала. У меня с начальником ФАС встреча.

Алик, услышав разговор, приоткрыл дверь своего аквариума и крикнул:

– Макс, давай срочно заметку.

– Так надо выяснить, что случилось, – нехотя ответил я.

Неля переключала вещи на своём столе с такой нервозностью, словно и её тоже мучил запор. Покидав их в сумку, она пошла прочь из ньюсрума. Алик наставлял меня:

– Ты пиши со слов Петровича, потом делай приписку «следим за ситуацией». Запускай онлайн. И обновляй информацию почаще.

Он прикрыл дверь, оставив меня наедине с чистым документом, в шапке которого я написал:

«Слон и запор: самый крупный обитатель городского зоопарка не может...»

Требовался глагол, но ничего лучше «нагадить» не подходило, поэтому я переформулировал:

«Отравился бананами: слона в городском зоопарке мучает запор».

Я даже не знал, едят ли зоопарковые слоны бананы. Я поправил заголовок:

«Слабительное для слона: у любимца детей возникли серьёзные проблемы со стулом».

Заголовок не цеплял, поэтому я добавил интриги:

«Тонны фекалий: слон в городском зоопарке перестал делать навоз».

«Делать навоз» звучало ужасно, будто в этом и была миссия зоопаркового слона, и теперь он по воле слоновьего профсоюза объявил забастовку, оставив город без удобрений.

«Дерьма стало меньше: слона третий день мучает запор».

Первая часть заголовка больше подходила к новости про сегодняшнее увольнение чиновника из городской администрации, который отвечал за социальное развитие. Кроме того, слово «дерьмо» в заголовке Гриша не пропустит даже ценой собственного увольнения.

Лаконичный заголовок не придумывался, а в окне мессенджера уже появился вопросительный знак от Алика, которому неведомы авторские муки, когда твою музу не вдохновляет слоновий запор.

Я начал быстро строчить:

«Как сообщили очевидцы, любимец детей, самый крупный обитатель городского зоопарка индийский слон Филя заболел – у него случился запор».

Мне не нравился предложенный Аликом оборот про очевидцев. Очевидцы, утираясь, могут рассказать о слоновьем поносе, но запор, вероятно, не так уж очевиден.

Я исправил на классическую фразу «По информации наших источников...» что тоже звучало нелепо. Такие фразы вообще вызывают скепсис, потому что равносильны обороту «по слухам». В данном случае создавалось впечатление, будто у автора в зоопарке есть знакомый сурикат, который сообщил о беде старшего товарища.

Я убрал ссылку на источник информации и добавил два абзаца про самого Филю. Это был молодой индийский слон массой примерно три тонны и ростом более двух метров

в холке. Нашему зоопарку его подарил московский зоопарк в июне прошлого года. Содержание животного взял на себя местный предприниматель Артур Силаев.

Заголовок я сделал нейтральным: «В городском зоопарке заболел единственный слон: специалисты ищут причину запора».

Прицепив фотографию Фили в его тёплом вольере, я отправил заметку на выпуск и стал звонить по телефону, оставленному Нелей. Администратор ветеринарной службы ответила, что мне нужен некий Иван Алексеевич, который где-то ходит, вероятно, подыскивая слабительное для слона. Отвечала она охотно, как будто интерес к слоновьим запорам вызывал у неё понимание. Была у неё и своя версия: дескать, детишки вопреки инструкциям кормят слона сладостями, отчего тот страдает чесоткой и непроходимостью кишечника. Она записала мой телефон на случай, если Иван Алексеевич появится на горизонте. Дать его сотовый она отказалась, сославшись на внутренние правила.

Следующие четыре часа расширили мой кругозор. Слоны едят до двух с половиной центнеров еды в день. Точное количество производимого ими навоза перезвонивший мне Иван Алексеевич назвать затруднился, буркнув «мы не взвешивали». Всё-таки мы сошлись, что центнер дерьма в день – величина более-менее реалистичная, и эта важная информация по настоянию Алика перекочевала в заголовок, хотя «дерьмо» мы заменили на более нейтральное «навоз». По-

путно выяснилось, что слоны отчаянно пердят, и два кубометра метана способны спровоцировать небольшой взрыв.

– Вот! – радовался Алик. – Добавь это абзацем.

Для уборки дерьма в зоопарке есть два сотрудника. Они же кормят Филю сеном, корнеплодами (в основном морковью) и чёрствым хлебом, для сбора которого в зоопарке есть корзина с надписью «Для слона Филимона». Фруктами его кормят посетители, покупая их тут же по тройной цене. Приносить свои фрукты строго запрещено.

Алик, кружа около меня, восклицал:

– Блин, ну это же реально интересно. Ты прикинь – центнер дерьма в сутки выгрести! Мне кажется, стадо коров столько не делает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.